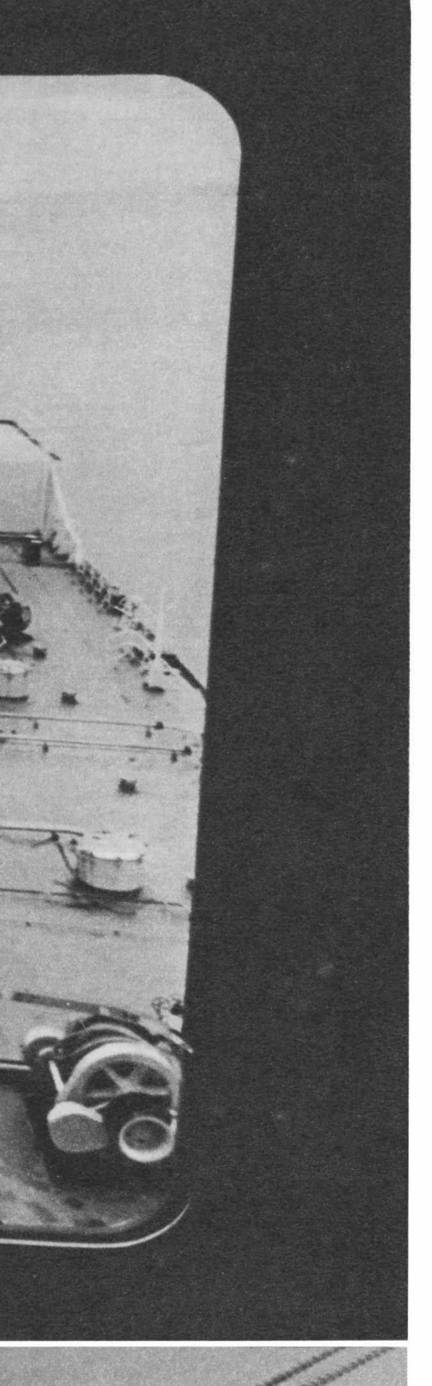

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Старший механик Эрнест Кодымский.

Танкер «Галилео Галилей».

Норд-ост 12 баллов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 11 (1968)

14 МАРТА 1965

Ю. КРИВОНОСОВ

БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО

Дует знаменитая новороссийская бора́. Сухой, колючий снег хлещет по лицу, валит с ног, клочьями мечется по городским улицам, заметает дороги.

Сквозь рев норд-оста прорвался вой сирен: танкер «Лозовая» успел проскочить в порт, и теперь у буксиров нелегкая задача — благополучно поставить его к причалу. Остальные суда — на рейде — вцепились якорями в дно бухты, натянули цепи и изо всех сил сопротивляются ветру.

С трудом добираюсь до «Лозовой». Танкер уже ухватился за причал двадцатью двумя нейлоновыми концами, но ветер, упираясь в двухсотметровый борт, как в парус, упорно отжимает судно.

Новый житель города Счастье — Михаил Афанасьев.

ГОРОД СЧАСТЛИВЫЙ

Вечером.

Друзья — всегда друзья.

Руки врача бережно держат крошечное тельце. Родился человек! Михаил Николаевич Афанасьев — 11897-й житель города Счастье!.. Чем же встретит своего нового гражданина город, носящий такое имя?

...Двенадцать лет назад прибыли сюда молодые строители возводить Луганскую ГРЭС и решили построить здесь настоящее счастье.

Мы ходим по городу — год назад поселок Счастье стал городом. И сейчас здесь впервые выбирают депутатов городского Совета. На Колхозной улице старая Ковалинка (так раньше называли это местечко) встречается с новым Счастьем. По одну сторону улицы, уцепившись друг за друга глухими заборами, стоят покосившиеся маленькие избушки, а напротив них — четырехэтажные, современные дома.

На центральной площади перед Домом культуры, совсем как в Сочи, посажены розы. Каждую осень лучшим цветоводам вручаются грамоты «За любовь к цветам», а тем, у кого родился ребенок, посылают поздравления: «Уважаемые родители! Горячо поздравляем Вас. В память рождения Вашего ребенка просим посадить два дерева как символ нового, прекрасного, украшающего жизнь».

Получат такое поздравление Лариса и Николай Афанасьевы и весной около нового дома на Донецкой улице, в котором они живут, посадят два деревца в честь своего четвертого сына— Михаила.

Побегут месяцы. Вместе с деревцами будет крепнуть и Мишка. Сначала мама повезет его в ясли, потом он протопчет тропинку в детский сад, а там, глядишь, и с шумной ватагой ребятишек побежит в школу, что поднялась недавно напротив его дома. Откроется у малыша дар музыканта — родители отдадут его в музыкальную школу. Подрастет Миша — и встанет перед ним вопрос: кем быть? Захочет строителем — может поступить в профессионально-техническое училище. Их в городе два. Захочет энергетиком — поступит в техникум...

Из окон квартиры Афанасьевых как на ладони видно длинное здание электростанции и мощные трубы, подпирающие небо.

Словно подтверждая, что молодость и счастье нерасторжимы, здесь все молодо. Город, электростанция, люди. Директору ГРЭС Александру Михайловичу Соловьеву всего тридцать четыре года.

Цех автоматики и измерений отвечает за бесперебойную, безаварийную работу Луганской ГРЭС. Сложная, умная техника требует «деликатного» обращения, высокой культуры и больших знаний. Потому из ста двадцати двух парней и девушек, работающих в цехе, пятьдесят учатся в техникумах и институтах!

Кто поживет в Счастье, поработает на Луганской ГРЭС, не хочет уезжать отсюда.

После окончания института приехал сюда по распределению киевлянин Лева Кодрянский. Думал отработать положенные три года и уехать обратно в Киев. Но вот прошли три года, но ни Лева, ни его жена Нина, тоже инженер-энергетик, и не думают покидать Счастье.

Этой весной заканчивает заочный политехнический институт Гена Морозов.

— Защищу диплом — и снова в Счастье. Куда уедешь от такой интересной работы, от таких дружных, хороших ребят?

Уже началось строительство новой очереди Луганской ГРЭС: идет нулевой цикл — разработка котлована. На днях в городе открывается новый универмаг, вечернее кафе. А в недалеком будущем приступят к застройке нового микрорайона. Там будут еще одна школа, кинотеатр, магазины.

Расти, Михаил Афанасьев! Ты родился в хорошем городе, где ждет тебя счастье!

Л. КАФАНОВА

Фото Р. ЛИХАЧ.

А на танкере по-домашнему тепло, уютно. По коридорам бегают ребятишки, и озабоченные мамы тщетно пытаются их унять — это к морякам на время стоянки приехали из других городов семьи.

Не смолкают динамики судовой трансляции: кого-то требует к себе старпом, кому-то нужны какие-то списки, боцман вызывает на палубу матросов, механик требует в машину мотористов.

От капитана «Лозовой» Сергея Николаевича Варавко я и услышал здесь в первый раз слова «большое хозяйство». Под командой тридцатидвухлетнего капитана огромное судно, вмещающее тридцать четыре тысячи тонн нефтепродуктов — это примерно пятнадцать железнодорожных составов.

— Сейчас будем брать груз на Японию,— говорит Сергей Николаевич,— путь неблизкий, вот и беготня: нужно запасти все необходимое на рейс...

Я высказываю предположение, что в долгом рейсе морякам удастся отдохнуть от портовой горячки: груз в танках, машина на ходу — о чем беспокоиться? Была бы погода хорошая — курорт.

— Ну что вы,— смеется капитан,— у нас и в рейсе дел хватает: учеба всякая — и техническая и морская. Кружок английского языка веду — семнадцать человек занимаются в нем. Треть команды — заочники, после вахты за книжки берутся. Консультанты у нас свои, из командного состава, скоро получат право принимать зачеты — не судно будет, а филиал института.

Ну и спорту, конечно, много внимания уделяем. Малые возможности, говорите? А давайте-ка посчитаем: гребные и парусные гонки во время шлюпочных учений — раз. Гимнастика — два, волейбол, футбол...— И, заметив мое удивление, объяснил:— В футбол играем в сухогрузном трюме командами четыре на четыре в маленькие ворота. А потом на стоянках, в портах, международные встречи устраиваем. В Японии, например, играли с греческими моряками — ничья, во Франции и на Цейлоне у клубных команд выигрывали, а в шведском порту Норчёпинг продули докерам...

Тут в каюту забежал доктор, и капитан отправил меня с ним осматривать санчасть. Своим хозяйством Николай Кульпин страшно доволен. Он два года назад окончил Одесский мединститут и с тех пор в море.

— Нашему оборудованию многие врачи могут позавидовать,— с гордостью говорит он.— Вот смотрите — лазарет, изолятор, амбулатория. Все тут есть: УВЧ, кварц, соллюкс, автоклав, стерилизаторы, операционный стол, инструменты, холодильник с программным управлением.

Нет только больных — ребята здоровые, живут в отличных условиях, у каждого отдельная каюта. Есть у нас плавательный бассейн, в каютах кондиционированный воздух. Практики маловато, вот и приходится мне из своего отпуска месяц выкраивать, чтоб на берегу в клинике поработать: не забыть бы хирургию.

Из санчасти мы перекочевали в салон, где несколько человек с интересом изучали список кинокартин, полученных на рейс,— в нем было тридцать пять названий. Тут же громко спорили двое. Доктор шепнул мне, что это матрос Анатолий Гладун, руководитель судовой самодеятельности, выколачивает у прибывшего на борт проф-

ВЫБОРЫ—НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК!

ПЯТЬДЕСЯТ НОВЫХ ИМЕН

Он по-прежнему остается главной улицей Ленинграда — знаменитый, воспетый в стихах и прозе Невский проспект. Но не единым Невским и прославленными старыми улицами может сейчас похвастаться город на Неве. Его достопримечательности пополнились новыми архитектурными ансамблями: проспектами, улицами. За два года, прошедшие между выборами в местные Советы, территория города увеличилась на тысячу гектаров. В списке ленинградских проспектов и улиц появилось более пятидесяти новых имен!

Старожилы-ленинградцы, патриоты Петроградской стороны, Васильевского острова, набережных Мойки, Фонтанки, охотно меняют адреса — переезжают в дома-новостройки.

Проспект Космонавтов вырос на просторе Московской заставы, близ парка Победы. Всему, что появилось здесь: девятиэтажным красавцам домам и школам, детским садам и скверам — не больше двух лет. На молодом проспекте — шесть избирательных участков. И только на одном из них около трех тысяч избирателей-новоселов.

Перед выборами Ленинград подвел итоги всему, что сделано за два последних года на благо жителей города. Цифры, которые можно видеть на плакатах и в агитпунктах, услышать на встречах избирателей с кандидатами в депутаты местных Советов, впечатляют грандиозностью и размахом. 380 тысяч ленинградцев за это время перешагнули пороги новых квартир! Для 20 тысяч самых юных граждан города открылись двери детских садов и яслей. Вступило в строй 20 поликлиник. Открыто 203 магазина, 250 столовых, кафе, ресторанов, 183 ателье...

К. ЧЕРЕВКОВ, собственный корреспондент «Огонька».

Фото Н. Ананьева.

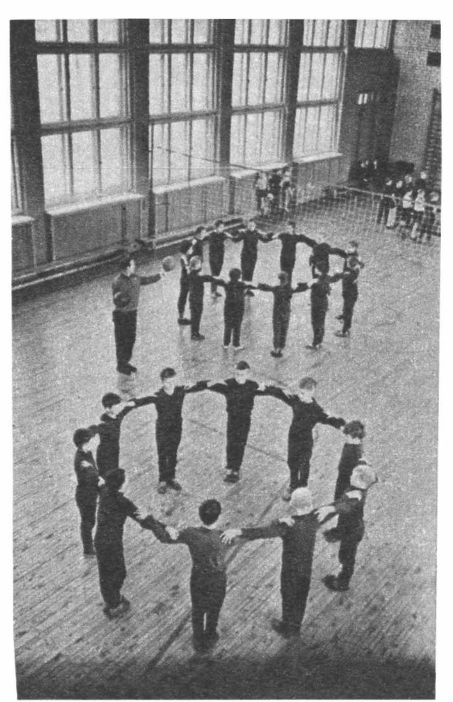
ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В Курской области ведется большое строительство предприятий по обслуживанию сельского населения. Сооружаются столовые, магазины, пекарни, учреждения бытового обслуживания. Большое внимание уделяется и культуре торговли на селе. Почти все торговые работники обучаются в специальных школах-магазинах. И результаты сказываются незамедлительно.

На снимке: В магазине Курского села Золотухино.

Фото О. Сизова (ТАСС).

Новая школа.

В магазине нового района.

союзного начальства музыкальные инструменты.

Моряки нефтеналивного флота трогательно пристрастны к своим судам. Стоило, например, на «Лебедине» упомянуть о «Лозовой», как мне тут же ревниво сообщили, что здесь заочников на пятнадцать человек больше и, кроме того, есть свой мастер спорта по штанге. А старший механик танкера «Галилео Галилей» Эрнест Кодымский — за десять лет своей морской жизни он обошел весь свет, «кроме Японии»,— категорически заявил, что поскольку я не видел его главный двигатель, то я вообще человек темный.

После этого он усадил меня в лифт, соединяющий семь этажей судна, и мы оказались в помещении, напоминавшем скорее заводской цех. Здесь хозяин девятнадцати тысяч лошадиных сил показал мне сверкающее больничной чистотой техническое чудо.

Убедившись, что я восхищен, он вздохнул и признался: есть, однако, танкеры и покрупнее...

— Да, у нас много крупнотоннажных судов,— рассказывал потом начальник Управления нефтеналивного флота Черноморского пароходства Орест Александрович Сыченников,— и коллектив наш самый многочисленный в Новороссийске, хотя и самый молодой: года не прошло, как мы здесь обосновались. А через год в нашем распоряжении будет еще около двух десятков огромных танкеров. Но вот ведь какая вещь получается: не успевают порты за нами — и по глубинам отстают и по оборудованию. У себя-то, в Новороссийске, мы еще справимся. Уже ввели здесь первую очередь новой нефтегавани, а в скором времени примем ее целиком. Тогда сразу танкеры грузить будем любого тоннажа, без ограничений. А вот как разгружаться в иностранных портах? Не поспеют они за нами, придется основной упор на средние танкеры делать, а экономический эффект, ясно, не тот!

К семидесятому году флот наш станет одним из крупнейших в мире. Да и сейчас хозяйство огромное: в 35 стран мира доставляем мы нефтепродукты. Когда на диспетчерском совещании каждый диспетчер начинает докладывать о своей группе судов, без карты мира не обойдешься. Одни в Антарктике китобоев заправляют, другие в Атлантике — рыбников, третьи пробиваются по Северному морскому пути к заполярным портам — да разве все перечислишь! Людей надо готовить: строим мореходную школу, а пока на списанном пароходе «Георгий Седов» открыли учебный комбинат — уже выпустили две группы матросов, скоро экзамены и у мотористов. А на будущее подумываем о мореходном училище. Без хороших специалистов нам ни за что не осилить задачу — каждому судну плавать триста двадцать суток в году.

На следующее утро ко мне в гостиницу зашел человек в черной шинели и сказал:

— Вы сегодня обещали быть на «Лозовой», но они ночью досрочно ушли — погрузились на сутки быстрее. Просили вот пакет передать...

Я вскрыл конверт и увидел небольшой рекламный проспект танкера «Лозовая». На голубой страничке уходило в морской простор элегантное белое судно, прощально махая мне с кормы маленьким красным флажком.

НАШ КОНКУРС

Сегодня мы начинаем публикацию материалов, присланных на конкурс «НАВЕКИ ВМЕСТЕ!», посвященный советско-чехословацкой дружбе. Лучшие очерки, рассказы, фотографии и рисунки, полученные до 1 апреля, будут опубликованы в «Огоньке» и отмечены премиями. Напоминаем: 1-я премия — мотоцикл чехословацкого производства «Ява» (250 см^3); 2-я премия — путевка для поездки на две недели в Чехословакию; 3-я премия — фотоаппарат «Флексаретта».

К нам в редакцию пришло уже более 400 писем с конкурсными материалами. Ждем новых писем, желаем успеха в конкурсе!

МАЙ, ПОБЕДА...

Уважаемые товарищи, посылаю вам фотографии, сделанные мною в 1945 году, в День Победы, в Чехословакии. Я тогда служил в 24-й гвардейской армии, участвовал в освобождении Чехословакии и ее столицы Праги. Нас встречали как родных братьев. Это я никогда не забуду.

С приветом — Кузин Анатолий Борисович.
г. Львов.

Советский артиллерист Габибула Халиулин (он из Казахстана) с маленькими жителями города Высоке Мисто. Где они и кто они сейчас, эти ребятишки, которым май сорок пятого принес свободу и счастье?

День Победы праздновали вместе. Этот снимок я сделал в селе Хрустовица 9 мая.

БЕЛЫЙ МЕДВЕЖОНОК

Алексей БУРМИСТЕНКО, студент

У меня на столе стоит белый медвежонок. Замечательная чешская девушка подарила мне эту игрушку на память о нашей дружбе.

Я познакомился с ней совершенно случайно. Несколько лет назад один чех остановил меня на улице и попросил показать ему дорогу на Красную площадь. Объяснять было долго и сложно, я решил его проводить. Звали его Вашек, точнее, Вацлав Бразда, он преподавал русский язык в Карловых Варах. Вашек был веселый, разговорчивый парень. Мы спустились к Манежу и вышли на Красную площадь. На площади гуляли и фотографировались сотни юношей и девушек в ярких синих рубашках. Обычная картина — в Москву приехал молодежный «поезд дружбы» из Чехословакии. Но Вашек был приятно удивлен: он приехал с другой делегацией и никак не ожидал увидеть здесь столько земляков.

Вместе с группой чехословацких ребят мы поехали смотреть Москву. Вот тогда я и познакомился с Яной. Эта стройная, красивая девушка была самая маленькая среди всех и, может быть, поэтому держалась немного застенчиво. Чувствовалось, что ей очень нравится Москва, и это мне льстило, потому что кто-кто, а чехи знают толк в красоте городов. Я не много знал о Яне. Знал, что работает она на текстильном комбинате «Тепна-3» в небольшом чешском городе Находе, что в нашу страну приехала по путевке Чехословацкого союза молодежи.

Мы гуляли по улицам, фотографировались, много катались в метро. Впрочем, гид из меня получился неважный. Пока мы любовались панорамой вечерней Москвы с Ленинских гор и обошли кругом здание МГУ, наступила ночь, метро закрылось, троллейбусы и автобусы перестали ходить.

Это небольшое приключение моих друзей даже обрадовало. В гостиницу возвращались пешком через весь город. Пели песни — чешские, словацкие, русские. Я не раз слышал, что каждый чех — музыкант по призванию. Теперь я и сам в этом убедился — пели они замечательно.

На следующий день «поезд дружбы» уехал в Киев, а потом на родину.

Прошло больше двух лет. Я часто с удовольствием вспоминал эту «незапланированную» прогулку по ночной Москве, но никак не думал, что у нее будет неожиданное продолжение.

Это случилось 14 декабря 1961 года. Я, как обычно, опаздывал на лекции в университет. Лихорадочно глотал кофе, просматривая свежий номер «Правды». Внезапно мне бросилась в глаза фотография девушки за ткацким станком. Я пробежал глазами лаконичную тассовскую подпись под снимком, потом прочел ее более осмысленно — и никак не мог прийти в себя от изумления.

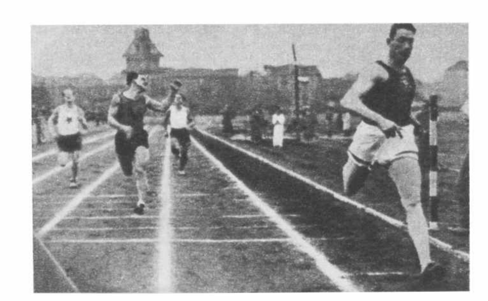
«Имя Яны Витечковой, чехословацкой текстильщицы, последовательницы Валентины Гагановой, известно во многих социалистических странах. Ей первой в Чехословакии присвоено звание «Пионер социалистического труда».

Это было похоже на сказку. У каждого из нас бывают десятки встреч и неожиданных совпадений, но такие случаются не часто. Гордое звание «Пионер социалистического труда» присваивается лучшим из лучших, самым передовым рабочим. И кто мог подумать, что первым его получит маленькая скромная девушка, что имя ее будет знать вся страна, что опыт работы Яны Витечковой перенимают на многих предприятиях.

Я отправил в Наход письмо, поздравил ее с замечательным успехом. Через неделю почтальон принес конверт из Чехословакии.

«Здравствуй, Алеша! — писала Яна Витечкова.— Я много вспоминаю Москву, Кремль, Красную площадь. Я вспоминаю, как мы

КРУГ, КОТОРЫЙ ЕЩЕ БУДЕТ...

1934 год, стадион в Праге. Забег на 400 метров. Первый справа — Р. Люлько, третий справа — К. Кненицкий.

Роберт ЛЮЛЬКО,
заслуженный мастер спорта

В Москве перед отъездом на соревнования нас предупредили: так, мол, и так, едете в Чехословакию, встречаться будете с национальной сборной командой, готовы? «Готовы?» — это было равнозначно: «Выиграете?». На этот вопрос мы не торопились отвечать.

Братья Знаменские один за другим пробурчали в ответ, что загадывать ни к чему, а выиграть вроде бы и можно.

«Ну, а вы?» Каждый из нас ответил в том смысле, что борьба, видимо, будет напряженная, но приложим все силы.

Прага встретила нас многотысячной толпой на привокзальной площади. Приветственные возгласы, красные флажки, поднятые руки, сжатые в кулак, символизирующие единение рабочего класса. Необычайный энтузиазм, нескрываемая любовь к советскому народу произвели на нас глубочайшее впечатление.

Прошло так много лет, да что там лет, прошли десятилетия, целых три десятилетия, но Прагу я помню отчетливо, как будто только вчера оттуда вернулся.

Помню улицы и площади города, отель «Акса», в котором мы остановились, и, конечно, стадион с его отличной беговой дорожкой. Тот, кто не был в Злата Праге, может поверить на слово — она прекрасна.

Был первый день соревнований. Рекордсмен Чехословакии по бегу на 400 метров Карел Кненицкий любезно предложил мне потянуть жребий первому. Через несколько минут нам предстояло промчаться один круг по дорожке. 40 тысяч зрителей, заполнивших стадион, ждали этой короткой схватки. Бег был принципиальным: Кненицкий — рекордсмен Чехословакии в беге на 400 метров, я рекордсмен СССР. Но вот дорожки разыграны, мне бежать по четвертой, Кненицкому — по второй. Непривычный возглас стартера «Позор» (внимание), выстрел, и мы уже мчимся под нарастающий гул трибун. Бегу и почти физически ощущаю близость своего противника. Этот молодой чех отлично тренирован. 300 метров никому не дали преимущества, и мы вместе выбежали на последнюю стометровку. Здесь и решался вопрос: кто кого. Спорт есть спорт, и победу я и не помышлял уступать, наоборот, с самого начала был настроен победить во что бы то ни стало. Это может показаться смешным, но я сказал себе: «Буду бежать насмерть, выложусь до конца». Мы боролись особенно ожесточенно на последних 50 метрах... Бежали грудь в грудь... Потом каким-то нечеловеческим усилием я заставил себя чуть-чуть удлинить шаг, мне удалось на мгновение раньше коснуться финишной ленточки. Кненицкий был совсем рядом. Он подошел ко мне и, хотя был по спортивному огорчен, исключительно доброжелательно и тепло поздравил меня.

Прошло много лет с тех пор, как я бежал с Кненицким. Жив ли он, пощадил ли его испепеляющий огонь войны?

Эти мысли часто появлялись у меня, когда в 1946 году я снова вышел на беговую дорожку, чтобы попробовать силы на любимой дистанции. Еще год, два, и я понял, что с большим спортом покончено, молодая поросль с неудержимой силой пошла на штурм старых, довоенных рекордов. Вот этой молодежи я и стараюсь помочь в меру моих сил и знаний.

В начале лета 1957 года на стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках проходили международные соревнования на приз братьев Знаменских. Среди участников немало иностранных спортсменов. Чтобы познакомиться с ними подробней, покупаю программу соревнований. Но что это? Читаю и не верю глазам. Карел Кненицкий, судья международной категории, судья этих соревнований. Не может быть! А впрочем, почему не может?

Прошло почти четверть века, и мы стоим друг против друга, Карел и я, смотрим в глаза. Узнали друг друга сразу, обнялись и расцеловались, как братья. «Карел, ты совсем не изменился!» «Ну, ну,— улыбается он, и на хорошем русском языке я слышу: — Дорогой Роберт, за эти двадцать три года я изменился больше, чем это тебе видится. Но не обо мне речь, изменилась моя Родина, и теперь мы с тобой в одной семье, в семье стран социализма».

О многом мы вспомнили и поговорили. «А знаешь,— сказал мне Карел, прощаясь,— через два дня я уезжаю в Прагу, вот тебе мой адрес, будем переписываться. А лучше приезжай, ты снова пройдешь по тем улицам и площадям, зайдем на стадион».

Заговорщицки улыбаясь, Карел продолжал: «Слушай, давай совсем не в виде реванша, а в знак нашей давнишней спортивной дружбы пробежим с тобой один круг по той самой дорожке». «Пробежим,— ответил я,— обязательно, но при одном условии, Карел: пробежим без зрителей». Он весело рассмеялся.

Ленинград.

катались в метро, гуляли по улицам, пели песни. Когда бы была хорошая дружба у всех на Земле, как красиво бы жилось всем!.. Я много рассказываю дома о советском народе, мы очень гордимся такими друзьями, какими являетесь вы, советские люди...»

С тех пор я не раз слышал о Яне Витечковой в передачах чехословацкого радио для Советского Союза, читал о ней в газетах и журналах и таким образом узнавал о ее новых успехах — о том, что она перешла в новую, третью уже бригаду, стала членом партии, что президент республики Антонин Новотный вручил ей высокую правительственную награду — орден Труда.

Яна не любила писать о себе, но зато очень охотно и подробно рассказывала о девушках своей бригады. И я хорошо знал, что Ева — это «такая красивая и серьезная девушка», она много читает и учится на вечерних курсах, что Аничка отлично работает, выполняет нормы на сто десять процентов, а Милушка очень хорошо поет с оркестром.

Однажды Яна написала, что в составе чехословацкой делегации поедет на международный фестиваль молодежи в Хельсинки. В то время наш московский студенческий отряд работал на стройках целинных земель в Казахстане. Вот тогда я и получил этот самый памятный для меня сувенир — симпатичного белого медвежонка, повязанного ярким фестивальным платком.

Через несколько месяцев у нас зазвонил телефон. Мягкий голос с милым славянским акцентом:

— Здравствуй, говорит Яна Витечкова.

— Яна?!

Я сразу же поехал в гостиницу. Честно говоря, не без некоторой робости ждал встречи. Мы не виделись четыре года. Теперь Яна Витечкова стала одной из самых известных женщин Чехословакии, о ней писали все газеты, рассказывало радио, телевидение. И в Москву на этот раз она приехала по официальному приглашению для обмена опытом с советскими текстильщицами.

Яна осталась совершенно такой же — скромной, обаятельной девушкой. Наверное, так бывает всегда — трудовая слава не может испортить человека. Она расспрашивала обо мне, о моих друзьях, о Москве. Переводчица поторапливала нас — ничего не поделаешь, Яну уже ждали на московских предприятиях. На одной из текстильных фабрик я видел волнующую встречу Яны Витечковой с известной нашей ткачихой депутатом Верховного Совета СССР Валентиной Петрищевой. Они встретились прямо у станка, и надо было видеть, с каким увлечением, забыв обо всем, говорили они о своей работе!..

У меня на столе стоит маленький белый медвежонок. Когда я смотрю на него, я вспоминаю теплый майский вечер и замечательных чехословацких ребят и девушек, которые стали моими друзьями.

Вот и все, что мне хотелось рассказать. Еще только несколько слов. Я не знаю, как оценит этот рассказ жюри, но в конце концов каждый будет стремиться победить в конкурсе. Так вот, я не хочу занять первое место, я хотел бы быть вторым призером.

Я хочу увидеть эту прекрасную страну в самом сердце Европы, стобашенную Прагу над Влтавой, древнюю Братиславу, Остраву, Брно, Карловы Вары. Но главное — я хочу ближе узнать замечательный народ Чехословакии, гордый и свободный, народ, с которым у нас давняя и вечная дружба.

ПИСЬМО ИЗ ЯБЛОНЦА

Накануне 8 Марта наша редакция получила маленькую посылку с фотографией и письмом, в котором говорится:

«Передайте советским женщинам привет от имени всех их чехословацких сестер из города Яблонец... Желаем им доброго здоровья и всем людям мира прежде всего мира! Редакции журнала «Огонек» посылаем ожерелье для победительниц конкурса «Навеки вместе!». Уже сейчас желаем счастливым победительницам, чтобы наши украшения носили на здоровье и чтобы им подошли они к лицу так же, как исландской королеве красоты мисс Гудрун (она изображена на фото)!»

Подарки победителям и победительницам нашего конкурса уже в Москве или в пути. Но о них мы расскажем в другой раз. Два слова о тех, кто прислал посылку.

В северочешском городе Яблонец выпускают около 130 миллионов ожерелий в год. Это значит, что все женщины СССР, Венгрии, Болгарии и ЧССР, в том числе грудные младенцы и бабушки, могут ежегодно украсить свою шею новым чехословацким ожерельем. Кроме того, чехословацкие заводы выпускают в год 75 миллионов брошек, браслетов и серег, тысячи тонн стеклянного жемчуга. Яблонец — это крупнейшая производственная база бижутерии в мире. Каждый кусочек стекла — это кусочек радости для женщин в более чем 120 странах мира.

Чехословацкие изделия принесут, несомненно, радость и победительницам нашего конкурса «Навеки вместе!».

Бургасский нефтехимический комбинат. Советские специалисты делятся опытом с болгарскими товарищами.

Фото К. Юрьева.

ПРОВЕРЕННЫЙ ЖИЗНЬЮ

18 марта исполняется 17 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией. В этот день народы двух братских стран, связанных многовековой дружбой, с особой гордостью смотрят на плоды своего сотрудничества, своей совместной работы.

Говорят, если подняться на самую высокую из гор Болгарии — Рила Планину, то можно охватить взором все границы страны. Но трудно окинуть взглядом все то новое, что родилось в республике за годы народной власти. Это новые города, заводы, электростанции. Создавать многие из них помогала Болгарии наша страна.

С технической помощью Советского Союза в республике построено и строится 120 предприятий. Машины с маркой «Сделано в СССР» можно увидеть на азотнотуковом заводе в Димитровграде, на Варненских верфях, на свинцово-цинковом комбинате близ Пловдива. В свою очередь, товары традиционного болгарского экспорта находят широкий спрос в СССР. Около половины годового товарообмена Болгарии приходится на Советский Союз.

Связи между двумя странами непрерывно расширяются. Это говорит о том, что договор, основанный на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, отвечает жизненным интересам обоих государств.

На этот раз к ним пришла победа в Колорадо-Спрингс (США).

Долгожданная победа! Быть может, самая дорогая в славной творческой жизни двух спортсменов — Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, чемпионов Европы и Олимпийских игр.

Трижды всходили они на вторую ступеньку пьедестала почета чемпионов мира. Огромное трудолюбие, отточенная техника фигурного катания, воля позволили им достигнуть высшей цели — стать лучшими в мире!

Бронзовые медали достались нашей молодой паре фигуристов Татьяне Жук и Александру Горелику.

Уверенно восстановил свою репутацию сильнейшего французский спортсмен Алэн Кальма. Звание чемпиона мира завоевала канадская спортсменка Петра Бэрка.

Вновь оказались непревзойденными на чемпионате в Колорадо-Спрингс брат и сестра Ева Романова и Павел Роман (Чехословакия).

На снимке: Л. Белоусова и О. Протопопов. **Фото А. Бочинина.**

ВЫМПЕЛ «ОГОНЬКА» НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ

Пройдите по улицам и переулкам от Кировских до Покровских ворот по левой стороне бульвара. Здесь стоят старые, видавшие виды дома. Но как они старательно ухожены! И это не удивительно: 267 ремонтников-добровольцев сами приводили в порядок фасады зданий, лестничные клетки и даже кровли. Каждый двор и балконы благоухают летом цветами. Рассада своя, выращенная в общественной оранжерее. При домкоме открыт кабинет здоровья, в котором уже побывало около 800 жильцов.

В Колонном зале Дома союзов, на традиционном собрании активистов 1192 домовых комитетов столицы, председателю домкома ЖЭК № 8 Бауманского района В. Н. Капустину был вручен вымпел журнала «Огонек». Премиями и грамотами Мосгорисполкома и Президиума МГСПС отмечены еще десятки домовых коллективов столицы.

«35 лет с фотоаппаратом» — так назвала свою выставку фотокорреспондент «Огонька» Галина Санько. Тридцать пять лет в фотожурналистике — это тысячи метров отснятой и проявленной пленки. Тысячи километров путей-дорог, тысячи встреч и расставаний.

Только несколько десятков фотографий из творческого архива автора экспонируются сейчас в Центральном Доме журналистов, но и в них мы видим огромный труд человека с горячим сердцем и пристальным, внимательным взглядом.

Галина Санько — публицист и лирик, оперативный репортер и задумчивый пейзажист.

И нас волнуют ее вошедшие в классику мирового фотоискусства фронтовые фотографии, суровые пейзажи Дальнего Севера, выразительные портреты современников и веселые жанровые детские сценки.

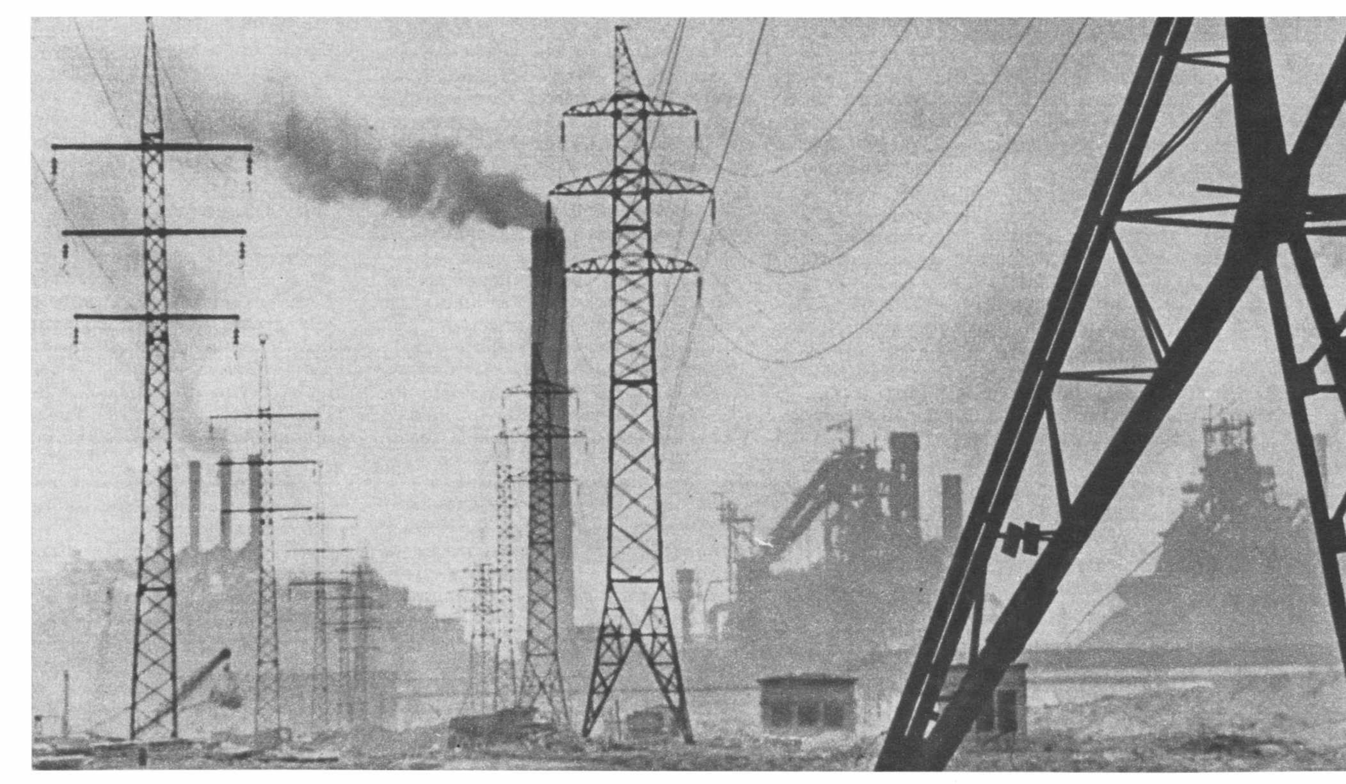
Большинство из этих работ были опубликованы в журнале «Огонек» и хорошо запомнились читателям.

Пожелаем нашему товарищу новых больших успехов и новых радостей, которые приносят художнику напряженные творческие поиски.

На открытии выставки.

СЕСТРА МАГНИТКИ

Михаил АНДРИАСОВ

Утро Новолипецкого металлургического завода.
Фото Ф. Габдулина.

1

Как это началось?

...Густой сосновый бор. Высокие, стройные стволы. Их венчают шапки-кроны. Смыкаясь, кроны образуют сплошной сетчатый зеленый навес. Сквозь сетку пробиваются лучи солнца. Золотистые отсветы то гаснут, то вспыхивают с новой силой.

Лесной тропинкой не спеша идет статный, крепкий мужчина. А кругом лес. За прибрежной опушкой — река. Это древний Воронеж. С незапамятных времен река пробивает себе дорогу сквозь лесную чащу, несет свои воды тихому Дону.

Человек выходит на берег и вспоминает, словно листает страницы большой книги...

Тридцать три года назад пришли они сюда. Сплошной стеной стоял тогда лес. Каждый метр отвоевывали топором и пилой.

Потом зима. Пустырь. Барак. Рабочие — многие из них комсомольцы окрестных сел, демобилизованные красноармейцы — на плечах переносят тяжелые бревна.

Еще страница. Непролазная грязь. Корыто с бетоном. Незамысловатый деревянный настил. Почти все делалось руками, а из «техники» были разве что тупоносые кургузые тачки. Трудно представить сейчас, как из этих деревянных носилок, корыт и тачек поднялся металлургический гигант.

Обер-мастер Николай Ефимович Сочнев приехал сюда из Кузнецка. Другие из Запорожья, Москвы, Херсона, Днепропетровска, Сумгаита. Казалось, вся страна вышла на эту отвоеванную у лесной чащи поляну возводить завод.

Тридцать лет назад, в семнадцатую годовщину Октябрьской революции, на этой поляне, в окружении удивительных сосен, была задута первая домна.

Тридцать лет... За это время выплавка чугуна на заводе увеличилась в десятки раз. Если сегодня с птичьего полета оглядеть раздвинувший свои плечи в самом сердце России Новолипецкий, то глазам предстанет дивная картина — неохватная индустриальная панорама — огромные цеха, а вокруг них такие же широкие площадки, на которых становятся на ноги новые заводы.

Или сравнить вон ту, рождения 1934 года, первую, а теперь уже старую домну с только что построенными, удивительными башенными чудо-печами для термической обработки трансформаторной стали. Их несколько, этих оригинальных сооружений. Они возвышаются на отдельном участке цеха холодного проката, или, как говорят тут, в «листопрокатном-два». Каждый из этих агрегатов точно махина шестиэтажного дома...

А что представляет сам «листопрокатный-два»? Под крышей цеха могут свободно разместиться десять лужниковских Дворцов спорта.

2

Официально металлургические цеха, раскинувшиеся на левом берегу реки Воронеж, называются Новолипецким заводом, но народ уже окрестил рождающийся гигант двумя литыми словами: Липецкая Магнитка. Роднит липецкого новосела с ее уральской сестрой не только героизм строителей, но и размах созидания.

...Завод живет. Жарко дышат металлом его цеха. Он работает и растет на глазах. Только что отстроена мощная агломерационная фабрика. По железнодорожному полотну пошли составы, загруженные агломератом.

Что такое агломерат? Это единый, концентрированный, уже обожженный состав руды, угля, известняка. Он ускоряет плавку, повышает качество, сводит к минимуму отходы.

Строится кислородно-конверторный цех. На территории, которую он займет, мог бы расположиться город с пятидесятитысячным населением. Это предприятие будет давать сталь высших сортов.

Растет азотнотуковый завод. Отсюда пойдут на поля химические удобрения.

Когда все новостройки комбината будут завершены, мощность Липецкой Магнитки станет равной мощности нынешней Уральской Магнитки. И как правильно выбрано место! Совсем рядом знаменитая КМА — Курская магнитная аномалия. На соседних землях — под курскими и белгородскими колхозами — несметная кладовая железной руды: десятки миллиардов тонн...

3

Сталевару Валентину Софроновичу Кобец тридцать семь. Но выглядит он моложе. Это, наверное, потому, что Валентин не только сталевар, но и спортсмен, страстный охотник.

Кобец приехал в Липецк из Херсона.

Я побывал у него дома. Познакомился с женой Раисой Карловной, заместителем главного бухгалтера. Дочь Лина, подвижная, миловидная девушка, торопилась на занятия. Когда она ушла, Валентин Софронович с явным удовольствием заметил:

— Лина у нас человек твердый. Мамаша активно тянула ее в бухгалтерию, а дочка в меня пошла — выбрала металлургию. Работает лаборанткой в центральной заводской лаборатории и учится на вечернем отделении института стали.

«Пошла в меня». Хоть и было сказано несколько шутливо, однако в этом была гордость металлурга. Меня потянуло туда, где работает Кобец, в его бригаду коммунистического труда.

...Электросталеплавильный цех. Багровые отсветы, отблески зарева. На высоте — семиметровая, стотонная электросталеплавильная печь. Поодаль — вторая, точно та-

кая же. Есть что-то сказочное в том, что происходит в цехе. Сталевары, как волшебники...

Кобец у пульта управления. Рука на рычаге. Он в аккуратной темной спецовке. В кепке. На козырьке — синие очки.

Начинается загрузка печи. Завалочный кран поднимает массивную, восьмидесятитонную бадью и выгружает шихту в печь. Плавка началась. Ее ведет коммунист, сын коммуниста, секретаря сельсовета Софрона Кобец, павшего в боях минувшей войны...

Сталевар подошел к глазку печи. Бьется, неистовствует пламя. Надо добавить руды. В цехе шумно. Слова Валентина Софроновича никто не услышит. И тут вступает в действие азбука сталеваров. Кобец показывает второму подручному два пальца и подносит их себе под нос: значит, в печь нужно добавить две мульды руды.

И опять застыл у смотрового глазка Кобец, внимательно приглядывается и подает он машинисту мульдозавалочного крана новый условный знак: тыльной стороной ладони сталевар водит по щеке, словно проверяет, хорошо ли побрился. Значит, нужна известь. Показал пять пальцев — стало быть, пять мульд извести...

Кобец — хозяин одной печи, а старший мастер техник Борис Владимирович Боровинский управляет двумя агрегатами.

У Боровинского вдумчивое, немного усталое лицо. Человек средних лет, но уже белая, седая голова. Борис Владимирович приехал в Липецк из Запорожья. Там и началась его «металлургическая» биография.

Когда-то он рвался в авиацию. В тридцать пятом году поступил в Оренбургское авиационное училище. Через три года окончил его. Стал летчиком. А в это время по навету был арестован отец. Бориса отчислили из армии. Вернулся в родной город, на металлургический завод. В первые дни войны выбросом из ковша кипящая сталь тяжело обожгла обе ноги. Его, почти безнадежного, выходила подруга и жена — Екатерина Иосифовна...

4

Пришла пора принимать плавку. Слаженно действуют подручные. Огромное тело печи медленно наклоняется. В стотонный ковш хлынула огненная масса. Солнечными всплесками пламени озарился огромный цех. Фейерверком вспыхивают горящие искры металла. Идет сталь!

Валентин Софронович подает знак машинисту разливочного крана. Вглядываюсь в лицо машиниста и недоумеваю: какое сходство со сталеваром! Разливочным краном управляет младший Кобец — Владимир Софронович...

Брат дает знак брату, и тот краном переносит большой ковш на установку непрерывной разливки стали. Ее здесь сокращенно называют УНРС. Машина уникальная, агрегат чудодейственный! Его создали наши ученые и инженеры. УНРС — по существу, конвейер расплавленного металла. Завод на заводе. Высота установки — двадцать шесть метров. Семнадцать метров под землей. Эта машина вобрала в себя тысячу тонн металлоконструкций, семьдесят километров проводов, пять километров трубопроводов. Ее приводят в движение сто электромоторов.

Двадцатый съезд партии призвал металлургов широко внедрять в производство способ непрерывной разливки стали. Непрерывная разливка резко увеличивает производительность труда, повышает качество металла. Отливки теперь уже не нуждаются в обжиме. Их сразу же направляют на листопрокатные станы.

Отливки называют слябами. В каждом слябе — около четырех тонн.

Из сталеплавильного цеха слябы поступают в цех горячего проката. Здесь тоже много любопытного. Но, пожалуй, самое интересное — прокатный стан «1200». Сюда по рольгангу поступает раскаленный добела стальной сляб. Могучие валки плющат его, как тесто, и кусок стали на ваших глазах превращается в двадцатипятиметровую полосу... Кто управляет сложным станом?

В кабине в глубоком кресле удобно сидит за пультом управления уже не молодой, загорелый от горячего металла человек—это известный на всю страну прокатчик стали, лауреат Государственной премии, дважды кавалер ордена Ленина, трижды кавалер ордена Трудового Красного Знамени коммунист Алексей Ильич Тищенко. Он приехал сюда с Уральской Магнитки.

В кабину поднимается парень— оператор-вальцовщик, мастер смены.

— Алексей Ильич, повысьте температуру полосы...

— Ясно, Дмитрий Алексеевич.

Дмитрий Алексеевич—сын Алексея Ильича... Ну, что ж, они да еще братья Кобец из сталелитейного — совсем неплохая «семейственность».

Недавно демобилизовавшийся из флота Дмитрий Тищенко — студент вечернего отделения института стали.

Липецк — древний русский город... Так пишут в путеводителях. Но не так-то просто стало теперь по внешнему виду городов определять, хотя бы примерно, их возраст. Широкие, просторные улицы застроены современными многоэтажными зданиями. Повсюду стальные клювы строительных кранов. На каждой улице новые дома. Очень хорош проспект Мира. Много новых красивых зданий — Дом Советов, Педагогический институт, гостиница «Липецк», Дворец культуры металлургов...

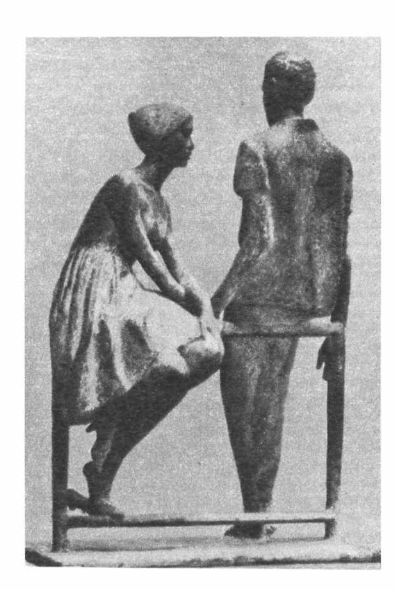
В дореволюционной России это был захолустный уездный городок. На кривых улочках лепились ветхие избенки. На каждом углу красовался кабак. Когда-то здесь царь Петр Первый строил корабли. Отсюда они спустились к городу Воронежу, присоединились к судам, сделанным на воронежских верфях, и петровский флот пошел по Дону на Азов...

Есть в Липецке так называемый Нижний парк. С давних времен лежат тут старинные стволы орудий. На этом месте в конце семнадцатого века Петр Первый основал железоделательные мастерские. Липецкие мастера железа, как и уральские, стояли у колыбели российской металлургии.

Тут же, в парке, приземистый каменный дом. В стену вделана тяжелая плита, вылитая из черного чугуна. На ней старыми русскими буквами выведено: «Постройка времен императора Петра I. Бывшая заводская канцелярия».

«Железоделательные мастерские» — так было. Новолипецкий металлургический — так есть. Липецкая Магнитка — сестра уральской героини — так будет!

ПРИВЕТ ИЗ БЕРЛИНА

Фриц КРЕМЕР. Молодая любовь.

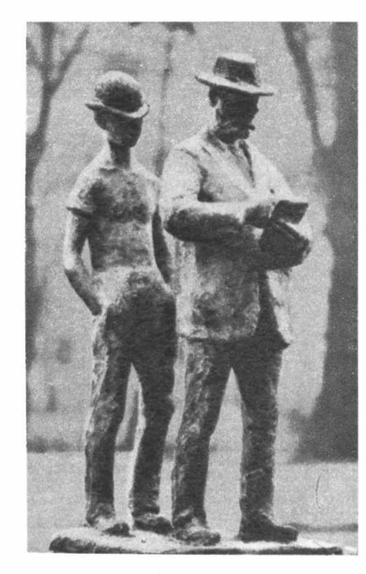
Если кому-нибудь предстоит впервые ехать в Берлин и он обратится по этому случаю к друзьям — куда там пойти и что посмотреть?— ему придется выслушать множество советов. «Сходи посмотри «Кориолан» в «Берлинском ансамбле»,— скажут одни. «Побывай в Доме учителя на Александр-плац — блестящая архитектурная работа»,— порекомендуют другие. «Не забудь послушать «Сказки Гофмана» в Комической опере у Фельзенштейна»... «Сходи на вечер молодых поэтов в Университет имени Гумбольдта»... Их будет много, этих советов, потому что яркой, интересной, насыщенной духовной жизнью живет демократический Берлин.

Но позвольте мне дать все же еще один совет: побывайте обязательно на выставке современного немецкого искусства. Это будет по-настоящему интересно. И, я думаю, меня многие поддержат. И те, кто бывал на такой выставке в Берлине, и те, кто смотрел недавно в Москве работы немецких мастеров. Задумчиво-грустные пастели Отто Нагеля — президента Немецкой академии искусств, патриарха художников ГДР; гневные, исполненные гражданского пафоса акварели и точные, выразительные портреты Леа Грундиг; сдержанные, строгие и благородные скульптурные композиции Генриха Драке и Фрица Кремера; остроумная, изящная графика Вернера Клемке; боевой фотомонтаж Джона Хартфильда — это не забывается, это неповторимо индивидуально, талантливо, умно.

Мы показываем сегодня некоторые из работ, экспонировавшихся на выставке. «Возвращение с праздника» написал Рудольф Бергандер, ректор Высшей художественной школы в Дрездене, превосходный мастер колорита. «Разрушения в Шербурге» — это полотно покойного Генриха Эмзена, создавшего много произведений, показывающих ужасы войны. Мы выбрали также для нашей вкладки несколько работ О. Нагеля и Л. Грундиг. На фотографиях — популярные в ГДР скульптурные произведения Ф. Кремера и Г. Драке.

Думаем, что вам, дорогие читатели, будет приятно получить этот привет от друзей, привет из демократического Берлина. И если комунибудь придется туда поехать, пусть он уже сейчас запишет себе в блокнот: «Побывать на выставке современного немецкого искусства»...

Генрих ГУРКОВ

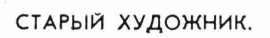

Генрих ДРАКЕ. Проект памятника Генриху Цилле.

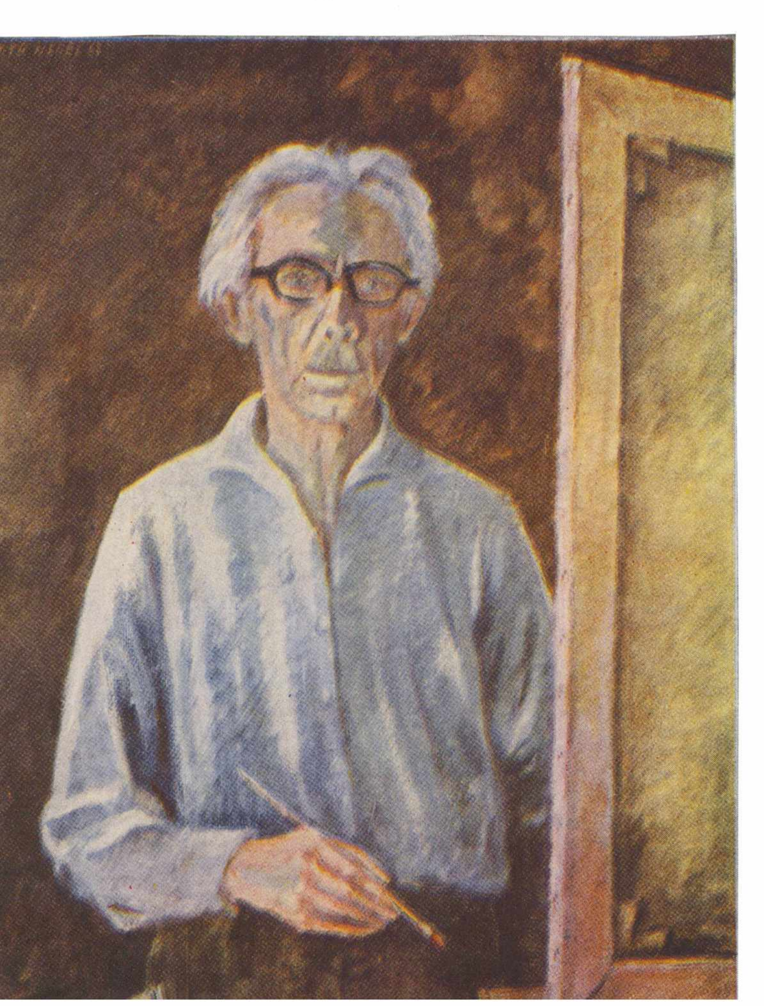
Рудольф Бергандер. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПРАЗДНИКА.

Отто Нагель. ЮНГФЕРНБРЮККЕ.

СТАРЫЙ ХУДОЖНИК.

ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ.

К 70-летию со дня рождения

ЧАЙКИ

Осенью 1960 года в Гагре мы жили с Максимом Фаддеевичем Рыльским во флигеле, окна которого выходили на море.

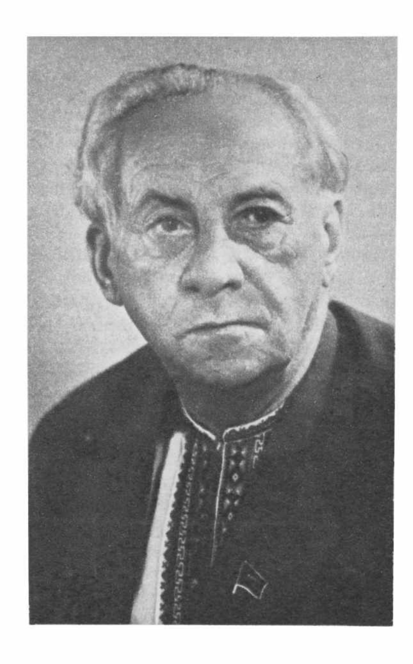
Очень рано Максим Фаддеевич уходил на берег и проводил там час-полтора. В это время обычно проходил рыбачий моторный баркас, над которым кружились чайки, встречавшие рыбаков.

Однажды Максим Фаддеевич протянул мне вырванный из тетради листок с новым стихотворением — о чайках... Стихотворение поразило глубиной, человечностью, мастерством.

Я вскоре показал автору перевод этого стихотворения. Хочется, чтобы с переводом познакомились читатели «Огонька».

Утрами, в море светлом искупавшись
И сидя на одной из скал прибрежных,
Где в брызги разбивается прибой,
Гляжу, как челн рыбачий проплывает,
Чтоб вытянуть расставленные сети;
А вслед летят сверкающие чайки
С надеждою на верную добычу —
Ту мелочь, что обычно из улова
Бросают за ненадобностью за̀ борт,
Себе лишь рыбу крупную беря.
Откуда же известно птицам умным,
Что тот баркас или шаланда, скажем,
Не праздную компанию везет,
А моря Черного людей рабочих,
Просмоленных и смуглых рыбаков?
И отчего высматривают с ночи
Суденышко убогое они?
И отчего уверены, что нет
В шаланде той рыбачьей идиота,
Который для потехи, «спорта ради»
На них бы взвел блестящих два ствола
И в них пальнул бы пламенем и дробью?
И отчего мы про зверье и птиц
Так мало, так позорно мало знаем —
О жизни, что всегда шумит вкруг нас,
Поет и любит, борется и страждет
И радуется радостью всесветной?
И отчего порой не знаем сами,
Вослед какой шаланде нам лететь?

Перевел с украинского
Александр Гатов.

Всех в полутоны матовые нас
Окрашивает терпко пыль густая.
Людская речь — инерция простая
Того, о чем вода ведет рассказ.

Спокойно длится очереди час,
В каком-то мареве размытом тая,
И только шутка солоно-крутая,
Как мост к действительности, донеслась.

Дождались нови! Не хвалясь, пшеница,
Как у людей... Подумать только: мне б
Недели долее не перебиться!

Ну, миновало... Можно и забыться.
Из каждой печи всемогущий хлеб
Благоуханием живым струится.

Перевел с украинского Вас. Цвелев.

Тобольский учитель

К 150-летию со дня рождения П. П. Ершова

П. Ершов в 1860-е годы.

Рисунок М. Знаменского. Фрагмент. Публикуется впервые.

Рождение «Конька-Горбунка» похоже на чудо.

Из Сибири приезжает в столицу юноша, поступает учиться в университет, не выделяется особыми талантами, скромен... И вот неожиданно для всех он передает П. А. Плетневу, тонкому ценителю поэзии, другу Пушкина, тетрадку со стихотворной сказкой.

Творение девятнадцатилетнего сибиряка оказалось настолько поразительным, что профессор Плетнев вместо лекции прочитал с университетской кафедры сказку юного студента.

Сказка привела в восхищение Пушкина, который, по свидетельству современника, напутствовал Ершова словами: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить».

Через два года после появления «Конька-Горбунка» Ершов уезжает в Сибирь. Он сначала преподает латынь, потом русскую словесность и литературу, становится инспектором, а затем и директором гимназии. Имя его все реже появляется в журналах, о нем постепенно забывают. Между тем новые материалы, найденные за последние годы, рассказывают много интересного о жизни поэта в Тобольске.

В Тобольском архиве сохранились два дела, из которых вырисовывается облик прогрессивного учителя П. П. Ершова, опередившего в педагогической теории и практике свое время. В Тобольском музее обнаружен ряд материалов, касающихся окружения поэта, его связей с декабристами, со ссыльными поляками. И, наконец, недавно в научном архиве Д. И. Менделеева при Ленинградском государственном университете найдено несколько десятков писем автора «Конька-Горбунка» и его близких.

Письма охватывают период с сентября 1839 года по август 1863 года и содержат много ценных подробностей, характеризующих быт Ершова, его служебные дела, тобольские связи и некоторые творческие планы. Содержится в письмах и упоминание о декабристах, в частности о М. Фонвизине, в доме которого часто бывал Ершов.

Особенно интересны письма, адресованные Д. И. Менделееву и его жене, падчерице Ершова Ф. Н. Лещевой.

Ершов с детства хорошо знал семью Менделеевых, а когда он стал преподавать в Тобольской гимназии, у него учился Дмитрий Менделеев. Связь Ершова с Д. И. Менделеевым не прерывалась до последних дней поэта.

После выхода в отставку в марте 1862 года Ершов живет «с немалым семейством одними долгами да надеждами», как узнаем мы из писем. Не платит гонорара и издатель Крашенинников, выпустивший «Конька-Горбунка». Ершов крайне нуждается. В одном из писем к Ф. Н. Менделеевой он признается, что ему трудно писать: «Холодная квартира, не знаю, как согреть руки, а о писании и думать нечего». Д. И. Менделеев помогает ему получить пенсию, участвует в переговорах с издателями, заботится о высылке Ершову гонорара. В переписке сохранились записки издателей, из которых видно, что Ершов выдал Менделееву доверительное письмо на ведение дел по изданию «Конька-Горбунка».

Когда П. П. Ершов умер, в конторке у него нашли медный пятак. Он прожил жизнь, терпя лишения, но народу своему оставил неувядаемое сокровище — «Конька-Горбунка».

Виктор УТКОВ

Сезон полон сил

Н. ЛЕЙКИН

Вам никогда, дорогие читатели, не приходила мысль, что театральный сезон можно, как это ни парадоксально звучит, сравнить с паровозом? Вот он, отправляясь с конечной станции в далекий путь, медленно трогается с места. Раз-другой пробуксовывают колеса. Но вот они уже покатились по блестящим, убегающим вдаль рельсам, увлекая за собой длинный состав. Каждый вагон — театр. Паровоз набирает пары, и все быстрее, все увереннее мчится поезд. Мелькают одно за другим названия станций. То бишь премьер! На каждой станции-премьере — новые встречи, новые впечатления. И все это вместе взятое сливается в красочную и радостную симфонию движения. Движения от одного нового спектакля к другому, которое и составляет существо нормально развивающегося сезона, обеспечивающего нам, зрителям, богатство и широту театральных впечатлений.

Сейчас на столичной сцене сезон в разгаре — наш театральный паровоз достиг середины своего пути. Он полон сил, и в клеточках сводной афиши то и дело появлялись и появляются милые сердцу театралов строчки, таинственные и многообещающие,— «Спектакль будет объявлен особо» или праздничные — «Премьера».

Расшифровка этих строк в зрительных залах большей частью не разочаровывала. Нынешний театральный сезон примечателен обилием интересных, хороших спектаклей. Хороших и разных.

Однако при всей разности — тематической, жанровой, стилевой — есть в них некая общность, что придает всему сезону совершенно определенную и отчетливо выраженную направленность. Она заключается в несомненном тяготении театров, в их пристальном внимании к проблемам нравственным. Разумеется, эти проблемы выражаются в драматических или комедийных коллизиях самых различных планов, но планов, так или иначе находящихся в нравственной сфере нашего времени. Именно нашего,— театры хорошо понимают, что современность на сцене, говоря словами Вл. И. Немировича-Данченко,— «это самое нужное».

Разумеется, театры не игнорируют и классику и наиболее интересные пьесы зарубежных авторов. Для примера тут достаточно назвать такие незаурядные по режиссерскому решению и богатые актерскими удачами спектакли, как «Дачники» М. Горького в Малом театре, «Зима тревоги нашей» Д. Стейнбека в МХАТе, «Дядюшкин сон» Ф. Достоевского в Театре имени Моссовета. Но все же самое почетное место на сцене — современности.

Каков же он, многоликий, разнохарактерный нравственный облик современника, с которым мы познакомились на новых спектаклях? Давайте начнем наше «путешествие» с Театра имени Пушкина, который перенесет нас в не сравнимый ни с чем мир шолоховского слова, в неповторимую жизнь шолоховских героев.

«Поднятая целина»... Наконец-то вторая книга этого романа получила свое сценическое рождение и в Москве! И скажем сразу: долготерпение москвичей вознаграждено.

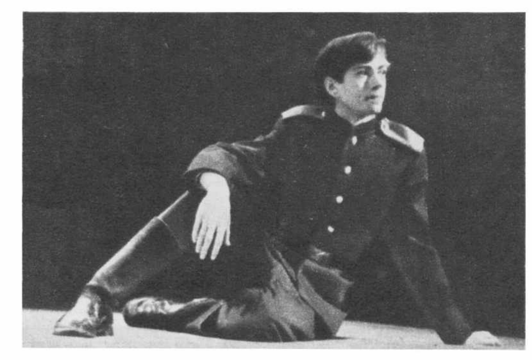
Признаться честно, я несколько тревожился за судьбу этого спектакля. Возможно ли органическое соединение прозы М. Шолохова и режиссуры Б. Равенских с ее острым пониманием театральности, стремлением насыщать действие всевозможными зрелищными эффектами, расцвечивать его песенно-танцевальными узорами?.. Тревога оказалась напрасной! Нет, Равенских не изменил своим творческим убеждениям, не отказался от своего стиля. Но он углубил этот стиль и, трезво и сурово самоограничив себя, сделал его строже, сдержаннее, мужественнее, сохранив при этом его внутреннюю эмоциональность и темпераментность. Драматургия, жизненный материал властно повели за собой режиссера, и он, чутко прислушиваясь к ним, разумно подчинился их требованиям. Родился спектакль героический и человечный, спектакль ярких чувств и глубоких мыслей, широкого и вольного дыхания, столь необходимого, чтобы донести шолоховскую страстность, драматизм утверждения нового мира, новых человеческих отношений.

Распахнута и словно раздвинута вглубь и вширь сцена, превращенная художником Е. Коваленко в привольную донскую степь с ее логами и буграми, с ее закатами и восходами, с ее буйными ветрами и лунными, ароматными ночами... Земля и люди. Ничего больше. Но больше ничего и не надо. Ибо люди на этой родимой черной, кормящей их земле живут, борются, страдают, любят, умирают, побеждают... Мы знаем их. Хорошо знаем! И нельзя спокойно, без волнения смотреть, как бурлят и сшибаются их страсти, как рождается в них любовь и ненависть, как одни из них самоотверженно и неотвратимо утверждают на этой земле великую и простую правду партии, а другие — в бессильной ярости — пытаются им помешать.

Именно через людей решается в спектакле его главная тема — партия и народ. Образы коммунистов — принципиальная удача «Поднятой целины» в Театре Пушкина. И Давыдова и еще более Нагульнова безоговорочно принимаешь такими, какими показывают их артисты Ю. Горобец и А. Кочетков. Первый — удивительно душевный, бесхитростный, но, когда нужно, твердый и решительный. Второй — более суровый, а временами торжественный, романтически приподнятый в своей нацеленности «на мировую революцию».

Очень разные, очень самобытные человеческие характеры. Но их объединяют чистота помыслов, беззаветная верность народу, партийному долгу. Этим и привлекают они людей, ведут их за собой, завоевывают умы и сердца. И не только тех, кто живет в спектакле, но и сегодняшних зрителей. Не случайно режиссер несколько раз выводит Давыдова и Нагульнова на авансцену и, оставляя лицом к лицу с залом, дает им возможность проникновенно и доверительно раскрыть перед нами свою душу. И мы видим самые лучшие, самые прекрасные черты современников, достойных представителей партии, олицетворяющей ум, честь и совесть нашей эпохи.

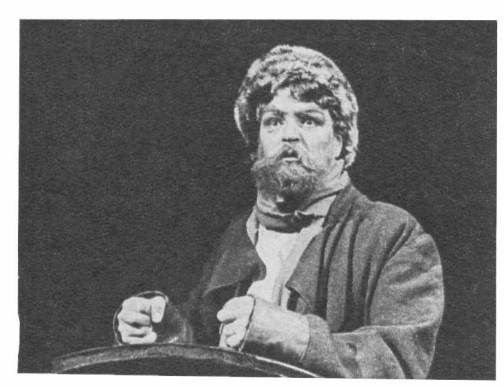
Л. Сухаревская в спектакле «Жив человек».

«Объяснение в ненависти». Василий — Г. Бортников, мать Василия — Л. Шапошникова.

Фото А. Гладштейна, В. Петрусовой и С. Фельдмана.

«Бронепоезд 14-69». Партизан Вершинин — Л. Губанов.

«Поднятая целина». Нагульнов — А. Кочетков, Давыдов — Ю. Горобец.

Сцена из спектакля «Перебежчик».

В этом, пожалуй, важнейший итог постановки Б. Равенских по роману М. Шолохова. Спектакль воспринимается не как бесстрастная хрестоматийная иллюстрация, а как живое, взволнованное обращение к современникам, вызывающее ответную благодарную взволнованность...

Подобная атмосфера царит и в зале Московского Художественного театра, когда там идет «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. Спектакль, поставленный в минувшем сезоне, сохраняет премьерную живость и приподнятость и уж никак не производит впечатления «музейного», «архаичного»... Нет, он активно зажигает воображение и мысль современного зрителя революционной героикой, правдой изображения народной борьбы. Нам близки сражавшиеся на заре Советской власти за наше сегодня коммунист Пеклеванов — В. Кашпур и партизанский вожак Вершинин, отлично сыгранный Л. Губановым. Они передают нам эстафету не только своей жизни, своего дела, но и тех моральных, нравственных устоев, которые выражены всей их прекрасной человеческой сущностью.

Но вернемся к премьерам нынешнего сезона. Познакомимся с молодыми нашими современниками. С теми, кто сегодня продолжает дело своих отцов. И не просто продолжает, но вступает в открытый бой за его святую чистоту. Знакомство это произойдет в Театре имени Моссовета, на спектакле «Объяснение в ненависти» И. Штока.

Солдат Василий Воробьев, стоящий на часах у памятника советским воинам в Берлине, где, возможно, похоронен и его отец, сознает себя прямым наследником героев, отдавших жизнь в боях за Родину. Это сознание порождает в нем высокую гражданскую ответственность, котора и делает его таким активным, таким непримиримым в разрешении основного конфликта пьесы и спектакля. Разворачивается же этот конфликт в родном городе Василия, Старогорске, куда герой приезжает на побывку. Здесь и происходит его «объяснение в ненависти» с приспособленцем, лжецом и клеветником Курниковым, спекулирующим ради своих шкурных интересов памятью погибшего Васиного отца... Исполнитель роли Курникова Г. Некрасов и Л. Шапошникова, играющая безвольную и легко идущую на моральные компромиссы мать Василия, метко и тонко подчеркивают опасность таких людей. Разоблачение Курникова утверждает победу высоких нравственных норм нашего времени.

Для режиссуры Ю. Завадского в этом спектакле характерно действенное сочетание открытой гражданственной публицистичности с психологической достоверностью и точностью в обрисовке героев. В роли Василия Г. Бортников подтвердил свою чудесную способность быть на сцене покоряюще искренним, естественным, легко входить в прочный душевный контакт со зрителем. Показанный им здесь образ современного молодого человека не только симпатичен, но и симптоматичен. Его Василий Воробьев — именно тот герой, который все активнее завоевывает ведущее положение и в театре, и в кино, и в литературе. Он твердо знает, чего хочет в жизни, какие идеалы отстаивает, гордо сознает свою принадлежность к советскому строю, к социалистическому обществу. И буквально на каждом шагу своего жизненного пути ощущает локоть товарищей-единомышленников. Это его военные начальники — обстоятельный, чуткий старшина Беспрозванненко (В. Отиско) и очень внимательный при всей своей занятости полковник Андреев (Б. Иванов); это любимая девушка Василия Люба Василькова (Т. Чернова), такая одухотворенная, лиричная, чистая и такая мужественная; это его сестра Елка (М. Терехова) и ее друг Игорь Багров (Ю. Эпштейн) — совсем еще юные ребята, которые так же, как и Василий, идут по жизни честно и достойно.

Вопреки названию спектакля театр объясняется в любви ко всем этим людям — своим положительным героям, находя полное понимание зрителя, которому они близки и дороги своим стремлением и умением жить для других.

И в Московском драматическом театре мы увидели таких же самоотверженных, скромных и сердечных людей. Исключительно талантливо, ярко, экспрессивно А. Гончаров поставил пьесу В. Максимова «Жив человек». И, говоря о сценическом воплощении нравственного облика современников, никак нельзя пройти здесь мимо медсестры Симы. Чудесный образ создает в спектакле замечательная актриса Лидия Сухаревская, наполняя его глубоким гуманистическим содержанием.

Кажется, что Л. Сухаревская всю свою жизнь не снимала белого халата, облегчая людям страдания, обогревая их щедрым теплом участливого сердца. Так человечески и профессионально жизненна ее героиня. Человек нелегкой и не очень счастливой личной судьбы, она буквально светится, преисполненная любви к людям, непоказного стремления помочь им, ободрить, поднять дух... Надо видеть, как Сима-Сухаревская кормит с ложки тяжелобольного! Будто весь мир заключен для нее в том, чтобы заставить человека проглотить ложку супа... А как по-матерински ласково, просто разговаривает она с людьми! Хочу сказать, что и Н. Никонова, играющая сиделку Галю, и М. Андрианова в роли другой больничной нянечки, Силовны, еще больше подкрепляют впечатление, которое производит Сима-Сухаревская. Глядя на этих простых русских женщин, всегда готовых прийти на помощь, бескорыстно отдать другим частицу своей большой души, с горячей благодарностью думаешь об их подругах — таких же скромных труженицах...

Сердечное тепло зрителей завоевывают и действующие лица драмы А. и П. Тур «Перебежчик», идущей в Театре имени Маяковского. Необыкновенно важную и актуальную тему интернациональной дружбы и солидарности народов поднимает этот спектакль. Живые, полнокровные образы создают в нем Е. Самойлов (генерал Бондарев), А. Лазарев (немецкий патриот Вальтер Шеринг, перешедший на сторону советских войск), Л. Овчинникова (бесстрашная летчица Галя Хмелько), Е. Лазарев (разведчик Алексей Рубцов), Т. Карпова (польская коммунистка Ядвига Домбровская). Правдиво поведали они о героической и драматичной военной судьбе своих героев. Но это не только волнующий сценический рассказ о минувшей войне, не только воспоминания о подвигах отважных и благородных людей, настоящих патриотов. Спектакль, поставленный Б. Толмазовым, активно и горячо призывает беречь и развивать интернациональное братство, рожденное в боях против фашизма, скрепленное совместно пролитой кровью.

Однако не только положительные герои определяют на театральных подмостках нравственные критерии времени. Они — и в отношении к тем характерам, персонажам, над которыми мы смеемся. Комедией, даже самой легкой, тоже можно немало сказать, каким должен и каким не должен быть человек. Так и происходит на спектакле Малого театра «И вновь — встреча с юностью...».

В этой комедии А. Арбузова, поставленной режиссером В. Монаховым, заняты всего лишь три актера: К. Роек, В. Доронин и П. Константинов. С присущим им обаянием, мастерством и комедийным блеском они весело, задорно разыгрывают шутливую притчу. Зрители видят воочию, как пагубны и опасны для человека зазнайство, самоуспокоенность, леность мысли, преждевременная душевная вялость... Изящное, вполне современное и отнюдь не аллегорическое моралите, может быть, не очень глубоко. Но оно своими, особыми средствами, в полной мере использованными театром, лишний раз напоминает о том, что времени нашему противопоказан застой не только в общественном, но и в личном плане.

Заглянем еще в Центральный театр Советской Армии. Здесь с большим успехом идет фантастическая сказка «Солдат и Ева». Успех этот одинаков как у маленьких, так и у больших зрителей.

— При чем тут сказка? — спросите вы. — Ведь в нашем театральном обозрении речь идет о спектаклях, так или иначе говорящих о нравственных проблемах, о моральных качествах героя современности...

Оказывается, и сказка может успешно работать на эту тему, что превосходно доказали умным, изобретательно поставленным, интересно оформленным и отлично сыгранным спектаклем драматург Е. Борисова, режиссер А. Попов, художник И. Сумбаташвили и весь коллектив исполнителей.

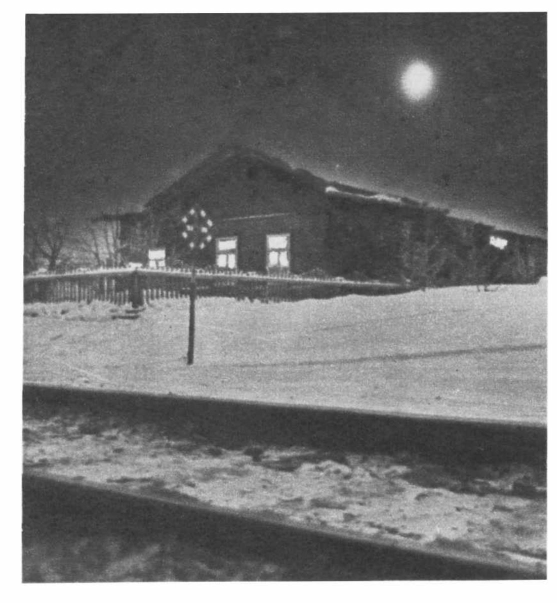
Конечно, коль скоро это сказка, да еще и фантастическая, то в ней полно всевозможных чудес и волшебных превращений. Но чудеса поражают, превращения восхищают или ужасают, а в уме и сердце зрителя прочно поселяются простые люди из народа. Прежде всего солдат — Ф. Чеханков и Ева — Л. Голубкина. Актрису надо поздравить с удачным дебютом на профессиональной, к тому же столичной, сцене...

Вместе со своими друзьями солдат и Ева смело бьются против зла, коварства, стяжательства, против себялюбия и душевной черствости. Они побеждают, потому что честны и храбры, стоят горой друг за друга и не приемлют всем своим существом отвратительную мораль мещан и собственников. Такая сказка, безусловно, помогает формированию высоких нравственных устоев, особенно у юных зрителей.

Вот и подошло к концу наше «путешествие» по некоторым театральным залам столицы. Закончим его пожеланием новых горизонтов для театров. А для зрителей — новых интересных встреч с героями-современниками.

ПОЕЗД ПРОХОДИТ МИМО

Фото А. БОЧИНИНА.

Вот он, четыреста девятнадцатый...

Мчится поезд. Дальний путь у него — через всю страну.

Кто же обеспечит поезду спокойную дорогу, кто позаботится о том, чтоб не случилось никаких происшествий?

Выгляни в окно вагона, и ты увидишь человека с высоко поднятой рукой. Ты будешь встречать его на всем многокилометровом пути. И днем и ночью он просигналит машинисту: «Все в порядке. Путь открыт!»

Четыреста девятнадцатый километр Северной железной дороги — это почти на границе двух областей: Ярославской и Костромской. Домик бригадира путевой бригады Николая Андреевича Соболева расположен в одной области, а ближайшая станция Буй — в другой.

Семнадцать лет прожил Николай Андреевич со своей семьей на железнодорожном полустанке. Да что там семнадцать! Вся его жизнь связана с дорогой. Отец его, Андрей Ардальонович, был путевым плотником на станции Казарино. Когда Коле исполнилось тринадцать лет, отец умер, и на железной дороге стала работать мать. Сын помогал ей во всем. Наконец в 1933 году сбылось желание Николая Андреевича: он стал путевым рабочим, а через некоторое время — после окончания специальных курсов — бригадиром укрупненной бригады. И вот 1941-й... С восстановительной бригадой 310-го поезда прошел Соболев всю войну, возрождая разрушенные немцами пути под Великими Луками, на Украине. Это был тяжелый труд. Но сам Соболев о тех годах говорит теперь односложно:

— Чинили дороги, вот и все...

Не совершил он, на его взгляд, ничего замечательного и в мирные дни, живя в своем одиноком домике на 419-м километре.

А дом свой Николай Андреевич и его жена Анна Матвеевна считают непростым.

— К тому, кто в нем живет, всегда приходит счастье и... много детей,— с улыбкой говорят они.— И прежние хозяева были многодетными, ну а мы вырастили семерых.

Когда женился старший сын, Александр, молодым отдали самые большие комнаты.

— Наша семья уже пошла на убыль, — сказала Анна Матвеевна, — а у вас — прибыль. Вам и площади больше надо.

И вот уж бегают по двору четыре внучонка, четыре «хвостика» бабы Нюры: куда она, туда и они. Свои-то дочери, старшие, покинули родительское гнездо, разбрелись по белу свету. Мария — на Ярославский силикатный завод, Лидия — в Донбасс, Надежда стала прядильщицей, Галина работает на Ярославском шинном заводе.

Сыновья, Александр и Павел, пошли по отцовской линии. Сумел Николай Андреевич привить им любовь к своему нелегкому труду.

— Ничего особенного,— говорит о своей работе Николай Андреевич.

Но так ли это?

Поезд не автомобиль. Он не может объехать рытвину, свернуть на обочину. У него свой, прямой, как луч, стальной путь, который всегда должен быть в идеальном порядке. Поезд — десятки и сотни жизней, ценные грузы. И разве это не настоящий подвиг: на участке, где трудится Николай Андреевич Соболев, за долгие годы не задержался ни один состав!

Особенно тяжко приходилось в первые послевоенные годы, когда путь был настолько изношен, что беды можно было ждать в любой момент.

Ночь. Тишина. Слышно лишь, как позванивают в сухом морозном воздухе электропровода, хрустит снег под ногами одинокого путника. Это ночной обходчик. Только сегодня днем закончен большой ремонт. Значит, неполадок не должно быть. Стальные ленты пути тускло мерцают при свете фонаря. Вдруг и без того слабый лучик запрыгал, разбился на несколько осколков. Рабочий нагнулся... Так и есть, треснул рельс, не выдержал мороза. Скорей к бригадиру! Ведь до утреннего поезда всего несколько часов.

И вот уже не спит весь домик на переезде. Женщины зажигают фонари, мужчины спешно собирают инструменты.

Положили рельс на рельс и волокут метров двести. Не дожидаться же дрезину, когда времени в обрез!

И опять стоит обходчик с флажком, провожая поезд. И в стуке колес ему будто слышится:

— Успели, успели, успели...

Нужна людям их работа. Так думает Николай Андреевич Соболев. Так думают и остальные девять человек в бригаде, а среди них и два его сына, Павел и Александр. Правда, младший, Павел, пока еще ученик Буйского железнодорожного училища—у отца в бригаде он проходит свою преддипломную практику, но трудится наравне со всеми, без всяких скидок и поблажек.

Любит Николай Андреевич в свободное время постолярничать, поплотничать. Почти вся мебель в доме сделана его руками.

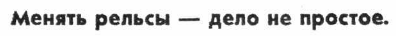
Хозяйский глаз Николая Андреевича виден во всем. Аккуратно сложены скирды сена, высятся штабеля березовых поленьев. В теплом хлеву совсем недавно появилось прибавление — хорошенькая, длинноногая телочка.

А больше всего хозяйский догляд Николая Соболева ощутим, конечно, в работе. Недаром его бригаде, первой на всей дистанции, присвоили звание коллектива коммунистического труда.

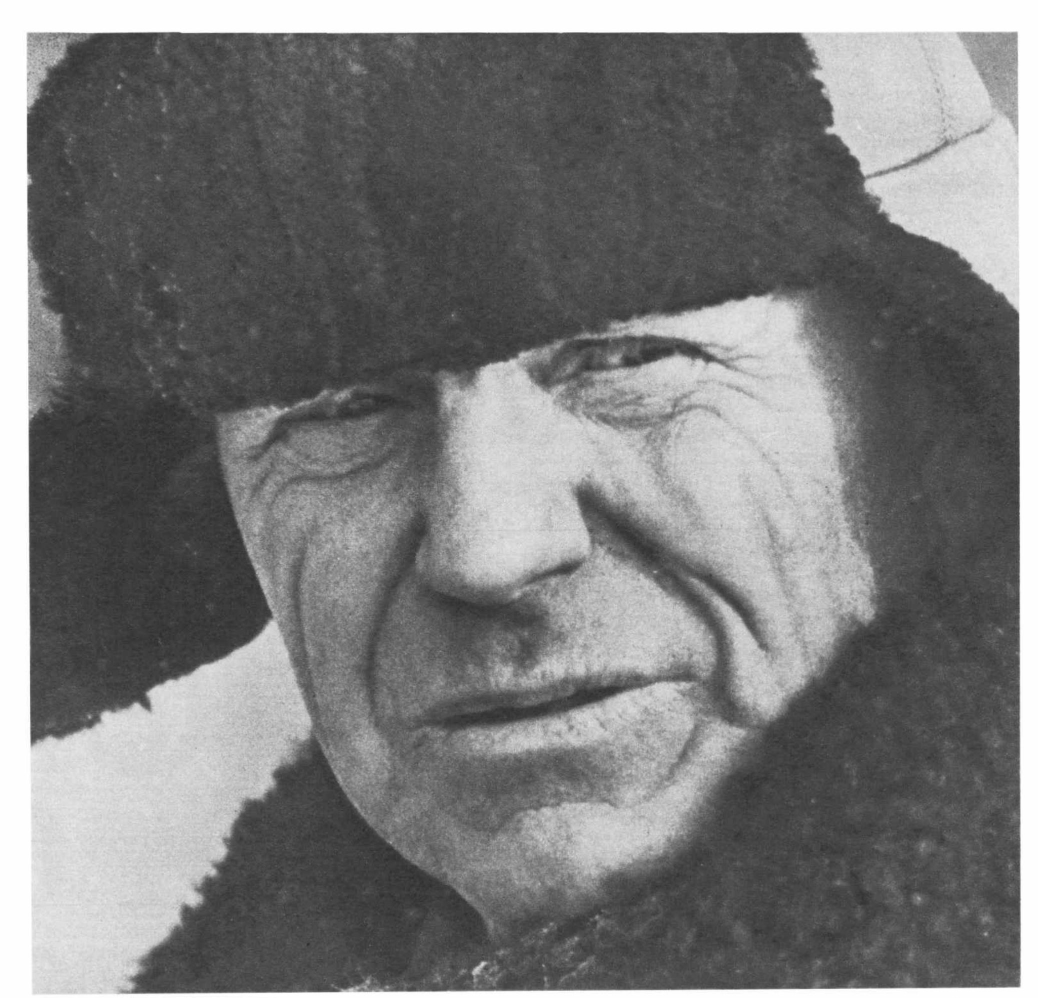
Бегут, спешат поезда... Выгляни, пассажир, в окно вагона. Ты увидишь человека с флажком в руке. Это Николай Андреевич Соболев — бригадир путевых рабочих.

В. МОРОЗОВА

Менять рельсы — дело не простое.

Рабочий человек Николай Андреевич Соболев.

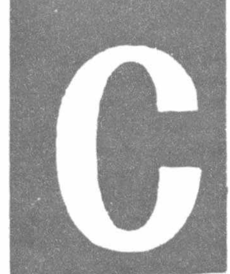

Пока все в доме спят, Павел решил посидеть с книгой.

Путь открыт!

Борис ИВАНОВ

Новелла о стихах

Серая земля сквера, озябшие деревья, пытавшиеся прикрыть от ветра свои мокрые стволы голыми ветвями, небо, тяжелое, как солдатская шинель в непогоду,—все это утром вдруг преобразилось, засверкало, заискрилось, стало желанным и веселым. Воздух, прозрачный, легкий, пахнет морозом и снегом, в нем плавают невидимые нежные пушинки, которые щекочут нос, щеки, губы, и человеку хочется улыбаться и петь от полноты счастья, счастья, что видишь, чувствуешь эту вот первозданную красоту.

Зима в серебряные трубы
Трубит и рассыпает снег...

Но вот уже второй год кряду в звонкой праздничности первого зимнего дня я различаю и грустную мелодию. Она звучит тихо, лишь как напоминание о чем-то далеком и до боли близком и дорогом. О чем же?

В печальной мелодии этой мне слышится голос Василия Лаврентьевича Кулемина. Видимо, это уже на всю жизнь. Большое чувство, какие бы бури над ним ни проносились, никогда не потухнет и на далеком расстоянии будет сверкать золотым язычком пламени. И куда бы ни занесла тебя судьба, что бы ты ни делал, в определенный день и час сердце твое вновь уловит когда-то потерянный отзвук.

Ведь сердце звучит, как и солнце!
Не случайно же так
Необычно созвучны слова.
И живет человек
Сначала под сердцем, а после под солнцем,
На великой планете
Свои утверждая права.

Василий Кулемин сидит на диване, обтянутом белым чехлом. Тонкие пальцы теребят помятый листок бумаги, исписанный неровным почерком. Глаза, спокойные и прозрачные, как воды его родной Красивой Мечи, то опускаются на карандашные строчки, то внимательно смотрят на меня в ожидании.

Все рождается втайне:
Ребенок рождается втайне,
И стихи...

Поэт читает в больничном коридоре свое первое стихотворение из задуманного им нового и ставшего последним цикла «Только о любви к тебе». За окном нудный осенний дождь. На стекле бисеринки слез.

Судьбе было угодно посвятить меня в тайны рождения некоторых стихотворений Василия Кулемина. И сегодня, когда я перелистываю два его новых сборника, «Право на нежность» и «Только о любви к тебе», вышедших посмертно, строчки словно оживают, наполняются плотью и кровью. Перед глазами встает фигура поэта: широкоплечий, чуть сутуловатый, застенчиво улыбаясь, он говорит:

— Послушай-ка, вот... Но это так, набросок, что ли. Про ту березку...

Василий Лаврентьевич вытаскивает из кармана серых брюк коробку папирос «Казбек», исчерченную вдоль и поперек словами:

Потом с каким-то скрытым горем,
Отчаясь что-нибудь понять,
Она затихла вдруг на взгорье
И молча стала умирать.

Стихотворение это позднее было названо «Как умирала береза».

БЕРЕЗКА И БУЛЬДОЗЕРИСТ

В июне подмосковный лес до макушек наполнен звуками и запахами. Он как бы весь поет. Чуткое ухо уловит в нем десятки мелодий и ни одной печальной, ибо для леса это пора расцвета любви.

Полянки в бело-голубой кипени от ромашек и колокольчиков. Зреет на вырубках земляника. Листья тополя и березы еще клейкие, а дуба — только-только идут в рост, иголки сосны и ели мягкие и шелковистые. Аромат стоит густой, острый и крепкий. Даже на другой день от одежды пахнет июньским лесом, и ты как бы заново переживаешь все прелести вчерашней прогулки. Запах обладает удивительным свойством мгновенно воскрешать образы, даже, казалось бы, давно забытые. Это, пожалуй, самый надежный узелок памяти.

Уже давно мы бродим с Василием Лаврентьевичем по лесу. Молчим. Слова восторга, удивления кажутся кощунством. Только слушать, только дышать. И вдруг неожиданно, словно от боли:

— Ой! Смотри!

Не сказал, вскрикнул Кулемин. Чуть левее нас земля была разворочена мощными гусеницами. Лежали, распластавшись, кусты орешника, стояли с ободранными боками молодые сосенки и дубки. А на взгорье, уронив кудрявую крону в траву, умирала береза. Ее листья пожухли, срез пожелтел. Только на самой макушке зеленела одна прядка.

— Это же варварство! — с болью сказал поэт.

Совсем рядом была широкая просека, и машина могла пройти по ней. Но водитель или сокращал расстояние, ни с чем не считаясь (не всегда самый короткий путь является самым близким к цели), или из озорства крушил все, что попадалось под гусеницы.

Мы решили найти виновника. Через какие-нибудь пятнадцать минут следы привели к тарахтящему бульдозеру, возле которого возился коренастый парень в белой, покрытой мазутными пятнами безрукавке, брезентовых мятых брюках и сандалиях на босу ногу. Козырек кепки был низко надвинут на брови, то ли от солнца, то ли от нежелания показывать свои глаза людям.

— Что же это вы так набезобразничали? — сказал Василий Лаврентьевич.— Ведь это лес!

Водитель с минуту молчал, рассматривая нас, а потом нехотя изрек:

— Дачнички! Идите-ка отсюда... цветы собирать.

— Беречь лес-то надо. Ведь так все можно погубить с вашими замашками.

— С какими такими замашками?! Наше дело — сторона... К начальству обращайтесь.

Парень еще ниже нахлобучил кепку и снова уткнулся в дрожащий мотор. Дальнейший разговор с водителем ни к чему бы не привел. На следующий день Василий Лаврентьевич поехал в районный центр. Там ему вежливо сказали, что в лесу будет карьер. Нужен песок для строящегося показательного совхоза. Никакие доводы о том, что песок можно брать и в другом месте, хотя бы открыть карьер в поле, примыкающем к лесу, не убедили начальство.

— Песок скоро нужен, а в лесу он ближе.

— Но скоро — не всегда хорошо. Долго придется растить такой лес.

— Ничего, лесу в нашей стране на всех хватит.

Много раз после этого сотрясали округу взрывы. Карьер становился все глубже и шире. Со стоном падали вековые сосны и дубы. На стройку показательного совхоза песок начал поступать бесперебойно.

Вот тогда Василий Кулемин и написал стихотворение, как умирала береза, которое прочитал мне однажды за вечерним чаем на террасе своего небольшого дома.

— Знаешь что, хочу завтра пойти на карьер и прочитать это стихотворение... Особенно тому парню в кепке. Пойдем?

Пришли мы к карьеру в полдень. Место узнать было нельзя. Зиял огромный, гектара в два, провал. На дне его работал экскаватор, нагружая песком самосвалы. Кое-где торчали обнаженные корни стоящих на краю провала деревьев. Участь их была предрешена: не сегодня, так завтра. Не изменился лишь наш знакомый водитель бульдозера. Он был все в том же костюме, только в другой позе. Сидел, покуривая сигарету, прижавшись спиной к сосне.

— О-о! Опять дачнички... Все скорбим?

— Зачем же, воюем... Стихи пишем, — сказал Кулемин.

— Про нас, значит.

— Нет, о том, как умирала береза... Хочешь послушать?

Паренек вопросительно посмотрел из-под козырька кепки на Кулемина, потом на меня. Я стоял молча, готовый в самом крайнем случае прийти на помощь.

— Ну-ну, попробуй!

Василий Лаврентьевич сел на землю рядом с парнем и приглушенно, заметно волнуясь, начал:

Она, как женщина, лежала —
И не девчонка и не мать.
И красоту свою держала
И не желала отпускать.

Голос поэта от строфы к строфе не то что крепчал, но становился спокойнее, проникновеннее.

А когда отзвучали последние строки:

И лишь на ветке отдаленной
Не гас зеленой жизни свет,—

парень вздохнул, сдвинул, видимо, от полноты чувств, козырек кепки на лоб. Открылись си-

ние глаза, делавшие лицо доверчивым и округлым. Так вот ты какой, оказывается, когда не прячешься!

— Здорово! А по другому случаю тоже стихи есть? Про любовь, например, а?

Читал Вася и по другому случаю. И не только в этот раз, но и много дней кряду. И слушал его не один Василий Петрович (тезкой оказался), но и другие работавшие на карьере люди. Завязалась дружба, принесшая неожиданный результат.

НЕ УБИВАЙТЕ НЕОЖИДАННОСТЬ

Разные бывают люди: говоруны и молчуны. У меня есть старинный знакомый, который всегда спешит сообщить любую новость, пусть сплетню, независимо от того, приятна она будет или нет. Даже тогда, когда тебе в чем-либо повезло, он не преминет вкрадчиво заметить, что не все-то должным образом встретили твой успех: товарищ Н., например, несколько удивлен, а товарищ К. сказал: «Ах, всякое бывало» — и пожал плечами. При этом вид у старинного знакомого всегда несколько сострадателен: мол, говорю из лучших чувств, в силу привязанности, разделяю и т. п. На самом деле ему доставляют истинное удовольствие ваши неприятности, приносят подлинное огорчение ваши удачи. Но все это он тщательно скрывает за маской дружеской озабоченности, чтобы не потерять ваше к нему расположение.

Когда скажешь такому с досадой: «Брось, зачем... помолчал бы»,— он с ноткой обиды в голосе ответит: «Как зачем? Предупредить, чтоб не было неожиданности». Но каждый раз, когда выслушиваешь от старинного знакомого очередную новость, хочется воскликнуть:

А для меня померкло утро.
Убили люди неожиданность.

Неожиданность. А что это такое? Это встреча со счастьем. Вижу руку сына, ногти на его пальцах — маленькие слепки с моих — счастье. Вижу первую книгу поэта, робкие стихи которого читал в ученической тетради,— счастье. Каждая новая встреча с Севастополем, где воевал,— счастье. Все это подарки жизни. Беречь их надо, радоваться им. Надо любить неожиданность. Тем более, что неожиданно чаще всего приходит хорошее, чем плохое. Человеку в жизни больше достается шишек, чем пирогов.

Примерно так говорил мне Василий Лаврентьевич Кулемин, закончив свою мысль восклицанием:

— Мне по душе молчуны!

А разговор на эту тему возник вот как: я рассказал Кулемину о том, что вчера к нам, на Ленинские горы, забежал лосенок. Он, видимо, забрел к Москве-реке ночью на водопой из недалекого Внуковского леса. Утром его увидели спешащие на работу люди. Вначале любопытных было немного, и лосенок не обращал ни на кого внимания. Но толпа росла с каждой минутой. Поднялся шум. Лосенок вытянулся, напрягся, удивленно озираясь по сторонам. Вдруг кто-то свистнул. Другой закричал: «Ату его!» Лосенок вздрогнул и со всех ног побежал. Толпа с улюлюканьем ринулась за ним. Напуганное животное выскочило на Воробьевское шоссе и налетело на шедший навстречу троллейбус. Машина разбила лосенку голову, но рана не остановила его. Роняя на асфальт крупные капли крови, он пересек Воробьевскую аллею и через парк Дворца пионеров устремился в сторону проспекта Вернадского.

На Молодежной улице, когда обессилевший лосенок прилег на газоне, его заарканили, связали ноги, бросили в грузовик и повезли — наверное, обратно во Внуковский лес. Казалось, почему мой рассказ о лосенке, случайно забредшем в Москву, вызвал у Кулемина воспоминание о старинном знакомом? Что здесь общего?

Накануне рано утром в квартире Кулемина раздался телефонный звонок. В трубке Василий Лаврентьевич услышал голос старинного знакомого. «Готовься к худшему»,— мелькнуло в голове. «У меня в руках свежая газета,— хрипело в трубке,— аж краской пахнет... Знаешь, что о тебе пишут? Ну, конечно, не знаешь. Газета еще домой не пришла. Тогда слушай меня». Старинный знакомый зачитал несколько приятных абзацев из рецензии на поэму Кулемина «Я — «Малахит». «Чуешь? То-то же. Поздравляю. Но учти, тут на твой счет и прохаживаются. Завистников кругом вон сколько. Особенно рот не разевай. Понял? Ну, досыпай, а то поднял рано...» В трубке щелкнуло. Кулемину было уже не до сна...

Старинный знакомый позвонил, поздравил — поступил вроде правильно.

Лосенка поймали, связали и отвезли в лес— тоже сделали правильно.

В общем, и к человеку и к зверю была проявлена забота. И что-то все-таки ушло. Как говорится, избавь нас бог от таких забот. Видимо, поэтому возникли тогда экспромтом две строки:

А для меня померкло утро.
Убили люди неожиданность.

Строчки эти потом вошли в стихотворение «На наш бульвар лосенок выскочил», которое Василий Кулемин написал, уже будучи тяжело больным.

Убили красоту спросонок
Под звуки утреннего вальса.
Хочу, чтоб этакий лосенок
В любви почаще появлялся.

Нельзя, чтоб все текло размеренно,
Как заведенное однажды:
Муж на жену глядел уверенно,
Без удивления и жажды...

Тех дней-воробушков не надо нам.
Гоните их дубьем, пинайте!
И в час, явившийся негаданно,
Лосенка вы не прогоняйте.

Стихотворение это тоже вошло в цикл «Только о любви к тебе».

* * *

Летом прошлого года на платформе станции Барыбино Павелецкой железной дороги подошел ко мне парень в кепке, надвинутой на самые брови.

— Здравствуйте! Не узнаете? — радостно сказал он, отбросив кепку на самый затылок.

— Как не узнать! Здравствуй, Вася. Приятная неожиданность... Что в жизни нового?

— Э-э, тяну на пять, да не очень получается.

— У тебя-то? Жми крепче!

— Куда уж боле...

Бульдозерист Василий Петрович с ходу, захлебываясь от нетерпения, рассказал мне во всех подробностях, как он больше года бился с товарищами за то, чтобы если не закрыть, то хотя бы не расширять карьер в лесу. Рабочие, ободряемые Васей, выступали на собрании, писали начальству, стихотворение «Как умирала береза» опубликовали в стенной газете. Говорили с руководством совхоза. И что же? Добились своего. Сначала работы на карьере были сокращены до минимума, а затем его закрыли совсем.

То-то последнее время я не слышу ни урчания самосвалов, ни лязга экскаваторов.

— Василию Лаврентьевичу об этом непременно передайте. Это все он! — крикнул на прощание Вася, вскакивая на ходу в электричку.

Если бы я мог передать...

Я побывал на карьере. Отвалы заросли травой. От старого корня растет новая березка — тоненькая, хрупкая. Она будет большой и сильной. Теперь вырастет.

Старинный знакомый словно по наследству перешел ко мне. Недавно звонил, как и всегда, ни свет, ни заря.

— Привет, старик! — услышал я скрипучий голос.— Скажи, ты оптимист?

— Ну, предположим, да,— ответил я уклончиво, не зная, какой подвох таится в этом вопросе.

— То-то и видно, что да! Оптимизм — это неосведомленность. Ясно? Ха-ха... Бывай! Позванивай!

Что поделаешь, жив курилка!

Н. СМЕТАНИН

ДЖО ИЗ АНГОЛЫ

Так случилось, что моим соседом по больничной палате оказался Джо — молодой парень из Южно-Африканской Республики,— которому на вид можно было дать лет двадцать пять, хотя на самом деле он был на пять лет моложе. Джо обрадовался компаньону, который знал английский и не только мог помочь ему в разговорах с врачами, но и скоротать больничное время в беседах о Советском Союзе, об Африке и о многих других вещах.

Джо едва исполнилось семнадцать лет, когда он, самовольно покинув резервацию, бежал в Анголу, где, как он слышал, люди его цвета кожи с оружием в руках боролись против ненавистных белых угнетателей. Джо шел один сквозь непроходимые африканские джунгли и пески, одолевал горные перевалы, вплавь и вброд перебирался через реки, кишащие крокодилами. Иногда на его пути попадались городки и деревни, но он обходил их. Ночи Джо проводил на деревьях, а кормился только тем, что могла ему преподнести родная африканская земля.

Настал день, когда Джо услышал треск автоматных очередей, увидел вооруженных черных людей, быстро уходивших в чащу леса. Джо бросился к ним, заговорил на своем родном языке. Но они его не понимали. Тогда Джо попытался перейти на английский, и опять безрезультатно. Но он не отставал от людей, стараясь жестами показать, что он хочет стать бойцом их отряда. Так Джо стал солдатом одного из отрядов НДОА (Народное движение за освобождение Анголы).

— Воевать нам было нелегко,— рассказывал Джо,— автомат и диски с патронами бойцы должны были добывать себе в бою.

Однажды Джо повезло. Будучи в разведке, он подобрался к португальскому патрульному посту и, пользуясь кромешной темнотой африканской ночи, выкрал миномет и ящик мин к нему. Обливаясь потом, Джо доставил свой драгоценный трофей в отряд. Но вот беда: никто в отряде не знал, как обращаться с этим оружием. И тогда Джо опять ушел в ночной поиск. Он решил пле-

нить португальского солдата, который обучил бы его обращению с минометом.

Джо долго лежал, вжавшись в траву у изгороди из колючей проволоки. Наконец показался медленно идущий ему навстречу часовой. Джо взвился, подобно питону, и вцепился часовому мертвой хваткой в горло. Миг — и поверженный враг был крепко связан лианами.

Плененный солдат оказался немцем по национальности. В колониальную португальскую армию он вступил в надежде хорошо заработать. Когда Вилли (так звали немца), трясясь, как в лихорадке, предстал перед командиром отряда, ему втолковали, что он должен обучить Джо обращению с минометом. Если он это сделает, его отпустят, если не захочет, будет немедленно убит.

Джо стал минометчиком, очень хорошим минометчиком.

— А что же, Джо, вы сделали с немцем?

— Мы сдержали свое слово, и я довел его почти до самого их лагеря. Конечно,— улыбнулся Джо,— пришлось ему причинить кое-какие неудобства: глаза мы ему завязали, руки связали за спиной.

Бойцы в отряде иногда по нескольку суток оставались без пищи, частенько страдали от отсутствия питьевой воды. Ни врача, ни медикаментов они не имели. Но это был народ выносливый, привыкший ко всяким невзгодам. Никто никогда не унывал, песни и танцы завершали каждый удачный бой, каждую удачную охоту.

Кое-кто из бойцов постарше иногда на неделю-другую исчезал: они тайком пробирались в свои деревни, чтобы навестить семьи. Но многих ожидало тяжкое горе: мстя партизанам, португальские солдаты жгли деревни, угоняли скот и молодых парней и девушек, стариков убивали.

В одном из боев Джо был ранен в ногу и попал в плен. Когда его притащили в лагерь, первым белым человеком, кто проявил к нему повышенный интерес, был Вилли.

— А, черная обезьяна, попался! Теперь ты мне заплатишь за учебу, так заплатишь, что смерть тебе покажется желанной! — со злобой говорил Вилли.

Он попросил у командира роты, чтобы ему передали Джо в полное распоряжение.

Джо лежал связанный на земле, а рядом с ним Вилли сооружал из досок невысокий помост в виде буквы «Т». Затем Вилли положил Джо на продольную доску и крепко привязал к ней его ноги. Он освободил Джо руки, оттянул ему сначала правую руку и большим гвоздем пришил ее к доске. Джо закричал от неожиданной боли, Вилли прибил к доске и его левую руку. Джо больше не кричал. Вилли взял в руки гибкий металлический жгут и до тех пор бил Джо по спине, пока она не превратилась в кусок кровоточащего мяса. Джо давно уже потерял сознание, а озверевший немец все бил его. Наверно, Вилли забил бы Джо до смерти, если бы не вмешался командир роты. Он рассчитывал с помощью Джо найти главный лагерь повстанцев, действовавших в районе Маримбы.

Через неделю его приволокли к командиру португальской патрульной части.

— Вот что, парень! Покажи нам, где скрывается ваша банда, и мы тогда подлечим тебя, пошлем в колледж, сделаем из тебя человека.

Джо молчал.

— Ты что же, скотина, проглотил язык?

Потом опять ласково:

— Джо, ты молод, у тебя вся жизнь впереди, подумай, ведь то, что я тебе предлагаю,— мечта многих твоих соплеменников.

Джо опять не проронил ни слова.

— Вилли,— крикнул командир,— ну-ка развяжи язык своему ученику!

Вилли вытащил Джо во двор, привязал к забору.

— Если ты, собака, не заговоришь, я тебя всего изрешечу пулями.

Вилли вынул пистолет, долго целился. Раздался выстрел. Пуля прошила мякоть правой руки.

Вилли подошел к Джо.

— Ты будешь говорить?

Но тот по-прежнему хранил молчание. Тогда Вилли прострелил Джо и левую руку. Затем он подошел к нему и со всей силы ударил его снизу по челюсти. Джо потерял сознание.

Очнулся он глубокой ночью, и первое, что услышал, был треск автоматных очередей. Лагерь португальцев горел. Джо, превозмогая боль, встал на ноги, начал кричать и стучать в дверь. Его услышали.

Через несколько часов Джо находился у своих. Состояние его было тяжелым, но молодость, мужество, привычка организма к преодолению физических страданий помогли ему прийти в себя. К тому же в лагере оказался доморощенный врачеватель, знавший силы местных целебных трав. К несчастью, в кровь Джо попала какая-то инфекция. У него начались тяжелые боли в животе, рвота, он таял на глазах у друзей.

Однажды к Джо подошел командир с каким-то незнакомым ему человеком. Это был член руководства НДОА.

— Джо,— сказал командир,— ты знаешь, что есть великая страна, которая называется Советским Союзом. Там правят белые, но они лучшие друзья черных.

— Я знаю,— ответил Джо.— Гагарин,— добавил он, и ему казалось, что этим словом сказано все.

— Так вот, Джо, ты поедешь в Советский Союз. Там тебя вылечат, там ты будешь учиться: свободной Анголе нужны будут свои доктора, учителя, агрономы.

Путь Джо из лесного лагеря в Анголе до московской больницы был долгим и трудным, но новая Африка имеет почти в каждой стране континента комитеты помощи борющейся Анголе. Они-то и помогли Джо добраться до Каира, а уж оттуда он попал наконец в Москву.

Теперь Джо чувствовал себя уже хорошо. О прошлом напоминала лишь покрытая чудовищными рубцами спина да отметины на руках.

— Скажи, Джо,— как-то спросил я его,— кем же ты решил стать: учителем, врачом или агрономом?

Джо вздохнул.

— Дорогой мой друг,— сказал он,— я не могу пойти учиться. Я вернусь в Анголу и до тех пор не выпущу из рук автомата, пока последний португалец не уйдет с ее земли. Вы даже не представляете себе, какую силу духа, какую энергию почерпнул я от вас, советских людей. Ваш Маресьев, ваш Гагарин, наш добрый врач — вот пока что мой первый советский университет. Быть похожим на советского человека, обладать его силой духа, его настойчивостью в достижении цели — вот к чему я сейчас стремлюсь.

— Но ведь ты можешь снова попасть в лапы португальцев, и тогда...

— Я хочу быть похожим на ваших революционеров. Они любили жизнь, но смерти не боялись.

ДО СВИДАНЬЯ, СНЕГ!

Всю зиму было так: ранним воскресным утром, еще в предрассветном сумраке, вокзальный перрон заполнялся шумным племенем организованных и стихийных туристов. Закоснелые городские домоседы еще досматривали свои широкоформатные, но лишенные действия сны, навеянные многосерийными телевизионными фильмами, а здесь гремели песни, заглушая струнные переборы гитар, вспыхивал заразительный хохот. А когда к перрону подавался электропоезд, вся эта бурлящая, звенящая, поющая волна вкатывалась в вагоны, и электричка, набирая ход, начинала отбивать быстрый такт перестуком своих колес. К снегу! К снегу! К снегу!

Эти поезда, придуманные Львовской туристской базой и Львовским клубом туристов, так и называются: снежные.

На станции Славско разноцветная масса лыжников, высыпав из вагонов, распадалась на несколько партий — в зависимости от вкусов и мастерства. Горнолыжные асы, оснащенные специальным лыжным оборудованием, отправлялись на головокружительные слаломные трассы. Новички, посоветовавшись с опытными инструкторами, прокладывали путь к пологим горным склонам, на которых голова не кружится, но упасть все-таки можно. Те, кто придерживался принципа «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», предпочитали бесконфликтное гладкое катание по ровной местности. Но таких было ничтожное меньшинство.

К полудню парни и девушки, румяные и голодные, как черти, сбегались к поезду, который оставался стоять на путях, и набрасывались на съестные припасы, захваченные из дому.

Потом — опять на лыжи. И опять быстрый бег по сверкающему под горным солнцем ослепительному снегу.

А когда солнце опускается за зубчатую стену на западе, лыжники возвращаются на станцию, садятся в вагоны, и поезд, посигналив на всякий случай — не остался ли кто-нибудь, укатавшись до самозабвения,— трогается в обратный путь.

Сидят лыжники в первые полчаса молча, в приятной истоме, испытывая от усталости, как ни странно, только удовольствие. Когда они смыкают веки, в глазах возникают яркие оранжевые блики — до такой степени пропитались лыжники морозом и солнцем, что этот радостный оранжевый цвет они привезут в город и доживут с ним до понедельника, а пожалуй, и до следующего воскресенья.

Февраль-бокогрей теперь уже позади, давно встретилась зима с летом, а лыжи все никак не хочется прятать в кладовку. Сегодня — кажется, в последний раз — снежные воскресные поезда привезут лыжников на станцию Славско. Лыжи расчертят окрестные вершины густой сеткой стремительных прямых линий, которые скоро растают вместе со снегом.

Весна наступает с юга на север и из долин к макушкам гор, меняя белоснежные скатерти на цветастые покрывала.

Ну что ж, до свиданья, снег! До будущей зимы!

О. МИХАЙЛОВ

Горы у Ясиней — вотчина слаломистов.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Пятеро в одних санках.

Научившись ходить, становись на лыжи!

Как передать словами всю красоту Карпат!

Москвичка Наталья Бабашева считает, что зимний отпуск лучше всего проводить в горах.

А. Плотнов. РИХАРД ЗОРГЕ.

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

ЗОРГЕ

6

Утро было, как и вчера, яркое и голубое, а воздух еще гуще настоян на липах и каштанах. «Может быть, вчерашнее — кошмарный сон?» Но подоконник был присыпан хлопьями серого пепла. И за ночь не прошла головная боль. Нет, вчерашняя вакханалия — действительность. Она будет продолжаться и сегодня.

Все так же нежно зеленели шпалеры лип вдоль Унтер-ден-Линден и горели осыпанные розовыми свечами каштаны. И победно неслась квадрига над Бранденбургскими воротами. Но сегодня Рихард с особой неприязнью шел по этой великолепной улице, мимо ее дворцов и памятников.

Вдруг радостно дрогнуло сердце: над зданием полпредства СССР колыхался красный флаг! Как это здорово! В центре фашистской столицы гордо реет флаг с серпом и молотом. Рихард прикрыл глаза, чтобы прохожие ненароком не увидели, каким торжеством они блестят. Стоит сделать несколько шагов влево — и ты на территории Родины.

Он продолжал идти по Унтер-ден-Линден...

Бар «Пивная пена» на Гедеманштрассе оказался дверь в дверь с полицейским «локалем». Из «локаля» доносились хриплые спорящие голоса, у входа толпились полицейские и коричневорубашечники. И в самом баре за столиками и у стойки были одни только полицейские. «Их излюбленное место,— определил Рихард.— Неплохо для конспирации!»

Он расположился, как и было условлено, за столиком у дальней стены, положил рядом книжку в зеленой обложке — примету, заказал порцию сосисок с капустой и пива. Огляделся. Полицейские в большинстве были пожилые. Многие, наверное, начинали службу еще при Вильгельме. Сколько в послужном списке у каждого из них кулачных расправ, переломанных ребер!.. Знали бы они, с каким бы ревом набросились на него! Но полицейские сами опасливо поглядывали на солидного незнакомца в штатском, держались от него подальше: видимо, принимали за агента политической полиции. Один в служебном рвении даже приветствовал его взмахом руки. Рихард небрежно ответил.

Ровно в двенадцать в «Пивную пену» вошел высокий седой мужчина и направился прямо к столику Рихарда. В руке у мужчины была желтая папка. «Он». И тут Рихард узнал в приближавшемся человеке Оскара.

— Ты уже здесь? — издали приветствовал его Оскар.— Рад тебя видеть! Как доехал?

Полицейские за столиками проследили за Оскаром глазами и вернулись к своим сосискам и кружкам. Рихард понял: Оскар показывает, что надо держаться как можно более непринужденно: встретились два старых друга.

Они перебросились несколькими незначительными фразами и опорожнили по тяжелой кружке. Никто за ними больше не наблюдал.

Вышли. В сквере недалеко от бара, в тенистой аллее, они могли наконец поговорить о главном.

Оскар спросил, как Рихард устроился в отеле. Рихард рассказал о всех событиях вчерашнего дня, о том, как он не удержался и пошел в Веддинг. Оскар посуровел:

— Ты не имел права туда ходить.

Он посмотрел на Рихарда отчужденно. «Усомнился, можно ли вообще доверять мне такую ответственную операцию,— догадался Рихард.— Он прав, я не должен был ходить. Старик, когда узнает, тоже рассердится. Но я не мог не пойти». И тут же вспомнил и по-новому понял значение последних слов Берзина: «На первом месте у тебя всегда должна быть Родина, а уже потом — твои чувства». Да, и Оскар и Старик правы: он не имел права рисковать. Но эта слабость — в последний раз.

— Не повторится,— положил он руку на руку Оскара.

— Не сомневаюсь,— ответил Оскар.— Учти: положение чрезвычайно серьезное. Компартия поставлена вне закона. Только за одну ночь схвачено десять тысяч коммунистов и других антифашистов. Разгромлены центральные органы партии, арестованными забиты все тюрьмы и казармы. Самым излюбленным методом нацистов стали убийства «при попытке к бегству». Министр внутренних дел Геринг назначил особого комиссара для координации действий полиции и гитлеровской партии против коммунистов.

Оскар говорил о бесчисленных опасностях. Однако сам он держался так свободно, так спокойны были его глаза и голос, что даже Зорге удивился: «Вот это выдержка!»

Оскар достал из папки письмо.

— Мы раздобыли тебе отличную рекомендацию во «Франкфуртер цайтунг». Пожалуй, эта газета подходит больше всего. Во-первых, одна из крупнейших и влиятельных германских газет и имеет обширный круг читателей за границей. Во-вторых, хоть она подверглась общей нацистской унификации и тесно связана с концерном «И. Г. Фарбениндустри», резко враждебна к коммунизму, но все же слывет оплотом либералов, не так криклива и вульгарна, как другие издания. Это избавит тебя от необходимости славословить гитлеровский режим. Есть предположения, что Геббельс сохранит ее как парадную газету для влияния на интеллигенцию. В-третьих, она никогда не имела своих постоянных корреспондентов в Москве, значит, меньше шансов, что кто-то из ее журналистов видел тебя в Советском Союзе. И, в-четвертых, во «Франкфуртер цайтунг» тебя уже знают по шанхайским статьям. Поэтому основную ставку будем делать на нее, хотя позаботимся и о других газетах, чтобы ты имел громкое представительство.

Потом они обсудили, стоит ли Рихарду попытаться вступить в национал-социалистскую партию.

— Старик рекомендовал,— сказал Рихард.

— Но даже сейчас нацисты принимают в партию осторожно,— возразил Оскар.— К тому же нам стало известно, что нацисты прибрали к рукам все досье активистов компартии, заведенные полицией Зеверинга. Там, конечно, есть и твое «дело». Они могут копнуть... Я думаю, целесообразнее тебе получить здесь только аккредитацию газет, а в нацистскую партию вступить уже в Токио. Это будет менее опасно.

Уже прощаясь, Оскар сказал:

— Больше мы с тобой видеться не сможем. Связь с Центром будешь держать через Инге. Она тебе сегодня снова позвонит. Итак, неделю в Берлине на акклиматизацию, на укрепление нервов, а потом — во Франкфурт.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

7

Перед отъездом из Берлина, 9 июня, Рихард передал в Центр:

«Положение для меня здесь не очень привлекательно, и я буду рад, когда смогу отсюда исчезнуть. Рамзай».

8

В редакции «Франкфуртер цайтунг» все было добротное и солидное: и само многоэтажное здание, и кабинеты редакторов, и мебель. В обшитых темным дубом помещениях, среди мерцающей кожи кресел и багета картин словно бы витал дух основателя газеты банкира Леопольда Зоннемана. Но сотрудники ее, хотя были отутюжены, сверкали белоснежными манишками, золотыми пенсне и розовыми лысинами, производили впечатление перепуганных мышей. Рихард, прежде чем идти к редактору, побродил по комнатам репортеров и коридорам, потолкался в кафе, расположенном тут же, на первом этаже. И везде видел шушукающихся по углам, испуганно озирающихся людей.

До него долетали обрывки разговоров:

—...только подумайте: тридцать концлагерей! В Дахау, в Шлезвиге, в Заксенхаузене. В них тридцать тысяч заключенных! У каждого полка СС свой лагерь!..

— ...готовится поголовный врачебный осмотр...

— ...прочитал «Михаила», роман Иозефа Геббельса. Ну, я вам скажу! Одни афоризмы...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9,10.

— Тшш! Тшш!.. Сочинения министра пропаганды позволительно только восхвалять!..

Да, и эту газетную крепость, оплот буржуазного либерализма, трясло мелкой дрожью.

Рихард прошел в кабинет главного редактора.

Шеф, коренастый и толстый, казавшийся маленьким по сравнению с огромным столом и огромными шкафами своего кабинета, прочитал рекомендацию высокого сановника из Берлина и расплылся в улыбке:

— Весьма и весьма польщен, доктор Зорге!

Он шаром выкатился из-за стола, вяло пожал Рихарду руку своей пухлой и потной рукой, пригласил сесть в кресло и сам утонул в таком же кресле напротив.

— Мы всегда охотно печатали ваши корреспонденции, которые вы столь любезно посылали из Китая,— заворковал он.— И мы будем рады считать вас своим постоянным сотрудником. Мой высокий друг пишет, что вы хотели бы представлять нашу газету в Токио. Зачем искать счастья так далеко? Я мог бы предложить вам место в аппарате, здесь, во Франкфурте.

— Да нет, знаете ли, меня увлек Дальний Восток.

Редактор хитро посмотрел на него и подмигнул:

— Да, да, подальше от греха...— И, понизив голос, доверительно сказал:— Вы слышали? Они арестовали Лаудингера, моего редактора биржевого отдела и председателя союза журналистов города. И за что? За то, что во время речи нациста — биржевого комиссара — он сделал презрительные замечания.

Рихард вскинул голову и холодно сказал:

— Господин редактор, я полагаю, что презрительные замечания по поводу речи комиссара правительства не делают чести сотруднику вашей газеты.

— Конечно, конечно!— закивал и заулыбался редактор.— Я сам думаю точно так же! Но коллектив нервничает, оперативность снижается.— Он поднялся с кресла:— Что касается меня, то я всецело одобряю вашу кандидатуру. Однако,— он развел пухлыми руками,— все вопросы, в том числе и штатные, я могу решить только с согласия партийного комиссара, прикрепленного к нашей газете. Разрешите проводить вас к нему?

Кабинет комиссара помещался рядом с кабинетом главного редактора. Он был таким же громадным, а сам комиссар — худым и молодым. За столом комиссара висел огромный портрет фюрера и флаг со свастикой. Однако комиссар был не в черном и не в коричневом мундире, а в штатском костюме.

— Можете идти,— оборвал он словообильную речь редактора.— Я сам разберусь. С глазу на глаз.

И когда редактор осторожно прикрыл за собой дверь, приказал Рихарду:

— Садитесь. Рассказывайте. От ноля.

— Что?

— Как что? Биографию. Евреи в роду были?

Комиссар, мутноглазый и тщедушный, напомнил Рихарду одного из тех инквизиторов-студентов, которые на площади Оперы сжигали книги. «С такими надо держаться круто»,— решил он и, нагнувшись к комиссару, тихо сказал:

— Милейший, когда ваша мамочка еще вытирала вам нос, я уже был соратником моего Адольфа. Хайль Адольф Гитлер!

Комиссар вскочил:

— Хайль!— недоверчиво посмотрел на Рихарда.— Вот как? Это другой разговор, герр...

— Доктор Зорге,— небрежно подсказал Рихард.

— Но все же моя обязанность — выяснять взгляды сотрудников этой паршивой газетенки,— продолжил комиссар.— Итак, что вы думаете о программе национал-социализма?

— Что социализм в этой программе — лишь клетка для того, чтобы поймать птичку.

— Да как вы смеете!

— Я удивлен,— ледяным тоном оборвал его Рихард.— Неужели вы не знаете этого всемирно знаменитого афоризма Иозефа Геббельса?

— Ах, да!— рассмеялся комиссар.— Я и забыл. Из замечательных афоризмов господина имперского министра мне особенно запомнились два. Первый: «Во всем можно нас обвинять, но только не в том, что мы скучны». Ха-ха!.. И второй: «Меня тошнит от любого печатного слова». Ха-ха-ха!..

— Вы, я вижу, любознательный парень,— покровительственно сказал Рихард.— Не продолжить ли нам беседу на берегу Майна, за бутылкой доброго рейнвейна? Приглашаю вас пообедать.

По тому, как дрогнул кадык на шее комиссара, Рихард понял, апломба у него много, а кошелек, видимо, пуст. Этот вывод имел немаловажное значение.

Они сидели на террасе дорогого ресторана на самой набережной. Широкий и неторопливый Майн, закованный в каменные берега, нес на себе бесчисленные пароходы и баржи. За рекой, на левом берегу, раскинулись дымные рабочие районы. И среди них — Заксенхаузен. Значит, там теперь концлагерь?.. Франкфурт, великий вольный город, и ты склонил свою гордую голову перед нацизмом?..

Рихард подливал и подливал густое вино в бокал комиссара и терпеливо слушал его разглагольствования. Комиссар все больше пьянел, благодарно моргал мутными глазами и бормотал, то ли наизусть цитируя Альфреда Розенберга и Иозефа Геббельса, то ли высказывал свои личные сокровенные мысли:

— Мы-мы вернемся назад, к крови и почвенности. Долой человеческую культуру! Ее нет так же, как нет мировой истории. Есть только история Г-германии. История вырастает из крови и почвы. М-мужчина должен воевать, а женщина — рожать. Мужчине п-перестать воевать — это то же, что женщине п-перестать рожать!..

Рихард слушал. Умение слушать, не проявляя своих чувств,— одно из обязательных качеств разведчика. Слушал и думал: «И вот такого заморыша боится сейчас газета, которая не боялась выступать против Бисмарка! И сам город, двухтысячелетний, в свое время бывший местом избрания германских королей и местом коронования императоров Священной Римской империи, вольный город и родина Гете, безропотно отдал себя во власть шайки таких же питекантропов!»

С Франкфуртом были связаны особенно дорогие и важные для Рихарда воспоминания. Собственно, и сама дорога, по которой он сейчас идет, началась именно здесь. В 1923 году он приехал сюда по заданию ЦК Компартии Германии, стал ассистентом социологического факультета Франкфуртского университета. Одновременно, будучи членом городского комитета партии, он отвечал за всю секретную переписку и архив организации, помогал выпускать коммунистическую газету. Он продолжал активную революционную работу и тогда, когда партия вынуждена была уйти в подполье. В двадцать четвертом коммунисты стали готовиться к выборам в рейхстаг. Рихарду была поручена пропагандистская работа среди пролетариев. В мае, в канун выборов, компартия вышла из подполья в явочном порядке. А для защиты рабочих демонстраций, партийных и профсоюзных собраний от нападения фашистских банд был образован Союз красных фронтовиков — организация рабочей самообороны. Ее эмблемой стал грозно сжатый кулак: «Рот фронт!» А еще раньше, в первых числах апреля, во Франкфурте состоялся IX партейтаг — съезд Компартии Германии, в котором Рихард принимал участие. Здесь-то, на съезде, он и познакомился с нелегально прибывшими на берег Майна советскими коммунистами. Они рассказывали Рихарду о его родине — Советской России, победно и трудно утверждавшей власть рабочих и крестьян, о Баку, городе, где он родился... Они пригласили его на работу в Москву. И следующей весной с согласия руководства КПГ он выехал в Москву... Он стал советским гражданином. А в марте 1925 года Хамовническим райкомом столицы был принят в партию большевиков...

Сейчас невольным движением пощупал: «Партбилет. Номер 0049927...»

— Ч-что? Сердце?

Голос гитлеровца вернул Рихарда к действительности.

Да, все началось здесь, во Франкфурте... Впрочем, нет. Гораздо раньше. В окопах под Верденом. За восемь лет до первой встречи с русскими коммунистами на IX партейтаге...

Он наклонился к фашистскому комиссару. Подлил вина:

— Сердце для национал-социалистов — излишняя роскошь.

— З-замечательный афоризм!— непослушным языком облизнул тот губы.— Надо з-запомнить. Да, так на ч-чем я остановился? На крови...

Перед глазами Рихарда вновь всплыл костер на площади Оперы, Веддинг и окровавленное лицо Карла. Его глаза. И Рихард почувствовал, как руки наливаются чугунной тяжестью. Он своими руками задушил бы этого выродка, сидящего напротив, лакающего рейнвейн и рассуждающего о крови и «почвенности». Да, сердце таким ни к чему. Сколько горя они принесут, если их вовремя не уничтожить!..

— Ну-с, так как с моим назначением?— небрежно бросил он, дождавшись паузы.

— О ч-чем речь, Рихард?— заморгал ресницами комиссар.— Я с-собственноручно напишу все в Берлин.

— Почему в Берлин?

— Чудак, разве ты не знаешь последнего приказа? Все корреспонденты, выезжающие на работу за границы рейха, должны п-персонально и лично быть утверждаемы у рейхсминистра доктора Иозефа Геббельса. Хайль!

9

Поезд мчался на север. По обе стороны полотна лежала зеленая долина. Но за Гросс-Аухаймом слева подступили пологие сланцевые горы. И уже где-то у Эйзенаха потянулись знаменитые тюрингские леса.

Итак, последнее препятствие... Рихард возвращался в Берлин. В кармане у него лежали все бумаги, необходимые для представления Геббельсу, и среди них великолепная, продиктованная им самим рекомендация комиссара «Франкфуртер цайтунг». И все же новое препятствие было непредвиденным. Как бы в министерстве пропаганды не стали копаться в биографии будущего токийского корреспондента... «Ладно. Все зависит прежде всего от меня самого»,— решил Рихард и углубился в газеты.

Газеты писали:

Профессор Альберт Эйнштейн направил германскому посланнику в Брюсселе письмо, в котором сообщил о своем желании отказаться от германского подданства. «Ангрифф» комментировала: «Не Эйнштейн отказался от Германии, а Германия отказалась от Эйнштейна!»

На воду спущен второй германский броненосец «Адмирал Шеер». «Фоссише цайтунг» ликовала: «Это только начало. По плану военного министерства, в 1934—1936 годах...»

В Анненберге (Саксония) отряды национал-социалистских штурмовиков задерживали людей, выходивших из еврейских магазинов, и ставили на их лицах несмывающейся краской печать с надписью: «Я предатель». «Фелькишер беобахтер» одобряла: «Эта инициатива заслуживает распространения!»

Два сообщения особенно привлекли его внимание. Оба — из Лондона.

Один корреспондент сообщал: «Во время своего пребывания в Лондоне руководитель внешней политики Германии Альфред Розенберг, который был принят видными английскими финансистами и промышленниками, был также приглашен на интимный обед, устроенный молодыми консерваторами под председательством Рандольфа Черчилля, сына известного британского министра. За обедом Розенберг рассказал о «большом плане» Гитлера — Геринга — Папена — плане нападения на СССР. Излагая план, согласно которому намерен действовать Гитлер, Розенберг заявил: «Германия вновь вооружится, и это совершится при полном одобрении французского и английского правительств».

Второе лондонское сообщение касалось меморандума, представленного мировой экономической конференции от имени германской делегации министром народного хозяйства Гугенбергом. Гитлеровский министр выдвинул требования: «1. Германии должны быть возвращены ее колонии в Африке. 2. Территория СССР и Восточной Европы должна быть сделана доступной для колонизации с тем, чтобы на этой территории энергичная германская раса могла осуществлять великие мирные предприятия и создать великие достижения мира».

Рихарду показалось, что газетные страницы пахнут дымом и кровью.

Снова Берлин. Снова Унтер-ден-Линден. Только на этот раз — отель «Кайзерхоф».

Через Инге Рихард сообщил Оскару о новых осложнениях. Получил ответ: к самому министру идти не следует. Нужно выждать момент, когда Геббельс уедет из Берлина, и явиться к более «мелкой сошке». Это не так опасно. А пока вот еще несколько рекомендательных писем: в «Берзен цайтунг» — солидную биржевую газету, в «Теглихе рундшау». С ними можно договариваться просто о внештатном сотрудничестве.

Зорге решил ждать. А с помощью юной связной отправил письмо Старику. Подробный отчет и несколько слов приписки: «При большом оживлении, которое существует в здешних краях, интерес к моей личности может стать чересчур интенсивным. Рамзай. 3 июля. 1933 г.».

И вот он сидит в кабинете одного из чиновников Геббельса. Этот чиновник совсем не похож на франкфуртского комиссара: немолодой, с умными холодными глазами, барски откинувшийся в кресле. Не спрашивает, а сам слушает и смотрит, смотрит. Рихард спокойно выдерживает взгляд. Да, этот, видно, кадровый нацист. Он в военном эсэсовском мундире.

Судя по знакам различия, — штурмбаннфюрер. Майор. Сверлит взглядом. Неторопливо перечитывает бумаги. Нажимает кнопку звонка под доской стола.

В дверях вырастает дюжий штурмовик.

— Прошу вас, доктор Зорге, подождать в соседней комнате, — холодно говорит штурмбаннфюрер.

«Что это значит?»

Комната пуста. Только потертый диван и стол. На столе — чернильница. Рихард подходит к двери. Прислушивается. За дверью — мерные шаги. Так ходит часовой на посту. «Неужели ловушка?» Главное — держать себя в руках. Время тянется медленно. Минуло пять минут. Десять. Двадцать... Это уже что-то определенно...

Дверь распахивается.

— Доктор Рихард Зорге? Штурмбаннфюрер просит вас.

Чиновник встает из-за стола, протягивает Рихарду бланк:

— Пожалуйста, господин корреспондент: ваше удостоверение.

Но это было еще не все. «Федерация журналистов рейха» — официальная и полностью контролируемая нацистами, созданная вместо всех разогнанных журналистских организаций Германии — должна была дать в честь нового заграничного корреспондента «прощальный ужин». Это была новая, установленная Геббельсом традиция, нарушать которую не следовало.

Рихард шел на ужин с чувством тревоги. Какие непредвиденные встречи ожидают его?

В актовом зале Палаты печати собрались представители крупнейших газет. Тут были и рьяные нацистские пропагандисты из главного гитлеровского органа «Фелькишер беобахтер», и специалисты по разжиганию националистических страстей из фашистского «Ангриффа», и маститые экономисты из «Берзен цайтунг», в которой теперь предстояло сотрудничать Рихарду. «Веселая компания!» — подумал он.

Шеф федерации познакомил его с японскими журналистами:

— Отныне доктор Зорге — ваш коллега. Любите его и жалуйте!

Японцы ответили улыбками.

Зал был полон, столы накрыты, бутылки откупорены. Но все кого-то ждали. Наконец по лестнице прогромыхали шаги. По обеим сторонам двери встали эсэсовцы в черных мундирах. И тотчас в зал вошли долговязый Эрнст Боле, государственный секретарь министерства иностранных дел, и сам министр пропаганды Иозеф Геббельс, скособоченный, колченогий карлик. Эти фигуры одна подле другой выглядели комично, как цирковые Пат и Паташон. Но Рихарду было не до смеха. Что означает столь высокий визит?

Геббельсу пододвинули специальный стул с высоким сиденьем — как детям в парикмахерской. Он вскарабкался на него, и «дружеский вечер» начался.

Министр поднял бокал:

— За ваше здоровье и ваши успехи, доктор э... — ему подсказали, — доктор Зорге! Мы даем вам нашу визу, так как уверены, что вы будете достойным пропагандистом идей фюрера и германской нации в столице дружественной Японии!

Что ж, эта дополнительная «виза» была совсем не лишней.

10

30 июля Зорге передал в Москву:

«Я не могу утверждать, что поставленная мною цель достигнута на все сто процентов, но большего просто невозможно было сделать, а оставаться здесь дольше для того, чтобы добиться еще других газетных представительств, было бы бессмысленно. Так или иначе, надо попробовать, надо взяться за дело. Мне опротивело пребывать в роли праздношатающегося. Пока что могу лишь сказать, что предпосылки для будущей работы более или менее созданы. Рамзай. 30 июля 1933 г.».

Да, вся немецкая одиссея была лишь подготовкой к предстоявшей операции.

Но путь в Токио теперь был открыт.

11

Полковник Номура включил электрический вентилятор и откинулся в кресле. Его полное, рыхлое лицо покрывала испарина. Кончики коротких пальцев нервно бегали по краю обитого зеленым сукном стола. Шеф второго отдела токийской контрразведки переживал один из тех приступов бессильной ярости, против которых не было никакого лекарства, кроме времени.

Последние недели ему явно не везло. Прежде всего эта дурацкая история со сгущенным молоком. Провалился старый, опытный японский агент, который работал в Европе еще с конца первой мировой войны. Погибла отличная резидентура — и все из-за случайной оплошности, которую, казалось бы, невозможно было предусмотреть.

Вместе с женой и сыном этот человек регулярно ездил из Брюсселя в Париж, куда он привозил секретную информацию об английском военно-морском флоте. Каждый раз полицейские на границе осматривали его багаж, и, поскольку они не находили ничего подозрительного, его беспрепятственно пропускали. И надо же было слу-

На одной из улиц Токио. Фото Рихарда Зорге.

читься, что один из сотрудников таможни, опытный контрразведчик, осматривавший его вещи, оставил свои отпечатки пальцев на банке со сгущенным молоком. Когда агент появился на границе во второй раз, контрразведчик обратил внимание, что путешественник вез все ту же банку. Офицер задержал все семейство и исследовал банку. Банка имела двойное дно, в котором находились важнейшие сведения. Номура уже послал за ними в Париж своего специального курьера. Но тому пришлось вернуться ни с чем.

История с банкой была лишь началом целой цепи его злоключений. Англичане поймали и еще одного его старого агента — известную оперную певицу, которая, совершив успешное турне по Америке, не успела уследить за капризами европейской моды. На границе какому-то сверхбдительному офицеру бросилась в глаза ее накрахмаленная нижняя юбка, каких уже давно не носили в Европе. Певицу задержали. Юбку обработали химическими реактивами. Она сплошь была покрыта тайнописью.

Сколько дерзкого воображения, фантазии и энергии убил Номура, готовя эти операции! Начальство не раз восхищалось его гением. Сам великий Мицуро Тояма одобрительно хлопал его по плечу: «У вас блестящее будущее, полковник!»

Номура подставил лицо под струю воздуха, которую гнал вентилятор, но не почувствовал никакого облегчения. Его взгляд был устремлен на маленький листок бумаги, одиноко белевший на зеленом поле стола. На листке было написано всего две цифры. Но именно они и не давали ему сейчас покоя.

В течение нескольких недель служба перехвата сообщала о появлении в Токио анонимного радиопередатчика. Хотя он и работал на любительском диапазоне, но для разведки сразу стало ясно, что это не любитель. Таинственный радист регулярно слал короткие шифрованные телеграммы, содержание которых все еще оставалось загадкой. Сотрудники шифровального отдела дни и ночи напролет безуспешно бились в поисках ключа. Но все было напрасно. Сегодня незнакомец снова вышел в эфир. Две цифры на листке бумаги означали: время начала передачи и количество переданных знаков.

Злополучным передатчиком уже заинтересовались во втором отделе генерального штаба — главном японском разведывательном центре. Слухи о его существовании дошли до руководителей «Черного дракона». Генерал Осава, который еще совсем недавно говорил о Номуре как о новой восходящей звезде на шпионском небосклоне, смотрел теперь на него с нескрываемым презрением. И Номура прекрасно понимал, что другого он не заслуживает. Появление неопознанного передатчика в самом сердце империи было дерзким вызовом японской контрразведке — всей этой безукоризненно отлаженной мощной организации, стоящей на страже секретов «островной империи».

Более половины своей жизни провел Номура в этом тайном мире рыцарей плаща и кинжала. Это был особый мир со своими законами, обычаями и философией. Здесь не любили поражений и привыкли к победам. Здесь не любили считать деньги и, когда того требовало «дело», отдельные операции обходились в десятки миллионов иен. Японские агенты работали в Европе и Америке, на Ближнем Востоке и в Австралии. Они наводнили Китай и Приамурье, переходили границы Советской России. Они выведывали, выслушивали, покупали и похищали чужие политические и военные секреты, составлявшие государственные тайны.

Чего стоит только один полковник Доихара, этот дальневосточный Лоуренс, на счету которого были такие «дела», как организация восстания войск китайского генерала Ши Ю-саня в Северном Китае, похищение бесславного потомка последней китайской династии Генри Пу-и, посаженного японцами на императорский престол в Маньчжоу Го. За каких-нибудь пять-шесть лет Доихара совершил головокружительный путь от полковника до генерал-лейтенанта. Это он создал в Маньчжурии диверсионно-разведывательный аппарат, который готовил отряды из белогвардейцев для переброски на территорию Советской России. Царский атаман Семенов и генерал Кислицын были у него на побегушках.

А глава «Черного дракона», закулисный диктатор Мицуро Тояма,— сколько высших правительственных чиновников и военных прошли его школу! В «Черном драконе» начинал свою карьеру министр иностранных дел Коки Хирота. Он служил рядовым секретным агентом в Корее и Маньчжурии и никогда не стыдился говорить об этом открыто.

Номура чувствовал, что от этих мыслей ему стало еще тяжелее. Прошло то время, когда он занимался черновой работой. Сейчас он поставлен охранять тайны своей страны. И каждый, кто захочет в них проникнуть, должен прежде всего столкнуться с ним, померяться силами в хитрости, изобретательности, находчивости. Номура привык выходить победителем из таких поединков. Но сейчас его обвели вокруг пальца.

Он ходил из угла в угол своего кабинета. Усталый и рассвирепевший. Проклятый передатчик не выходил у него из головы. Казалось, он сделал все, чтобы добраться до невидимого врага. На ноги был поставлен радиотехнический отдел. Тайные агенты обшаривали весь город. Были расставлены сотни хитроумных ловушек. Но все они были пусты. Осторожный, дерзкий противник предусмотрел все капканы Номуры. Он действовал хладнокровно и наверняка.

Номура ни на минуту не сомневался, что это был иностранец. Полицейский контроль и система слежки, существовавшие в горо-

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ...

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

«Комар на экране». Заведующий отделом борьбы с кровососущими насекомыми Дмитрий Васильевич Савельев ведет исследование.

Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера, переехавший в Норильск из Ленинграда, самый северный в мире.

Восемь месяцев в году сотрудники этого института проводят не в самом городе, а в тундре. Вот почему их зимняя спецодежда — малица, унты, ушанка, а летняя — болотные сапоги, кожаная куртка и накомарник. И каждый день работа в бескрайней тундре испытывает их мужество.

* * *

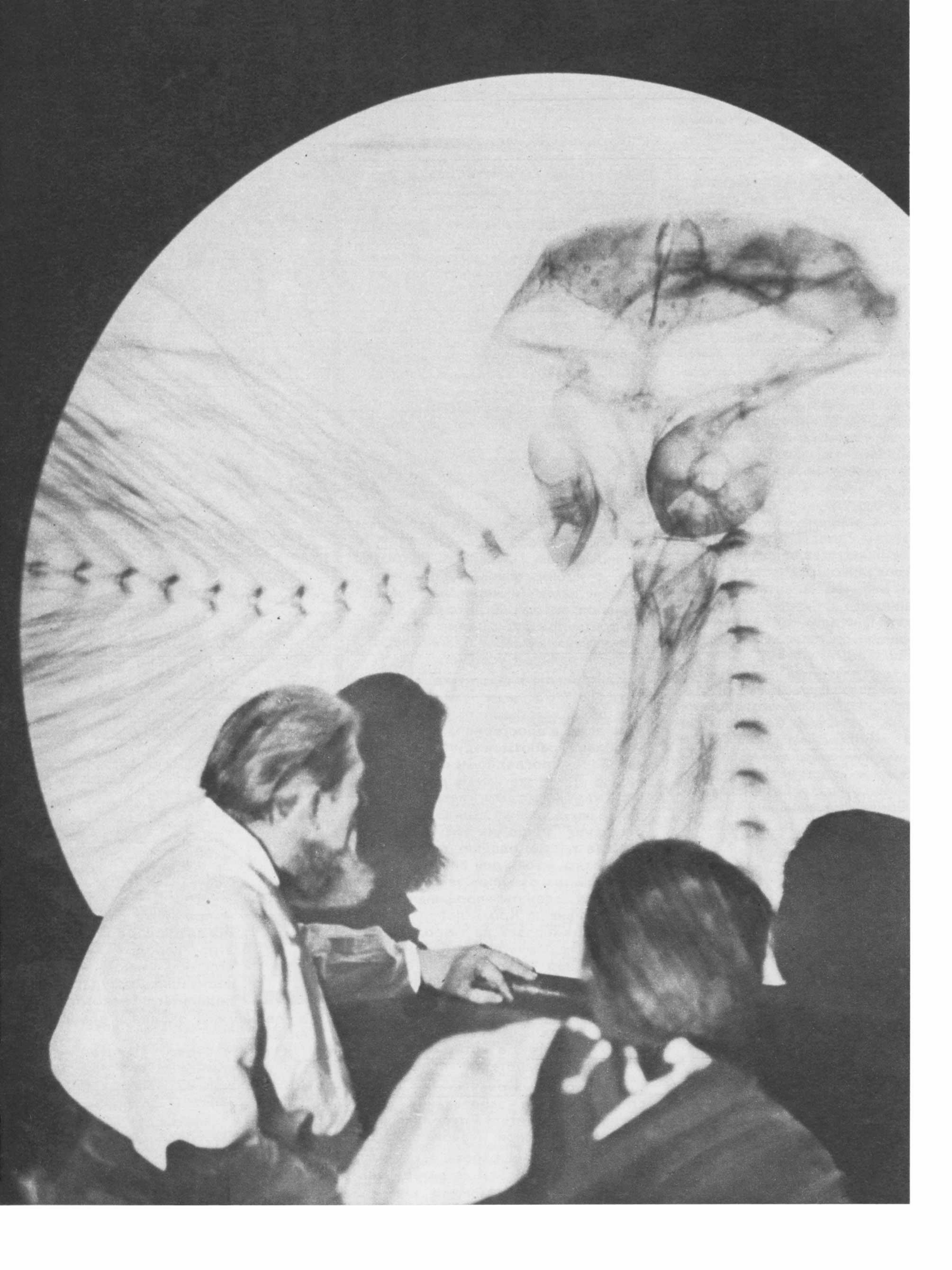
«Урожай на зверей будет хороший, особенно на песцов» — эти слова мы услышали от старшего научного сотрудника отдела охотничьего промысла Василия Дмитриевича Скробова, тридцать лет живущего на севере.

Урожай на зверей... Что же это такое?

Каждый год сотрудники института составляют прогноз на следующий сезон: в каких районах надо охотиться, где ставить капканы, сколько песцов и других ценных пушных зверей надо отловить. И зависит это прежде всего от урожая на зверей.

Но как же его узнают?

Красавец песец выводит свое потомство в норах. В квартиры хозяева вселяются обычно весной. И весной охотоведы едут в тундру и выясняют, сколько норок занято выводками песца, где живут холостяки, сколько норок пустует. Так составляется карта распространения песца по тундре, график «урожая».

В прошлом году исследователи подсчитали, что на Таймыре общий приплод песца к сентябрю составит 84 тысячи голов. А вот корма для песцов на Таймыре окажется недостаточно. Дело в том, что среди мышевидных грызунов (они основной продукт питания для песцов) вспыхнула эпидемия туляремии. Значит, в поисках корма песец двинется в другие районы, уйдет с места промысла.

— Эту картину мы выяснили еще задолго до того, как молодые песцы появились на свет,— рассказывает Скробов.— Но мы знали, что будет именно так, если человек не вмешается. Поэтому мы рекомендовали охотникам организовать подкормку зверей прямо в тундре. Ну, а для тех зверьков, которые все-таки направились в тайгу, расставить заслон из капканов.

— Но тогда в капканы попадутся еще не подросшие зверьки с менее ценным мехом. А это убыток,— перебиваем мы Скробова.

— Да, большой убыток,— спокойно соглашается Василий Дмитриевич.— Чтобы его не было, пойманных в капканы щенков доращивают на зверофермах...

— Сколько в среднем песцовых шкурок добывается в год на территории, подведомственной вашему институту?

— По всему Союзу получается что-то около ста тысяч шкурок в сезон. Семьдесят процентов дает наша вотчина.

Семьдесят процентов!

* * *

Вы когда-нибудь видели помидоры сорта «лимонка»? В кисти висит около пятидесяти небольших красных с желтизной плодов. С одного квадратного метра теплицы можно получить примерно 24 килограмма томатов. Это немало, но и не очень много. Достоинство «лимонки» в другом: она растет в полярную ночь, без единого лучика солнца, только при искусственном освещении. Это, так сказать, овощ «полярной ночи».

Нет нужды говорить, как необходимы зимой на севере свежие помидоры, огурцы, зеленый лук и другие овощи, богатые витаминами.

Года четыре назад главный агроном овощеводческого хозяй-

де, почти полностью исключали возможность для японца надолго укрыться от наблюдения. В девяноста девяти случаях из ста на него обязательно донесли бы соседи, знакомые или родственники. Полицейское управление Токио уже давно развесило по всему городу объявления, что «оно охотно будет принимать тайные сообщения от граждан». Полиция не столько надеялась получить информацию, сколько усугубить атмосферу взаимной подозрительности.

Итак, это был иностранец. Но вряд ли он работал один. Скорее всего радист обслуживал какую-то разведывательную группу, действовавшую на территории Японии. Возможно, ее члены живут в Токио, возможно, они лишь присылают своих связных к радисту, чтобы передать ему собранные сведения.

Ясно одно — группа хорошо законспирирована. И единственным доказательством ее существования был пока что передатчик. Номура держал эту нить в своих руках, но она никуда не вела.

Полковник вернулся к столу. «Когда у разведчика нет конкретных данных, он должен полагаться на свою интуицию»,— вспомнил он фразу, произнесенную как-то Доихарой. Какое-то шестое чувство подсказывало Номуре, что разведывательная группа организована совсем недавно. Ему почему-то казалось, что в нее входили лица, которые прибыли в Японию в последние месяцы. Но разве он не установил за всеми ними самое пристальное наблюдение? Разве он не приказал своим людям докладывать ему о любом подозрительном шаге? Все это так. И тем не менее время шло, а на след напасть не удалось. Агенты Номуры не сообщали ничего обнадеживающего. Ни один из их «подопечных», казалось, даже не обращал внимания на неотступно следовавших по пятам сыщиков и шпиков.

Этот этап работы можно было считать завершенным. Мелкая сошка свое дело сделала. Настала очередь вводить в игру фигуры покрупнее.

Номура поставил на стол узкий черный ящичек с плотными белыми карточками. Наугад вытащил несколько квадратных листков. «Ну что ж, начнем с этих»,— решил он, вглядываясь в прикрепленные к листкам фотографии чужеземцев. Потом нажал кнопку. Появился адъютант.

— Завтра утром вызовите ко мне Цая, Кейга, Эйдзи. Первого ровно в десять. Остальных с интервалом в пятнадцать минут.

(Продолжение следует.)

ства Алексей Георгиевич Клепач и научные сотрудники опорного пункта института в Ухте задались целью получить новый сорт томатов, приспособленный к условиям Заполярья, к долгой полярной ночи.

Исходный для работы материал решили искать среди образцов народной селекции. Так, у одного агронома южанина были взяты томаты, в кисти у которых было почти 50 плодиков. Сначала сорт надо было приспособить к условиям теплиц, а потом изменять в нужном направлении.

Четыре года шел отбор, и наконец помидоры перестали болеть, акклиматизировались на севере и стали давать постоянный урожай.

Но ученые не остановились на этом. Они работают сейчас над созданием новых сортов томатов, плоды которых краснее и мясистее. Создают и новый сорт огурцов. Он будет иметь неоспоримое достоинство: при опылении обойдется без помощи пчел (а ведь в Заполярье-то пчел нет, их надо завозить и ставить в теплицах ульи).

За много сот километров от Ухты лежит другая база института — Ханты-Мансийская станция. Тут проводятся опыты по акклиматизации на севере яблонь, черной и красной смородины.

— Яблони тяжело переносят наш климат,— рассказывает директор института Георгий Михайлович Пуртов,— а вот смородина привилась отлично. У меня самого, честно говоря, как-то дух захватывает, когда я вижу в опытном саду кустарник с тяжелыми красными и черными ягодами...

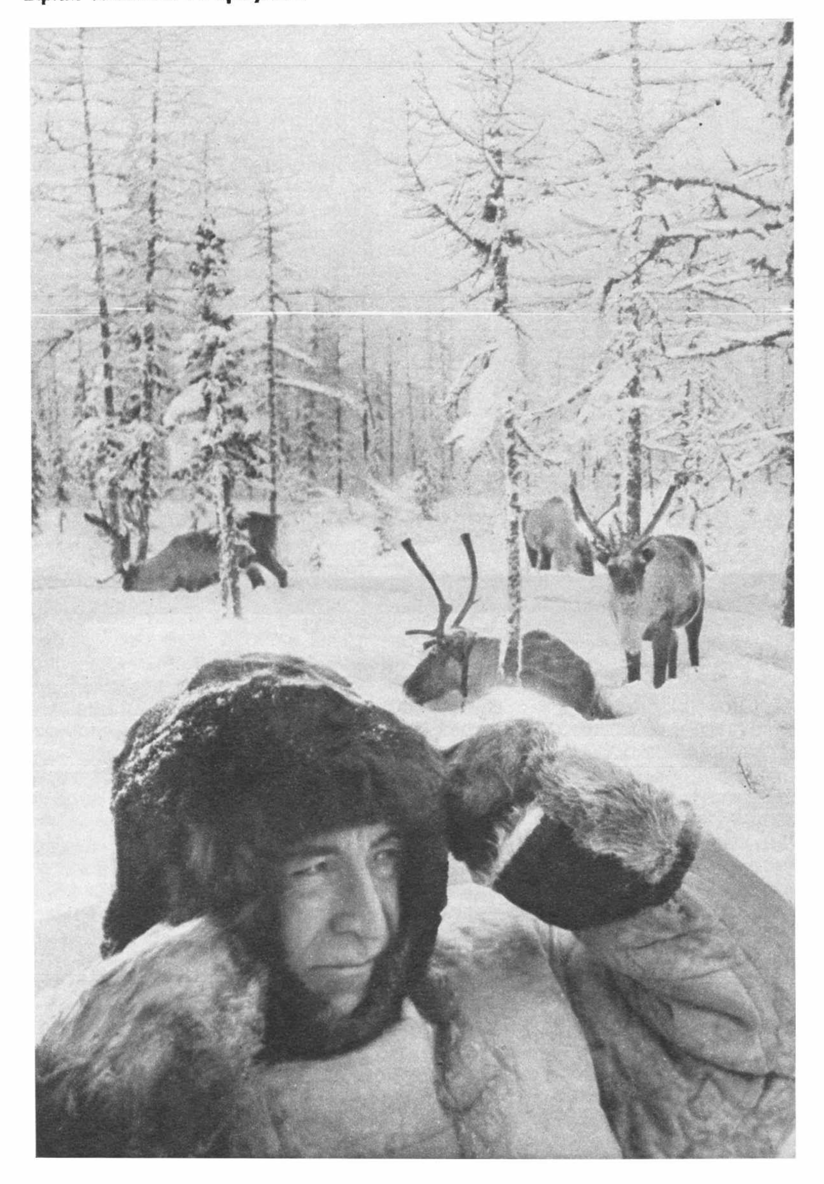
* * *

Старейший оленевод института Ефим Иванович Горбунов встретил нас настороженно и сразу же стал доказывать, какое полезное, умное и неприхотливое животное олень. Вспомнил даже, как в 1942 году на Карельском направлении, где он тогда воевал, олени вывозили раненых, разведчики на оленях забирались в тыл врага. Запальчивость Горбунова прояснилась позднее: институту приходится иногда сталкиваться с учеными (обычно это те, кто никогда не жил на севере), которые не понимают, как важен в тундре олень.

— Сейчас у нас больше двух миллионов оленей,—говорит Ефим Иванович.— Себестоимость оленины в семь раз дешевле, чем, скажем, говядины. Кроме того, олень еще и рабочее животное. И содержание его в тундре обходится в триста тридцать раз дешевле, чем лошади. Внушительная разница, не правда ли?

Над многими проблемами, так или иначе связанными с оленеводством, работают сотрудники института. Тут и выработка вакцин против заболеваний у оленей, и создание наиболее экономически выгодной и рациональной подкормки животных, и борьба с кровососущими насекомыми, перед которыми северный олень совершенно беззащитен.

Ефим Иванович Горбунов.

В одной из лабораторий лежит шкура молодого олененка. На нее нельзя смотреть без ужаса. Вся внутренняя сторона покрыта вздутиями: тут под кожей животного гнездились сотни личинок бича оленей — подкожного овода.

В институте уже найдены химические препараты, уничтожающие оводов, отгоняющие на время от оленей комаров и мошку. Разработаны конструкции удобных и простых приборов для опрыскивания, точно установлены дозы и сроки действия препаратов. Некоторые лекарства, уничтожающие личинки оводов под кожей, можно вводить оленям внутрь при помощи уколов или просто давать определенную дозу с питьем.

По нескольку месяцев в году проводят оленеводы и ветеринары в тундре. И как надо любить свою работу, как понимать ее важность, чтобы примириться с одиночеством снежного безмолвия, с пронизывающим, колючим ветром зимой и черными тучами комаров летом, и, наконец, надо говорить правду: с почти полным отсутствием техники безопасности работ в полевых условиях.

Идут опыты в институте. На сотрудниках белые халаты, резиновые перчатки, маски, бактерицидные лампы простерилизовали помещение, работы ведутся в боксах. Все по последнему слову науки. Но вот те же самые сотрудники, скажем, отдела ветеринарии попадают в оленьи стада, где свирепствует эпидемия бруцеллеза. В стаде тысячи оленей. У каждого надо взять кровь для анализа, чтобы выявить и отделить заболевших, каждому сделать профилактические прививки. Кровь попадает на руки и замерзает на морозе. Тут резиновых перчаток не наденешь.

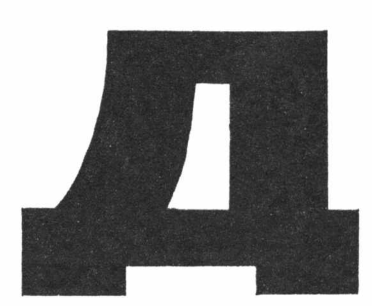
Ветеринар помогает при отеле больной бруцеллезом оленихе. Надо спасти животное, которое мучается, помочь ему. Ветеринар, конечно, опять не надевает резиновых перчаток, в которых грубо и неудобно работать.

И неизбежный результат — участились случаи заболевания сотрудников института бруцеллезом, болезнью опасной и сложной.

Ну, а во время работы в самом институте оленеводы и ветеринары, биологи и биохимики ничем не отличаются от исследователей любого биологического научного учреждения. Они так же расшифровывают показания мощных микроскопов, ведут сложные биохимические и биофизические исследования. Как все представители естествознания шестидесятых годов двадцатого века, они восхищаются вторжением физиков и химиков в генетику. И, как все, пишут «Не трогать, смертельно!» на приборах с незаконченным опытом, чтобы никто не полюбопытствовал раньше времени и не испортил исследование. А в обеденный перерыв они отчаянно сражаются в пинг-понг.

Но вот приходит известие, что в стаде оленей вспыхнул бруцеллез, или стали желтеть помидоры в Ухтинской теплице, или началась эпидемия бешенства среди песцов на зверофермах. И тогда приостанавливаются исследования с радиоактивными изотопами, зачехляются микроскопы, из шкафов достают унты и малицы, и опять ждет ученых проверенный тундровый транспорт: самолет, вертолет, вездеход, олени, собаки...

А. СТАРКОВ

Вы про Южу слыхали? Я, признаться, до поездки в этот городок не знал, что есть такой. Теперь, вернувшись оттуда, могу поделиться некоторыми сведениями, а заодно и впечатлениями.

Южа в соседях с Палехом, и ей трудно тягаться с его славой, с его расписными шкатулками. Но ткани с южской фабрики тоже доставляют людям радость.

От Палеха едешь все лесом, лесом, и вдруг прямо среди леса городок с фабричными корпусами из красного кирпича, с жильем такой же старинной крепенькой кладки. Не все дома каменные, но их много, они задают тон, и каждый на свой манер, со своим архитектурным замыслом. Они хороши снаружи да и внутри, могу это засвидетельствовать, добротно, со старанием отделаны: где узорная лепка, где цветная керамика, а где просто масляная краска, только такая, что положили ее лет двадцать назад, а она, как свеженькая, вчерашняя, играет...

— Брыкаловская артель работала,— говорили мне.

Брыкалов тут был, Петр Николаевич, помер не так давно, каменщик, штукатур, стекольщик, бетонщик, арматурщик, маляр, а если в одно слово,— строитель. Шагу в Юже не ступишь, чтобы не увидеть его работы. Приезжали за ним из Иванова, из Горького, из Владимира, даже из самой Москвы, увозили ненадолго для какого-нибудь очень уж срочного и сложного дела, уговаривали насовсем остаться, всякие блага сулили, но он возвращался в свой городишко.

Я ездил в Южу к Брыкаловой

Анна Петровна Брыкалова.

Фото А. Гостева.

ело было в Юже

Анне Петровне. По отчеству видите — дочь она тому мастеру. Но фамилия у нее и по мужу Брыкалова. Вернее, муж ее фамилию взял. До женитьбы был Кочегаров.

— Он, Константин-то, у моего Петра в артели щекотуром ходил. А как Нюру приглядел, в семью-то к нам взошел, фомилью принял нашу, брыкаловскую. Она хоть, слышь, и не звучная, да гордая...

Это бабушка Шура говорит, мать Нюры, Анны Петровны, которая давно уже сама в бабушках: старшей из ее семи внучат, Лизе, четырнадцатый год. Прабабке Александре Яковлевне восемьдесят, а она говорит:

— Осьнадцать мне...

Старуха при полной памяти и полном разуме, дельная, тонкая в суждениях, интеллигентная, я бы сказал, той интеллигентностью, которая не от книг, а из нутра, хотя при своем трехклассном образовании она и книг почитала в достатке. В курсе всех событий в Юже, в стране, в мире. Говорок, конечно, как у всех ивановских, на «о». Мне и в малой доле не передать своеобычной прелести ее речи.

— Я, мило́й, в Юже-то пришлая. С Пу́стыни я, пятнадцать верст отсель. Ты, гляди-ко, не наври, Пу́стынь с пусты́ней не попутай... А хозяин мой, Петр, царствие ему небесное, он еще боле дальной. Володимирской... Тут как про Нюру-то в газетах отписали, про геройство ейное, сыскался один, с Кавказу. Письмо метнул, Нюре пишет. Не сестра ль ему? Тоже он, слышь, Брыкалов отроду, но сиротской, с детдому. Родителев в гражданскую войну утерял. Помнит, что сестра была, Анной звали. Человек в годах, а все родную-то кровинку найти мечтат... Нюра-то сперва, как на конверт глянула, затряслась. Почудился ей, слышь, подчерк знакомый, Костин. Похоронная сколь уж годов прислана, а всё в надее, всё ждет-поджидат хозяина свово... Но этот, с Кавказу-то, Степан по имени. Не муж, не брат. Не было́ у меня сыну... Отписали ему, пущай сродственников на Володимирщине ищет, отколь Петр мой. Там Брыкаловых, что грибов в лукошке.

Анна Петровна сидит за столом напротив матери, но не слышит ее. Она давно уже глуховата, среди ткачих это не редкость, а после того, что с ней случилось, не слышит, когда и в самые уши кричат. Единственно, чей голос иногда разбирает,— сына. Алексей тоже с нами за столом. Заехал на попутной из Назарова; он там разнорабочим в совхозе, до этого был в Юже грузчиком на прядильной, выгружальщиком у печей на кирпичном заводе. Бабка ворчит на внука: часто меняет работу, не по-брыкаловски это, и женат второй раз в двадцать три года.

— Нонче молодые люди все шныря́т-ныря́т, где глыбже, ищут, роздольней, а что толку? Вон как у Лёхи нашего: руки есть, а рукомесла нету. У меня у старо́й и то калификация — ухватами шуметь.

Из соседней комнаты вышла, к столу присела Тамара, младшая дочка Анны Петровны. Она спала после ночной смены, в волосах еще пушинки с чесальной машины, похоже, как с мороза пришла, снежком припорошена. По взгляду, которым бабушка одарила ее, сразу я понял: любимица.

— Кормилица наша с Нюрой. Из пятерых Нюриных одна и осталась в дому-то. Старша́я, Валентина, в мать, тоже пятерых в подол набрала. У Олександры, тезки моей, и Лёхи непутевого — по робёнку. Только Лёхина-то женка-разводка не кажет нам внучку... Катя третий год при муже, но с дитём не поспела. Все в розлёте, окромя Тамары. И кабы не она, быть нам с Нюрой в бобылках. Вот так и живем, три бабы... Глянь на нее, на мою внучку. И вон на отцов портрет погляди. В одно лицо, капельная она с ним. Без него рожена. На войну уходил, Нюра тяжелая была. Провожали до военкомату, я Лёху на руках несла, Нюре в облегченье. Сейчас папироска во рту, а тогда соску сосал... Отца-то из пятерых одна Валюха чуть помнит, восемь поей было... Он на войне с первого часу, Костя наш. Разминовщик, сапер. «У меня,— писал,— все зубы выбиты, обе руки ранены, обе ноги...» А все, знать, шел под пулями, дорогу другим ложил, от мин очищал. Подстерегла его проклятая, как на Германию уж перешли, как войне почти конец...

Анна Петровна не слышит, но чувствует, о ком разговор, смотрит на фотографию мужа — молодого, неизраненного, неубитого — и смахивает концом пухового платка слезу со щеки. А бабушка Шура продолжает:

— Остались мы дед с бабкой, да дочка-вдовуха, да пятеро сиротинок безотцовых, мал мала меньше. Ро́стили их, в голоде не держали. Не хвастаю, не совру, молышня-то на мне была боле. Нюра — фабричная. А сам знашь, как в войну работали, да и посля́. Одну смену отмотат, на другу́ остается... Хозяин мой — на постройках. Прыткой был, хоть и на одной ноге. В первую германскую уцелел, на эту войну не брали, броня была, а под нож угодил. Осенью, в подзимок, за сеном в луга ездил. Бык ему попался упрямой, убивай — не идет, двое дён с ним бился, на холоду ночевал. Ногу и приморозил, большой палец на левой ноге. Сперва чесался, потом в уголь почернел, антонов о́гонь зачался́. Привезли в Шую, на рентгент поставили, доктор говорит: «Гогрена, ногу отыму выше коленки, не то завтра в ребровую клетку ударит...» Он без ноги-то еще десять лет прожил. Протез был, не любил он его, всё с клюшкой прыгал. И на лесах с ней. Ко́злы подставит, сидит, щекотурит. До самого до смертного часу рук не сло́жил. Всё умел. «Я,— говорил,— и чёрта сколочу, только болтать не научу». Ты, мило́й, по Юже нашей погуляй, полюбуйся. Дома каки! Все фондаме́нты Петром кладены, артельно. Клуб видал? Женску косультацию? Партейный райком? Не хужей, чем в Москве-то. Подстамент товарищу Ленину на площади кто ставил? Петр мой.

Разговорилась бабушка, не заметила, как вошли и неслышно, чтобы не помешать ее рассказу, стали у нее за спиной три внучки: Валентина, Шура и Катя. Они прямо с фабрики, со смены. Забежали к матери, узнав, что у нее гость из Москвы. У старшей, Вали, тоже пушок в волосах: они с Тамарой на одинаковых машинах в прядилке, на чёсальных. Катя — заготовщица, мо́талка. А Шура, как и мать,— ткачиха. Впрочем, Анна Петровна за тридцать лет на всяких станках поработала — и прядильных и ткацких.

Я собираю материал о подвиге Брыкаловой: побывал на фабрике, в прокуратуре, в больнице и вот к ней в дом пришел. К сожалению, сама она плохой помощник в этом деле. С момента, как в ту полночь открыла дверь в цех, и до минуты, когда очнулась в палате, она ничего не помнит. В медицине это называется «ретроградной амнезией». Провал в памяти — результат, как правило, контузии, травмы. Процесс обратимый, память через какое-то время может возвратиться. Но пока тетя Нюра не свидетель, если так можно выразиться, того, что с ней произошло. И чтобы восстановить картину случившегося, я должен был выслушать следователя, врача, перелистать страницы показаний преступника, истории болезни, поговорить с родными Анны Петровны, да и с ней самой все-таки. Она прекрасно помнит весь тот день — с утра до полуночи...

Рано утром пришла с ткацкой. Пенсионерка, она два месяца в году выходила в цех, работала. Правда, не ткачихой, как прежде, до пенсии. Обмахивальщицей. Есть такая штатная должность, название длинное, а дело несложное: за ночь, в перерыв между вечерней и дневной сменами, обмахать автоматы, смести обрывки пряжи, пух, пыль — словом, прибрать, подготовить машины к утреннему приходу ткачих. Дело, повторяю, нехитрое, но не такое уж и легкое: станков на участке побольше сотни, и за две рабочих смены их заносит, покрывает белым слоем, как деревья в снегопад.

Пришла с обмашки усталая, легла спать. В доме было тихо. Тамара — в дневной. Алеша, живший в то время у матери, так как уже развелся с первой женой и еще не женился во второй раз, тоже на работе, на кирпичном. И бабки нет. Три месяца назад она попала под грузовик, когда улицу переходила у складов на Советской. Задело колесом, отшвырнуло. Правая нога сломана, кости старые, медленно заживают, всё еще в больнице... В доме тишина, но почему-то не спалось. Чуть вздремнула, и сон больше не шел. Встала, решила прибраться, вымести мусор, стружку после плотников. Дом-то ставлен отцом еще в тридцатых годах и хоть крепкий был, сосновый, а часть сруба подгнила, пришлось плотников звать... Прибравшись, она подоила Голубку, чтобы снести матери свежего молока. Сварила еще яичек «мешочком», как та любит, и пошла со снедью в больницу.

На пороге больницы она встретила Алексея Михайловича, хирурга. Ну, для нее-то он просто Алеша, как и сын. С Шурой одногодки, даже из одного класса. Но Шура, как получила паспорт, ушла на фабрику, а Алеша Потапов окончил десятилетку, уехал в Иваново, в медицинский. Потаповы — известная в Юже фамилия: отец был секретарем горкома партии, сын — хирург в городской больнице.

— Олёша,— спросила Анна Петровна,— как маманя моя? Скоро выйдет?

— Всё отлично, тетя Нюра, на поправку идет, через неделю-другую выпишем!— сказал он громко, чтобы услышала.— Ждите домой!

— Спасибо тебе, Олёша,— сказала она, не зная еще, что будет благодарна этому человеку не

только за лечение матери, но и за свое собственное спасение.

В палате, возле койки, ее стало вдруг клонить ко сну. Мать сказала:

— Ишь, как умаялась. Сколько дён осталось на обмашке-то?

— В субботу кончаю.

— Иди-кось, Нюра, домой, поспи...

Но поспать не дали. Ворвалась горластая компания — внуки, четверо из Валиной пятерки. Поорали, перецапались, попили бабкиного кваса и исчезли, как явились,— мигом. Вслед за ними был принесен пятый, самый горластый, полугодовалый Костик, любимчик, тезка убитого деда. Вручая младенца, Валентина сказала:

— Мам, мы в кино. Костика не с кем оставить. Мои шпанёнки все в разгоне. Хотела к Кате, дома нет. Он сыт, накормлен. Не посидишь с ним, а?

Посидит...

Снова в доме тишина. Алексей тоже ушел с сестрами. Костик спит. Начала и бабушка около него подремывать. И вдруг раскричался. Сухой, а орет. Накормленный, а орет. Никак не утихомирить, сунула соску, выплюнул. Орал, орал, устал от óру, заснул. Глянула на часы — дело к одиннадцати, пора и на обмашку. Кино, должно, кончилось, сейчас Валя придет. Но прибежал Алексей.

— Валя со Славой в магазин зашли, в дежурку. Ты, мам, собирайся, иди, я пока за Костиком присмотрю.

А чего ей собираться? Она всегда к работе собранная. Надела плюшевое пальтецо, платок накинула и пошла. За леском, у поликлиники, встретила дочку с мужем.

— Костик спит,—сказала Вале.— Ты уж не тащи его домой-то. Не буди лиха, пока тихо. У меня ночуй,— и зашагала дальше легко так, ходко не по возрасту. Вячеслав, глядя ей вслед и любуясь, сказал:

— Бежит, как девочка...

А она уже за поворотом к озеру. За озером сразу — проходная. Вахтер пропуска у нее не спросил: кто ж тут не знает Брыкаловой, теги Нюры!.. От проходной до ткацкого корпуса никого не повстречала, внутри тоже. Здание стояло безлюдное, притихшее. Цех автоматических станков — на двух этажах, втором и третьем. У Анны Петровны участок для обмашки — на третьем, а шкафчик, где хранятся халат, щетки, тряпки,— на втором этаже. Она быстро взбежала по лестнице и толкнула тяжелую, обитую железом дверь...

И здесь — провал в памяти, цепь разорвана, словно кто-то вырубил звено. Но мы восстановим его с помощью следователя Василия Михайловича Зазябова и протоколов допроса.

Шкафчик, к которому шла Брыкалова, на противоположной от двери стороне, наискосок. Надо пройти сначала вдоль всего фронта станков, а затем, повернув, вдоль боковой их линии. В цехе включен только дежурный свет, один ряд ламп посередине. Ни души. Нет, есть человек... Он в самом темном углу, у крайнего слева автомата, мимо которого пройдет сейчас тетя Нюра. В руках у человека кувалдочка и зубило. Слесарь? Вор. Присев на корточки, хочет снять с нижней части станка рулон готовой бязи. Для этого надо выбить валик. Спешит, знает, что вот-вот появится уборщица. И не услышал, как вошла. Услышал, когда уже схватила сзади за комбинезон.

— Воруешь?

Он дернул плечами, рванулся. Крепко держала. Тогда он наотмашь, через плечо, не глядя, саданул ей зубилом по рукам (средний палец на правой руке, по которому пришелся удар, был потом ампутирован) — все равно держит. Он приподнялся, снова рванулся, пытаясь сбросить ее, отшвырнуть. И на какой-то миг ему удалось это. Вырвался, побежал. Но она в отчаянном броске, как вратарь за мячом, падая, успела все-таки ухватить его за штанину, за ногу. И он тоже упал.

— Пусти... Убью...

Слышала она эти слова? Кто знает? Но рук не разжала. У нее не было никакого оружия, кроме цепких пальцев ткачихи. А у него зубило, молоток. И он ударил по темени молотком. Пальцы ее не ослабли, продолжали сдавливать горло.

— Не уйдешь... не уйдешь, бандюга...

Ударил второй раз, третий. Левая ее рука стала сползать, сползать. Еще, еще кувалдочкой. Обмякла и правая, соскользнула. Он снова ударил по темени. Для верняка. Тело под ним дернулось и замерло...

Зазябов, следователь, рассказывал:

— Ночью меня поднял телефонный звонок. «На ткацкой,— говорят,— фабрике обнаружена женщина с тяжелым ранением головы. Увезли в больницу». Через пятнадцать минут я был на месте происшествия, возле станка. В луже крови — разбитая гребенка для волос, калоши. Несчастный случай? Производственная травма? Угодила в станок? Не похоже, автоматы были выключены на ночь... Чуть подальше нашли молоток, обрызганный кровью. Видимо, им ударили. Кровавые пятна на полу, на стенах, на подоконниках, на поручнях, на дверных косяках, на машинах, в туннеле между цехами — все эти следы говорили, что женщина ползла, подымалась, падала, снова вставала и падала, карабкалась, подымалась, шла, падала, пока не очутилась в соседнем цехе, где ее и увидел ползущей вдоль стены ночной дежурный по фабрике. Он сразу узнал в ней ткачиху-пенсионерку Брыкалову Анну Петровну, подхватил на руки, перенес в конторку мастера, вызвал «Скорую помощь», милицию. Пострадавшую спрашивали, что с ней случилось, но она только бормотала что-то невнятное. Она была в беспамятстве. Я понимал, что в этом состоянии вряд ли она будет полезна следствию, и все-таки сразу же пошел в больницу, чтобы взглянуть на потерпевшую. Не успел: ее уже положили на операционный стол...

Интервью с Потаповым, хирургом, который оперировал Анну Петровну. В беседе участвует заведующий хирургическим отделением больницы Валерий Антонович Рузгис.

Потапов: — Ночью я был вызван из дому в приемный покой. Больная, доставленная с ткацкой фабрики, оказалась мне знакомой. Я давно ее знаю и видел днем. Она приходила к матери, которая лежала у нас на излечении по поводу перелома ноги... Я осмотрел раненую. Картина была печальной: шесть рваных ран в области черепа, из них четыре проникающих, с проломами, с вдавливанием костных обломков в вещество мозга. Состояние весьма и весьма тяжелое: наблюдались общие мозговые явления с нарастающим повышением внутричерепного давления. Затронуты жизненно важные центры. Требовалось немедленное оперативное вмешательство. Но ситуация осложнялась тем, что я за свой трехлетний стаж ни разу еще не оперировал на черепе. Ассистировал, помогал, но сам таких операций не делал. Нас, хирургов, двое в Юже. Валерий Антонович был в отъезде, в области, обещал вернуться к утру. Но до утра ждать нельзя: больная умрет. Вызывать нейрохирурга из Иванова? Ночью, да еще зимой, вертолеты у нас не садятся. На машине—долго, я боялся, что раненая не дождется ее. Что делать? Есть у хирургов профессиональное выражение: операция отчаяния. Это когда смертельный исход, по существу, неотвратим или когда хирург некомпетентен, а другого нет, и время не ждет. Именно к такой операции отчаяния я и приступил. Она длилась около трех часов... Вот, собственно, и все, что я могу вам сообщить.

Рузгис: — Я приехал утром, и мне оставалось лишь поздравить Алешу с безукоризненно проведенной, сложнейшей по своей филигранности операцией. Вскоре к нам прибыл опытный нейрохирург из Иванова. Осмотрев больную, он присоединился к моей оценке операции и одобрил курс лечения, разработанный Алексеем Михайловичем...

Возвратимся к следователю. Зазябов продолжает свой рассказ:

— Я дождался конца операции. Хирург сказал: «Будет жива...» «Когда вы сможете допустить меня к ней?» «Дней через десять, не раньше». Я спросил, не подсказывает ли характер ранений, каким предметом они нанесены? «Плоским, типа кувалды». Молоток... Нужно найти хозяина окровавленного молотка. Мы не успели приступить к поискам этого человека, как он сам заявил о себе. Слесарь-ремонтник с прядильной фабрики. Утром, придя на работу, он не нашел в своем шкафчике зубила и молотка. Мы показали ему найденный. «Мой»,—сказал он. Кто же воспользовался инструментом слесаря как холодным оружием? Рядом со шкафчиком ниша, в которой складывают спецодежду чистильщики подвалов. Они работают, как и обмахивальщицы, по ночам. Я заглянул в нишу: висят три комбинезона. На рукавах одного из них замытые бурые пятна. Взяли на исследование — кровь. И группа такая же, как у Брыкаловой. Ее кровь!.. Чей комбинезон? «Кольки Филатова,— сказал бригадир чистильщиков.— Он выпивший заступил. Убегал куда-то, вернулся, говорит: «Плохо себя чувствую». И домой отпросился». Мы взяли Филатова на квартире. Спал...

— Спа-асибо Алеше-то, доктору. Спас меня,— говорит тетя Нюра.— Я после этого убивства адиннадцать дён мертвая была. И не было во мне крови. Ни внутри, ни сверхá. С Ма-асквы, с Иванова лекарств навезли. Взошла в себя, очнулась. Фабрике спа-асибо. Пенсия мне персональная. Медаль от правительства... Фабком говорит: «Поедешь, Брыкалова, на курорт». Сердце вот шалит. Тут за хлебом па-ашла и вдруг земли не чую, плыву... Ночь посплю — ничего, а потом как пойдет, как пойдет, будто верченая я, будто из нутра все уходит...

— Слышь, слышь, милóй, какой у нее разговор-то нонче, у Нюры? Свысокà.

— А как это — свысокá, Александра Яковлевна? — не понял я.

— Ты что ж, не различаешь? Прежде как говорила? По-нашему. На «о». А теперь на «а» тянет. «Свысокá» у нас называется. Как богатые прежде говорили, московские. Мы — о-окно, а они—аакно... Как убил ее ирод-то, она и стала свысокá. Но народ говорит: хоть она и свысокá, а все наша... Вот беда, не слышит совсем.

— Не слышу,—кивает Анна Петровна.

— Услышала!—всплескивает руками бабушка Шура.— Гляди-ко, услышала... Говорят, милóй, в Москве профессор есть. Глухоту снимат...

Я советую списаться с Институтом уха, горла, носа, пишу адрес: Боткинская больница...

— Ты и свой-то одресок мне оставь... Проздравлю тебя, случится, с праздником каким. Нето и сама приеду. Чай, не выгонишь...

Я оставил адрес.

...Пока бабушка Шура не была еще у меня в гостях. А вот Анна Петровна приезжала. Неожиданно.

Сразу после моего отъезда из Южи был у Брыкаловых семейный совет. Прабабка созвала. «Пусть,— говорит,— едет Нюра в Москву, уши покажет. Может, операцию сделают». Все были «за», только Валентина колебалась: «Как же она одна, глухая, в чужом городе?» «Почему в чужом?— сказала бабушка Шура.— У меня одресок есть». И показала мою записку. «Так это ж человек тоже чужой...» — сказала Валя. «Тебе все чужие! — прикрикнула старуха. — Поезжай, Нюра. Примут». Посадил Алексей мать в автобус, который ходит из Южи в Иваново. Попала она к самому отходу поезда, билетов нет. Нашла дежурного по вокзалу, протянула наградную книжку, пенсионную, посадил без билета... В Москве стоит на платформе, не знает, куда идти. Мимо люди, люди, некогда им. Стоит с запиской в руке. Подошел милиционер, прочел адрес. Вывел приезжую на площадь, подозвал таксиста, вручил ему записку. И тот доставил тетю Нюру по адресу. Поднялся с ней на восьмой этаж. «Гостья к вам,— сказал он, когда я открыл дверь.— Родственница...»

Утром мы поехали в Боткинскую больницу, в институт. В приемной у директора большая очередь. Нас — без очереди. Директор профессор Николай Аркадьевич Бобровский пригласил доктора Цырешкина, сказал: «Борис Давыдыч, проведите тщательное обследование больной»... Все было сделано в течение дня. Мы шли из кабинета в кабинет. Сложнейшие, самые современные приборы. Один из них испытывает слух с помощью ультразвука. Потом нас снова принял профессор Бобровский. Они долго советовались с доктором Цырешкиным. Диагноз был, к сожалению, неутешительный: неврит, процесс необратимый. Заключение: операция бесполезна, нужен слуховой аппарат.

Он будет у Анны Петровны...

Леа Грундиг. СУД. СУДЬИ — ЭТО МЫ. **Из цикла, посвященного процессу над Глобке.**

Генрих Эмзен. РАЗРУШЕНИЯ В ШЕРБУРГЕ.

Леа Грундиг. ДВЕ СТУДЕНТКИ. **По Камбодже.**

Omnia vincit amor

Олесь ГОНЧАР

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

В тропическом городе Рангуне, где молодые смуглолицые солдаты стоят с автоматами на постах в своей зеленоватой, цвета джунглей одежде, в городе золотых пагод-храмов, устремившихся в небо стогами оранжевого жатвенного блеска, в городе, над которым ночь опускается очень рано и в сумраке дворца, словно выхваченного из сказок Шехерезады, вдруг промелькнет лицо с прекрасным профилем камеи, а на сцене, сверкающей восточным великолепием пластики, руки танцовщиц поют, ткут песнь любви под звуки удивительного инструмента (название которого так и осталось тебе неизвестным!),— в тот знойный, тропически влажный рангунский вечер, полный волшебных мелодий, красоты и безудержных грез, мне вспомнилась почему-то эта давнишняя история, история иных широт...

Лето было, первое послевоенное лето, виноградники зеленели, и первые снопы поблескивали на полях.

Ослепительный день, жнивье светится, и по степной дороге, ведущей от нашего лагеря до ближайшего местечка, рысцой идут кони, артиллерийские наши кони. Только не пушку тянут они за собой, не в артиллерию впряжены, а в обычную бочку-водовозку. Высоко на ней в пилотке набекрень, в медалях во всю грудь сидит Диденко Сашко, артиллерист. О демобилизации думает хлопец, не иначе. Все мы в эти дни только тем и живем, что скоро домой, а там каждого из нас ждет любовь. Того своя, этого своя, а кого еще и просто неведомая, туманная. Насвистывает, напевает бравый солдат, небрежно выпустив на лоб прядь пшеничных волос. Дунайское небо шелковистой голубизной переливается, лето горит, полыхает, пьянит хлопца.

Какое же раздолье вокруг! Во время войны, когда доводилось ему очутиться где-нибудь в степи либо в горах скалистых ночью, в ненастье ли, в метель, не раз подмывало его крикнуть, аукнуть, гогокнуть, да так, чтобы эхо прокатилось по всем Карпатам. Но тогда нельзя было. В те годы люди жили таясь, настороженно, молчком. Передний край шума не любит. Зато сейчас Диденко, выехав за пределы лагеря, волен горланить во всю мочь:

— Го-го-го-го-о-о-о!

— Поешь? — смеясь, спрашивает встречный водовоз из соседнего полка.

— А что, плохо?

— Да нет, не плохо. Точь-в-точь как волк в степи...

— Давай вместе!

— Давай!

Теперь уже в два голоса.

— Го-го-го-го! Го-го-о-о! — звучит, разносится по полям, пока друзья и не разъедутся, а жнецы издали, выпрямившись, весело поглядывают на шлях.

Никто не откликается на Диденково гогоканье.

А хмель солнца будоражит душу, пьянит, и в голову лезет всякое такое, что приходилось не раз слышать: про любовь фронтовую, про знакомства в медсанбате, а то и с местными грешницами — везет же людям! А ему — что ему выпадало? Пушку одну только и знал в жизни, с нею прошел полсвета, сколько грязищи перемесил! Выше туч с нею поднимался, плацдармы держал, за пушечными боями на девчат некогда было оглянуться. И вот теперь он въезжает в пылающее зноем лето на своей водовозке, изжаждавшийся, одинокий!

Жнивье, свежие, точно литые, клади из снопов, кругом снопы и снопы — все отливает золотом, все сверкает под палящими лучами жатвенного солнца.

Только одна кладь еще не завершена, не увенчана короной. Вдруг что-то — как живое пламя, пунцовое, яркое,— мелькнуло и исчезло позади этого золотого сооружения. И вот уже показались смуглые руки, завершающие свой снопастый труд — ставят шапкой на кладь последний сноп, и он так весело, так задиристо кверху торчит!

Показалась из-за клади и жница; поправляя сноп, она поглядывает на шлях, улыбается солдату. Красная, как жар, кофтенка полыхает на ней. Волосы темные свободно спадают на плечи. Ноги загорелые блестят. Взяв в руки кувшин, жница запрокидывает голову и пьет, но и тогда она, кажется, не перестает одним глазком весело косить на дорогу. Опустив кувшин, она смело улыбается солдату, словно подзуживает, подзывает к себе этой улыбкой лагерного водовоза: «Иди, напою и тебя...»

И еще две или три молодые жницы появляются около ее копны и давай подшучивать, давай поддразнивать солдата. Хохочут, показывают что-то жестами, обольщают, манят намеками...

Но тех он как будто и не замечает, впился взглядом лишь в ту одну, что стоит между ними и не участвует в их проделках, в ту, что улыбкой позвала его первая...

А проказницы все не унимаются, визжат, вертят подолами: что ты, мол, за герой, если боишься полюбезничать?..

— Тпру-у!

Бросает вожжи, соскакивает, и вот уже трещит под сапогами жесткая стерня, бросаются с лукавым испугом и смехом врассыпную жницы, только она остается на месте — неподвижно стоит под своим тугим золотым снопом.

И хотя она первая послала ему улыбку на дорогу и солдат побежал сюда, тоже настроенный на веселье, на шалость, но сейчас уже не было улыбки на ее устах, не было игривости в ее взгляде. Было нечто иное. Что-то совсем другое теперь светилось из глубины ее погрустневших, карим солнцем налитых очей... Ах, эти очи, в которых затаилась бездна страсти и нежности, и эта кофточка, алая, ветхая, что расползается на смуглом теле, и эти орошенные жатвенным потом, полуоткрытые, полуоголенные перси... Ничто в ней не боялось его, все как будто только и ждало этого мгновения, этой встречи с ним, и в доверии своем становилось ему родным.

Указала на кувшин меж снопами — напейся, мол,— Диденко поблагодарил, но к кувшину не прикоснулся.

— Звать тебя как? — спросил.— Маричка? Юличка?

Ресницами на миг заслонилась от него.

— Лори... Ла-ри-са.

Золотую соломинку смущенно вертела в руках. Диденко бережно взял у нее эту соломинку — отдала, не сопротивляясь, только вспыхнула, зарделась густо. Чувствуя, как у него захватывает дух от нежности, взял ее руку, маленькую, твердую, в свою, большую, грубую. Она не отдернула руки, не вырывалась, а широко открытыми глазами, ясными и лучистыми, как бы благодарила за то, что он обошелся с нею так ласково.

— Лариса... Лариса...— тихонько повторял он.

А она глядела на него так преданно, как будто всю жизнь ждала именно его.

В черной волне волос, рассыпавшихся по плечам, заметил серебристую ниточку, и это болью отозвалось в его сердце: что так рано ее посеребрило? Какие беды, какие печали? И он исполнился еще более горячим чувством к ней, желанием оберечь, защитить ее, разделить с нею то горе, которое она, видимо, уже изведала в жизни.

Были сказаны какие-то слова — он говорил их по-своему, она — по-своему, — и хотя это более походило на язык птиц, да и слова предназначались не для того, чтобы их понять, однако и этот счастливый разноязыкий лепет сближал их еще больше.

Вдали косарь звучно отбивал косу, и перепел профурчал в воздухе, как тяжелый осколок, а здесь, возле нее, солнцем пахли снопы, и она сама, казалось, источала аромат солнца и снопов. Всю бы жизнь не выпускал он ее руки из своей, глубина ее глаз манила, влекла, густо-вишневые губы были так доверчиво близко.

Солдат припал к ним.

А она как будто только и ждала этого порыва, пылко обвила парня руками и, запрокинутая на снопы, отдаривала его жарким поцелуем — поцелуем страсти, благодарности и отваги. Снопы разлезались, растекались под ними, как золотая вода, опьяняли обоих запахами солнца, а они пили этот напиток сладостно, ненасытно...

Не замечали, что день вокруг них пылает, что по дороге кто-то едет, а рядом давятся смехом жницы, завистливо выглядывая из-за соседних копен...

Еще не выпустил он ее из объятий, еще глаза ее были полны пьяного солнца, как вдруг она вся съежилась, дернулась, испуганно вскрикнула, и голос ее был полон ужаса и тревоги... «Смерть!» — именно это, наверное, крикнула она ему в предостережение, и солдат, обернувшись, увидел, что и впрямь неминуемая смерть летит на него в образе жнеца с серпом в руке. Догадался: муж! Ибо только муж мог мчаться к ним с чувством такой разъяренной правоты. Бежал прямо на Диденко, тяжело дыша, с черным лицом, с безумными, помутневшими глазами... Серп, выступавший сейчас уже отнюдь не орудием труда, сверкал ослепительно, и с приближением этого смертельного блеска в воображении Диденко в один миг промелькнуло виденное им недавно: молодой боец лежит на винограднике, затоптанный, поруганный, с перерезанным горлом... «Полоснет! Распорет обоих!» Все время чувствуя за собой съежившуюся

женскую фигурку, артиллерист привычным рывком выхватил из кобуры свой тяжелый трофейный пистолет...

Грянул выстрел.

В тот же день Диденко сидел на гауптвахте.

Гауптвахта на опушке стоит.

В прошлом лес этот был собственностью какого-то графа, а теперь его как будто откупило за сколько-то тысяч пенго наше командование, чтобы устроить в нем лагеря. Здесь мы живем. В глубине леса — уже наша солдатская цивилизация — посыпанные песочком аллеи-линейки, грибки, красные уголки, целые кварталы аккуратных офицерских и солдатских землянок и, ясное дело, для гауптвахты (или «губвахты», или просто «губы») там не место; она вынесена подальше, в сторонку, вот сюда, на опушку. Сооруженная наскоро, она, однако, крепко сидит в земле, чуть торчит бревенчатым гребнем, приземистая, лобастая, напоминая темной суровостью давних своих пращуров — те сторожевые курени, которые когда-то запорожцы ставили где-нибудь на Базавлуке или Волчьих Водах. Дверь тяжелая, из дубового неотесанного горбыля. Засов на двери да пломба, словно тут склад со взрывчаткой. И никакого окошечка, только узенькая над дверью щель-прорезь, на амбразуру похожая, чтобы миска с постной кашей раз в день сквозь ту амбразуру пролезла.

Тот первый, кто пришел допрашивать Диденко, был уверен, что всему причиной вино. Винных погребов в местечке много, хозяева сейчас как раз допивают прошлогоднее, освобождают тару под молодое. Случается, что и солдат отуманивают...

— Лучше не крути, Диденко: в подвалах перед тем побывал? — И серыми холодными щелками глаз пронизывал Диденко, полагая, разумеется, что видит его насквозь. — Говори, хмель виноват?

— Хмель, да не тот, что вы думаете,— отвечал солдат.

— А какой? Говори, какой? Ну?

— Не нукайте, не поедете,— спокойно отвечал Диденко. «Ты же сапог, крыса тыловая, разве тебе это понять?» — с презрением думал он и не пожелал ничего больше для протоколов рассказывать. Сколько тот ни бился, а он сидел, насупившись, а порой даже песенку угрюмо напевал — про Лизавету из кинофильма.

Перед землянкой гауптвахты плац, то есть вытоптанная бурая площадка, где происходят наши воинские занятия, стоят спортивные снаряды, разные «кобылы» да «козлы», через которые солдат прыгать должен; еще дальше, за площадкой, сколько видит глаз, буйно, как в тропиках, зеленеют виноградники — то уже не наша зона.

Пока мы муштруемся на плацу, пока, обливаясь ручьями пота под нещадным солнцем, вышагиваем, как гусаки, туда-сюда, узник с гауптвахты неотрывно следит за нами. Сколько ни продолжаются занятия, все выглядывает из прорези над дверью белый Диденков чуб. Иногда мы даже слышим его подбадривающие выкрики:

— Давай, давай, гвардейцы! Давай, оккупанты! (Мы ведь теперь оккупационные войска.)

Стоит ли говорить, что симпатии солдатские были целиком на стороне узника? Ведь посажен на «губу» не кто-нибудь, а Диденко Сашко, верный дружище, один из лучших артиллеристов, золотой хлопец. Да, он под замком, а ты на часах сторожишь его, но разве так просто забыть, что с ним вместе всего хлебнул: и чужих рек, и карпатских туманов, и пылающих плацдармов, где держались до последнего, расстреливая фашистские танки в лоб... Если бы воля хлопцам, они бы наверняка и дня не держали Сашка Диденко в этом арестантском курене. Да и так ли уж страшно то, что он натворил: один выстрел, а перед тем миллионы, миллиарды выстрелов были сделаны по человеку! Не крал, не грабил, из лагеря самовольно не отлучался, а что тому ревнивцу, которого черти откуда-то под руку поднесли... так не в зубы ж было ему глядеть, не ждать, пока он серпом распорет гвардейца! Конечно, было бы лучше, если бы старик не скапустился (на следующий день он умер в больнице, хотя Диденко об этом так и не знает), но ведь — нет худа без добра! — зато Лариса теперь свободна.

Ларисой зовут ее — это было единственное, что знали мы, друзья Диденко, про его любовь. А он, хоть и видел Ларису один только раз, мог рассказывать о ней без конца. С каким упоением, столпившись у землянки, мы слушали и слушали сквозь амбразуру его страстные, влюбленные рассказы о ней, о его Ларисочке, о его счастье... У нас прямо дыхание перехватывало, когда он вспоминал те снопы золотые, и пламя кофтенки, и пылающие уста... А глаза! Ее глаза, ясные, лучистые, солнцем налитые... Только почему в них было столько грусти и боли? И мы сообща создавали легенду о ее жизни: за нелюба отдана. Бесприданница, наверное, красотой только и была богата, вот и досталась кулаку тому, выжиге старому, который ей, молодой, жизнь загубил... И рисовало дальше солдатское воображение, как безрадостно жилось молодой женщине за немилым, как приметила она молодого белокурого артиллериста, который мимо на водовозке проезжал... Увидела и с первого же взгляда поняла: «Он! Это судьба мне его послала!»

— Вот это женщина! Да за такую стоит и в огонь и в воду! — так говорили о ней возле гауптвахты.— Вспыхнула, как порох, в один миг, пренебрегла всеми условностями, безоглядно отдала солдату свою любовь. Он победитель, ну, а она разве ж не ровня ему? Разве не одержала и она победу над своим рабством семейным, сплетнями, предрассудками, разве не доказала, взбунтовавшись, что свобода и любовь для нее превыше всего!

— Долго ты ждал, браток, зато ж и подвезло тебе! — говорили Диденко друзья.— Это тебе награда за все!

— Орден вечного счастья,— шутил кто-то, а Сашко улыбался.

Слышали хлопцы и раньше, что любовь делает человека сильным, что в любви душа человеческая расцветает, а тут выпал им случай самим в этом убедиться. Был их друг, как и все, и внезапно из обыкновенного стал необыкновенным, стал щедрым, богатым, богаче любых царей, королей! И это был их Сашко Диденко! Словно опоенный чарами, он только и жил теперь своими видениями, ее красотой, только и ждал, когда выйдет с гауптвахты и снова махнет к своей цыганочке (так он свою мадьярочку называл)...

— Главное, чтобы водовозку мне вернули,— доверчиво говорил он часовым. — Сяду — и галопом к ней! Посажу ее рядом с собой, и айда через весь город: глядите — это наша свадьба, теперь мы уже с нею муж и жена!

Часовых тревожила его безоглядность.

— Закон этого не позволяет,— тихонько возражали ему.

— Какой закон? — удивлялся артиллерист, точно с луны свалился.

— Не можем мы жениться на иностранках... Таков закон.

— Против любви закон?! Не может быть такого закона! Какой дурень его выдумал! Увидите, я своего добьюсь...

Заметим, кстати, что Сашко Диденко оказался в этом провидцем: отменен был этот закон. Но произошло это значительно позже.

А пока что — небритый, без ремня — похаживает в своем курене неугомонный возлюбленный Ларисы, а разводящий на смену одним часовым приводит других, все более суровых. Некоторые, особенно из свежего пополнения, стоят на посту строго по уставу, с арестованным не якшаются, сказано им, что караулят важного преступника,— какое тут может быть панибратство? Ложка каши, кружка воды — вот и все, что тебе положено, и не больше. И удивляло их, что после всего этого он еще и напевает, словно ничто его не страшит, словно надеется завтра же выйти с гауптвахты...

Диденко и впрямь жил в эти дни необычной жизнью: те снопы золотые, они и по ночам в темноте землянки ему сияли. Не подозревал парень, какие тучи собираются над ним.

Тот трагический случай, окончившийся смертью старого ревнивца, вскоре приобрел широкую известность в стране, о нем подняла страшный шум западная печать. Видите, мол, какой разбой чинят советские оккупационные войска, средь бела дня на жатве убивают честных католиков, насилуют их жен. К командованию, которое и не отрицало, что подобный поступок сам по себе непростительный, шли депутации, требовали для виновника тягчайшей кары. Все складывалось не в пользу Диденко. Страна шла навстречу своим первым послевоенным выборам, борьба партий обострялась, страсти разгорались, и всюду на бурных предвыборных митингах наш солдат снова и снова оказывался притчей во языцех, о нем кричали до хрипоты. Тщетно на одном из таких митингов в местечке, где разные партии скрестили свои мечи, сама Лариса взяла его под защиту, крикнула в глаза лидерам: «Лицемеры вы, лгуны! Это мой грех, слышите, мой, а не его!» Ее не слушали, а разъяренные родственники и родственницы мужа чуть косы ей не оборвали. И оборвали бы, смешали бы с землей, если бы не вступился старый священник, которому она перед тем исповедовалась.

— Omnia vincit amor![1] — крикнул он взбешенной толпе, и хоть его и не поняли, но это подействовало, как заклятье, спасло Ларису от самосуда.

В такой атмосфере, день ото дня накалявшейся, когда сама жизнь Диденко стала выглядеть как бы абстрактной, оказалась на гребне иной волны, иных разбушевавшихся страстей, дело его рассматривал военный трибунал.

За содеянное убийство Диденко был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Теперь только один человек в государстве мог помиловать его.

Дело пошло в Москву.

Пока ждали ответа, осужденного держали все в той же землянке на опушке.

Диденко, по-видимому, так еще и не постиг до конца, что его ждет. Вся эта история с убийством, судом и приговором касалась как будто совсем не его, все происшедшее представлялось ему тяжелым, кошмарным недоразумением, которое вот-вот должно развеяться.

И хотя теперь уже не слышно было его беззаботных напевов, однако духом он не падал, держался со спокойным достоинством, только, правда, сон потерял: с самого рассвета, задолго до начала занятий на плацу, он уже, как штык,— стоит и неотрывно глядит сквозь амбразуру на плац, на виноградники.

Что ж, был хмель, а теперь похмелье.

Однажды утром, едва только заалела на востоке заря, а чащи виноградников все еще темнели, покрытые седой росой, подернутые нежнейшей утренней дымкой, из зарослей вдруг вышла... она. Появилась, как будто вызванная силой его воображения, но не иллюзорная, а самая настоящая, реальная, вынырнула из тумана, из тех виноградных джунглей. Не пламенела только на ней кофтенка, одета она была во все темное, босая, мокрая от росы, волосы небрежно лохматились. Очутившись на безлюдном плацу, беспокойно огляделась и, будто зная уже, куда ей надо, направилась быстрым шагом прямо к гауптвахте.

Часовой, новичок из числа пополненцев, только на днях присланных в полк, совсем не склонен был подпускать незнакомку к гауптвахте.

— Стой!

Растрепанная, одичалая, она съежилась и в ответ лишь ускорила шаг.

— Стой! Стрелять буду!

Щелкнул затвором и так нахмурил брови, что нельзя было не остановиться. Парнишка-часовой, несомненно, слышавший уже о диденковой истории, догадался, видно, кто она, стал прогонять; как она ни молила, как ни заламывала руки, он все же прогнал ее прочь, за лагерную зону. Но и там несчастной женщине, наверное, слышно было, как неистово колотит в дверь обезумевший от любви к ней человек, как содрогается землянка от грохота его страшных ударов, от ливня проклятий, вылетающих из его амбразуры...

А она! Весь день отгоняли ее часовые. Только отогнят в одном месте, она вынырнет в другом, мечется, бродит, исчезает и снова появляется, как призрак, как неистребимый дух этих буйно разросшихся виноградников.

[1] Любовь побеждает все!

местных властей тоже прибыли сюда — все в черном, как бы в знак траура.

В старых армиях (а может, где-то и теперь) перед казнью к осужденному заходит священник или пастор на последнюю беседу. Тут таких не было, и тяжесть этой миссии легла на комбата Шадуру, бывшего Диденкова командира. Старый артиллерист, отмеривший, как и Диденко, полсвета со своими пушками, на стволах которых уже и звездочки не помещались, вошел в землянку понурый, с опущенными усами. Не зная, как вести себя, покашлял и, втянув голову в костлявые плечи, присел с краю на холодном земляном лежаке. Не знал комбат, с чего начать, как надлежит отпускать грехи этому несчастному Диденко, которого он даже любил: ведь добрым был он солдатом. А теперь вон как все обернулось: сгорбившись, стоит перед ним артиллерист, без ремня, в безмедальной, неподпоясанной гимнастерке смертника. Неужели это прощальный разговор? Комбату как-то и самому не верилось в реальную неизбежность этого сурового приговора. Однако же он должен был что-то сказать... Что им, смертникам, говорят в такой час?

Понурился Шадура-комбат. Вынул кисет с табаком, взял себе щепотку и Диденко подал, и они молча закурили, как будто где-то на огневой между двумя боями.

— Ну вот, Диденко. Воевали мы с тобой, брат, добрый ты солдат был. Я помню, как там, под дотами... и под Верблюжкой... и под Бартом... под Эстергомом,— все помню. Там пуля миновала, а тут... Что же это получается? На смерть за Отчизну шел, а теперь сам ее запятнал? — Он взглянул на Диденко, ожидая возражений, но тот стоял молча, сгорбясь под накатами землянки, трещал цигаркой.

— Что же ты молчишь?

— А что говорить?

— Тысячу раз жизнью рисковал ты за нее в боях, тысячу раз мог за нее голову сложить. Так разве ж теперь испугаешься? Если в самом деле запятнал и только кровью и можно пятно это смыть,— разве не смоешь?

И снова ждал ответа.

— Эта женщина... Кто хоть она такая? Это у вас серьезно?

Диденко, с жадностью, раз за разом затягиваясь, дотянул цигарку до огня, потом сказал вполголоса, твердо:

— Я любил и люблю ее.

Комбат вздохнул, кашлянул, и снова они помолчали.

— Если любовь, тогда другое дело, Диденко... Но сложилось плохо...

— Вы ведь меня знаете, товарищ комбат... Родину, самое святое у человека... разве ж я хотел опозорить... Да раз уж так получается... Раз выходит, что только смертью и можно то пятно смыть... Так что ж: я готов.

Спустя полчаса осужденный уже стоял перед войсками над яром, и темные косматые тучи плыли над ним. Дочитывались в суровой тишине последние слова, когда внезапно пронзительный женский крик всплеснулся, как выстрел, над виноградниками и разорвал тишину до туч.

К вечеру вахту усилили, однако именно теперь, когда в наряде выпало быть артиллеристам, лучшим друзьям Диденко, они, взяв перед разводящим грех на душу, разрешили влюбленным повидаться.

Словно с креста снятая — такой была она, когда под взглядами часовых подходила к гауптвахте. Часовым Лариса не показалась красавицей — просто измученная, исстрадавшаяся женщина с темными ободками глаз, горящих, как у тяжелобольной, а вот для него, Диденко, была она, видно, совсем иная. Припав к амбразуре, бедняга даже заплакал — заплакал от счастья видеть ее.

Лариса протянула ему сквозь амбразуру свои руки, темные, будничные руки, знавшие, видно, всякую работу, а он, схватив их, стал исступленно покрывать поцелуями.

Часовые из деликатности отвернулись, но все равно до них доносился то ее голос, лепетавший что-то нежно, то его, исполненный глубочайшего чувства: просто не верилось, что те же самые уста, которые только что извергали брань, посылали проклятия всему свету, теперь тают в любовном шепоте, захлебываются соловьиной нежностью.

— Зоренька моя! Цыганочка! Ясочка! Ластонька! Моя горлинка! Счастье мое чернобровое! Очення моэ каре!

Откуда только брались у него, грубого артиллериста, эти слова-ласки, эти напевы души, песни ей, той единственной, которая как будто и в самом деле принесла ему счастье, подняла своею любовью на какие-то доныне неведомые вершины... Что знал он до сих пор, что видел, чем жил? Смерть одну только видел, воронки, да грязь, да смрад войны, только и умел, что снаряды фуговать, а вот появилась она, как с неба,— и солнечным духом снопов, дыханием самой жизни овеяла тебя...

Часовые через какое-то время стали напоминать Ларисе, что уже довольно, пора уходить, но она как будто не слышала, вновь становилась на цыпочки, тянулась всем телом к амбразуре, утопив в ней худое, увитое прядями волос лицо... Что она видела там? Синие капельки глаз, крутой солдатский лоб, теперь уже остриженный, да широкие скулы посеревшие — вот и все, что могла она там разглядеть, а никак не могла наглядеться: ведь, может, это и было то самое для нее дорогое, один только раз отпущенное ей на земле...

Просунув руки в амбразуру, она гладила ладонями Диденко, посеревшее в сумерках лицо, трепетно голубила, ласкала, и нестерпимо было смотреть часовым на эту нежность, смотреть, как, приблизив лицо к лицу, уже плачут они оба — и он и она. Как будто предчувствовали то, что уже недалеко было.

Ночью был получен ответ: приговор остается в силе. Подлежит немедленному исполнению в присутствии военных и гражданских.

Теперь спасти Диденко могло только чудо.

Моросило, и предосенние тучи облегали небо, когда батальоны хмуро выстроились — не на плацу, а на другой глухой опушке над яром,— чтобы вместе с гражданскими, родственниками погибшего, принять участие в последнем трагическом ритуале. Представители

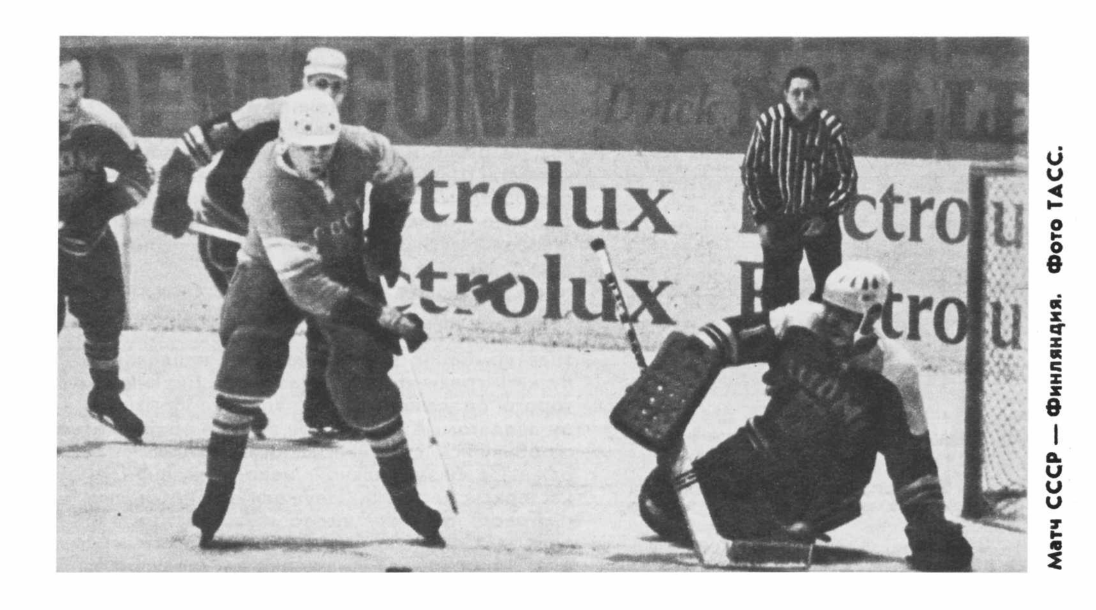
Что можно добавить к этой истории? Как чудо произошло? Как вздрогнули сердца от ее вопля-крика безоглядной тоски и любви, и как опустились дула винтовок, и улыбнулись те, что пришли сюда быть свидетелями казни? И как он, помилованный, шагнул от своей смертной ямы навстречу товарищам, друзьям, командирам, навстречу ей, своей бесконечно любимой, которая, раскинув руки для объятий, бежала-летела в счастливых слезах к нему? И как после этого целую ночь веселились войска, и виноградное местечко, и счастливейшие в мире — он и она?

Только чуда не произошло. Вскрик был, и минутное замешательство, и женская в лохмотьях фигура в самом деле выбежала из виноградников, мелькнула перед ошеломленными войсками — да только на миг... Нарушенный порядок быстро был восстановлен.

Тучи над яром плыли, как и плыли. Свершилось все, что должно было свершиться.

1964. Рангун — Киев.

Перевела с украинского Изида Новосельцева.

Матч СССР — Финляндия. Фото ТАСС.

В. ВИКТОРОВ

ИТАК, СЕГОДНЯ!..

В первый же день чемпионата финские хоккеисты доказали, что жизнь не стоит на месте (особенно если ты имеешь дело с игрой, для которой скорость является ее стихией). Обычно медлительные финны продемонстрировали неизвестно откуда взявшееся умение действовать и бить по воротам на таких скоростях, что нашим хоккеистам не раз приходилось склоняться под их искрометными атаками. Четыре шайбы вынул из своих ворот Виктор Коноваленко. Правда, вратарь сборной Финляндии Юхани Лахтинен пропустил 8 шайб, но это не могло уменьшить впечатления от возросшего мастерства хозяев льда. После окончания этой встречи тренеры советской команды А. Чернышев и А. Тарасов в беседе с журналистами прежде всего признались, что не учли новых возможностей хоккеистов страны Суоми.

Но если финны за год со времени Белой олимпиады добились столь многого, то что можно сказать о наших главных соперниках? Правда, и с канадцами и с чехословаками мы встречались после Инсбрука, и встречи эти были своего рода экзаменом, который держали чемпионы мира и олимпийские чемпионы — советские хоккеисты.

После игры с нашей сборной осенью прошлого года руководители чехословацкой команды решили заменить молодежью прославленных ветеранов, таких, как Бубник, Влах, Грегор.

Канадские тренеры тоже поняли, что не могут послать в Тампере клубную команду, завоевавшую кубок Аллана, как делали это обычно. Им пришлось создать сборную по тому же принципу, что год назад. И хотя костяком этой сборной стали спортсмены, ездившие в Инсбрук, где канадцы, как известно, сыграли не так уж удачно, мнение многих обозревателей, съехавшихся в Тампере, было единым: канадцы хотят казаться слабее, чем есть на самом деле. К такому выводу мы пришли, когда сборная Канады приехала в Москву для прикидочного матча перед чемпионатом мира, оставив в Хельсинки весь основной костяк своей команды. Это же сказал мне и корреспондент чехословацкой спортивной газеты Густав Влк, с которым я встретился в Тампере.

ЗАОЧНЫЙ ПОЕДИНОК

Уже с первого дня чемпионата закрутился водоворот двух течений — холодного и горячего. Сторонники первого призывали нас не за-

У ПАМЯТНИКА НАД РЕКОЙ

Суан и Роберт почти ровесники — каждому немногим больше 30 лет. Один родился в скромной вьетнамской деревушке в легком домике под соломенной крышей; второй за многие, многие тысячи километров отсюда, где-то там за океаном, в одном из городов с небоскребами. Они росли на разных континентах, у них были разные дороги, разные судьбы. Каждый по-своему шел к тому дню, который вместил в себя все прожитые годы.

...Накануне ТОГО ДНЯ Суан получил письмо от своих. Оно опять, в который уже раз, ставило перед ним все ту же трудную проблему: «Что же делать? Жене очень тяжело одной. Отец стал совсем стар, ему семьдесят, мать болеет; трехлетний сынишка только-только начал семенить ногами. Что же делать? Просить командование о переводе в другую часть, ближе к дому?»

Суан еще раз перечитывает письмо: «А жена молодчина, настоящая подруга солдата, ни в чем не упрекает и даже, наоборот, всячески старается ободрить». Суан улыбается, читая строки о веселых проказах сынишки. «Решено, попрошу о переводе ближе к дому. Командование удовлетворит мою просьбу — оно знает о моих семейных трудностях». Суан аккуратно складывает письмо в конверт. «...Но только не сейчас, сейчас нельзя — обстановка военная. Как только станет спокойнее, тогда и подам рапорт».

Он уже много раз решал подать рапорт, но каждый раз откладывал: товарищам была нужна его помощь, его ободряющее слово опытного солдата, сбивавшего стервятников еще во время боев против французов. Он всегда был рядом с молодыми, которые иногда еще терялись, увидев над самой головой железную птицу, несущую свинцовую смерть.

«Подам рапорт, обязательно подам, но позже». Суан, политкомиссар в одном из подразделений Пятой Народной армии ДРВ, кладет ручку в нагрудный карман гимнастерки, выходит из блиндажа и решительно направляется в сторону третьей батареи.

...Накануне ТОГО ДНЯ на военно-воздушной базе в Дананге в здании, где жили американские летчики, было шумно. Офицерская столовая гудела, словно потревоженный улей. Табачный дым плотным сизым облаком парит под потолком: мощные установки для кондиционирования воздуха не успевают проветривать и охлаждать помещение. Лицо долговязого парня лоснилось от пота. Роберт уже два часа сидел в баре. Он давно превысил свою обычную дневную норму виски. Но в этот вечер решил плюнуть на режим.

— Эй, парень, еще одну, двойной «спич», да побольше положи льда! В этом пекле можно растаять.

...Отвратительное настроение не покидало Роберта с раннего утра. Он разглядывал шумный зал, кивал приятелям и пил виски. Пять стаканов, а от проклятых мыслей так и не удалось избавиться: «Сосед по комнате не вернулся... Не вернулись оттуда и еще несколько парней... Чья же следующая очередь? Чья? Чья?..» Молоточки стучат в висках, отдаваясь где-то в левой стороне груди; то ли от выпитого виски, то ли от беспокойных мыслей его мутило.

Нет, Роберт не трус. Когда много месяцев подряд его держали в сурдокамере, он ни на секунду не потерял самообладания и, видимо, не случайно получил место среди 515 кандидатов для полета в космос. Но проклятая мысль не давала покоя: «Зачем я здесь? Что, черт побери, мне нужно в этом Южном Вьетнаме, где каждый житель смотрит на меня ненавидящими глазами и готов прострелить мне затылок?!.»

Роберт тяжело поднимается, бросает деньги на стойку и, шатаясь, идет к себе в комнату. Завтра надо опять лететь туда, откуда уже многие не возвратились.

...ТОТ ДЕНЬ начался в третьей батарее как обычно: утром, когда туман еще не успел рассеяться и зенитчики сделали зарядку, позавтракали и приступили к своим привычным солдатским делам, в 10 часов стало известно, что пред-

блуждаться ни молодостью чехословаков, ни разбродом в канадской команде, ни боевым задором шведских игроков. Представители второго еще до первого матча в зимнем дворце «Яхалли» провозгласили советскую команду победительницей. Среди них оказался сам Джон Ахерн, президент Европейской ассоциации хоккея на льду. На пресс-конференции он объявил советскую команду самой сильной, и, как ни старались канадские и американские журналисты поколебать это утверждение, им ничего не удалось.

Зато иначе вели себя советские тренеры Чернышев и Тарасов. Один из первых же вопросов к ним на пресс-конференции после победы над финской командой прозвучал так:

— Многие утверждают, что в Тампере приехала самая сильная советская команда. Вы тоже так считаете?

— Нет, мы этого не считаем,— ответил Аркадий Иванович Чернышев.— Какая же она будет сильная, если проиграет?

Предстояло не на словах, а на деле проверить истинные возможности главных соперников. Как важно было бы, например, встретиться с канадцами вначале, а не в конце! Но еще до приезда в Тампере мы знали, что матч с ними двадцать восьмой, последний по счету.

И все-таки встреча эта состоялась гораздо раньше, правда, не без помощи финских хоккеистов. На правах самоотверженных и гостеприимных хозяев они предоставили нам возможность как бы сразиться с канадцами не в последний, а на второй день. Как же так?— скажете вы. Ведь в этот день команда СССР играла с Норвегией и победила со счетом 14:2.

Да, все это так. Речь у нас идет о заочном поединке двух очевидных лидеров.

Дело в том, что финским спортсменам выпала тяжелая доля: сыграв с командой СССР, они на следующий день скрестили «оружие» со сборной Канады. Трудно, очень трудно играть подряд два таких матча. Но что делать — жребий! А мы все благодаря этому жребию получили возможность стать свидетелями своеобразного заочного матча СССР — Канада.

Как сыграет с финскими хоккеистами, доставившими нашему вратарю столько хлопот, канадская сборная?

Сейчас, когда этот матч отошел в прошлое, он не кажется столь обнадеживающим, каким выглядел вначале. Первый период прошел в абсолютно равной борьбе при сухом счете. Лишь на последней минуте красная лампочка зажглась за спиной финского вратаря (наша команда закончила первые двадцать минут со счетом 3:0). Второй период был точной копией первого. И снова на последней минуте канадцы забросили шайбу, после чего один из моих коллег отметил, что для финской команды надо бы установить продолжительность периода не в 20, а в 19 минут.

Мы еще продолжали шутить, а заочный поединок с канадцами уже начинал складываться совсем не в нашу пользу. Советские хоккеисты забили во втором периоде тоже одну шайбу, но пропустили в свои ворота две. А в третьем периоде канадцы догнали нас в счете, забросив две шайбы и не пропустив ни одной, в то время, как Коноваленко приходилось два раза вынимать шайбу из сетки.

Разница забитых и пропущенных голов в итоге оказалась такой же. Могли ли нас устроить эти среднеарифметические подсчеты, если Коноваленко оказался пока что самым слабым звеном своей команды, в то время как канадский вратарь Кен Бродерик — самым сильным?

Итак, заочный поединок с канадцами окончился в лучшем случае вничью.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Но разве достаточно проанализировать заочный поединок с канадцами, чтобы попытаться угадать исход всего чемпионата? А как оценить двух других, не менее грозных соперников — чехословаков и шведов? Их положение среди фаворитов равноправно, и, пожалуй, нелегко определить, кто из них доставлял нам больше огорчений в прошлом. В то же время мы прекрасно понимаем, что та и другая команды не собираются довольствоваться лишь своими прошлыми лаврами.

Чехословацкие и шведские хоккеисты шли к Тампере разными путями. Как я уже упоминал, тренеры чехословацкой сборной после осенней неудачи в Москве списали в запас своих ветеранов и пополнили команду молодежью. Из 15 игроков, защищавших цвета сборной на чемпионате мира в Женеве, до Тампере дошло четверо.

А вот боевой состав шведской команды почти не изменился. Уже много лет мы видим таких игроков, как Стольц, Нордландер, Оберг, Тумба, и других. Когда, перелистав протоколы давних чемпионатов, я пришел в день открытия нынешнего первенства мира на игру Швеция — США, мне показалось, что стрелка хронометра двинулась по кругу в обратном направлении. Невольно почудилось, что вижу на поле рядом с Тумбой и Стольцем Всеволода Боброва и Евгения Бабича. Когда это было? Да, одиннадцать лет назад. Тогда наша команда дебютировала на чемпионате мира 1954 года. Эта первая встреча со шведскими хоккеистами была исключительно напряженной и закончилась со счетом 1:1. Впрочем, как известно, первый международный дебют наших хоккеистов состоялся еще за два месяца до этой встречи и именно в Тампере. Там в январе 1954 года, играя со сборной командой Финляндии, наши хоккеисты добились первой победы за рубежом.

Шведы, шведы! Во все последующие годы они всегда были самыми опасными соперниками. Ведь именно эти парни с тремя коронами на майках вырвали у нас победу на чемпионате мира 1957 года в Москве, оставив советской команде второе место. Затем им не раз удавалось добиваться высоких результатов на крупнейших международных встречах. В 1962 году на чемпионате мира в США, в котором советская команда не участвовала, шведские хоккеисты завоевывают звание сильнейших. И уж, конечно, они были уверены, что сумеют повторить свой успех на чемпионате мира 1963 года у себя дома, в Стокгольме.

До сих пор еще памятен этот решающий матч между советской и шведской командами. С каким трудом удалось нам тогда вырвать победу!

Из Стокгольма сборная СССР вернулась с золотыми медалями. Она сумела повторить свой успех и на Олимпийских играх в Инсбруке. Так что же удивительного в том, что и здесь, в Тампере, многие считают: советские хоккеисты сумеют победить! Это просто-напросто вывод, вытекающий из недавней истории мирового хоккея.

Все это так. Но за время от Стокгольма и Инсбрука и в советской команде произошли кое-какие изменения. Увы, мы не встретили в Тампере Евгения Майорова: старшиновская тройка оказалась обновленной незадолго до начала чемпионата. Полностью рассыпалось знаменитое юрзиновское трио. И, таким образом, без изменений осталось лишь одно звено — звено Александра Альметова.

Но вот что характерно: в ожидании встречи со шведами даже Альметов и его товарищи — Александров и Локтев — не смогли сдержать нетерпеливого волнения, тревог, которые так подтачивают силы спортсменов. Ни в Стокгольме, ни в Инсбруке эта предстартовая лихорадка так не трепала нашу команду.

Можно себе представить, с каким напряженным интересом следили наши ребята за встречей финской и шведской сборных. Финны, верные себе, снова экзаменовали вероятных претендентов на золотые медали. Это был удивительный матч, поистине сенсационный. Зрители Тампере не отличаются большим темпераментом, но на сей раз они превзошли самых горячих итальянских «тифози». И было чему радоваться: финские хоккеисты атаковали весь первый период и закончили его в свою пользу, а ничейный результат матча, несомненно,— большой успех хозяев чемпионата. Да и нас этот успех не мог, конечно, не радовать: шведы, несмотря на всю свою долголетнюю сыгранность, и на этом чемпионате могут быть побеждены. Но, с другой стороны, нельзя не учитывать и того, что, потерпев такую неудачу в игре с финнами, они будут действовать против наших игроков еще более решительно.

Так какой же команде принесет успех игра в Тампере? Шведской, сделавшей ставку на опыт ветеранов, или чехословацкой, насыщенной молодежью? А может быть, канадцы покажут наконец свои главные козыри? Как смогут использовать все эти полюсные тенденции наши ребята?

Невозможно было предугадать результаты тамперовского турнира. Почти бесполезны экскурсы в прошлое, тщательный анализ настоящего.

Итак, все станет ясным 14 марта 1965 года, в 8 часов вечера...

Тампере, 9 марта.

стоит бой. «Разведка сообщила, что ожидается очередной вылет с военно-воздушной базы в Дананге...» Суан был в третьей батарее, где многие солдаты, в большинстве своем молодежь, только недавно пришедшие в армию, еще не успели привыкнуть к реву реактивных истребителей. Их надо ободрить. И Суан рассказывает о боевых эпизодах войны с французским колониализмом, когда плохо вооруженные солдаты Народной армии проявляли чудеса героизма.

В 13.00 — боевая тревога: в небе 4 вражеских истребителя. Они появляются с юга и летят над самым устьем реки.

...Приказ был получен утром ТОГО ДНЯ. Вылет назначен в 12.55. В операции примут участие 50 самолетов, в том числе реактивный истребитель Роберта. Через промежутки в 10—15 минут группы самолетов с ревом отрывались от земли и летели в сторону севера. Роберт поднялся в воздух в 13 часов 40 минут... Цель все ближе. Внизу летчик видит темное пятно земли, разрезанной надвое широкой лентой реки; справа — море с маленькими точками джонок. Зенитки стреляют совсем рядом — Роберт видит разрывы зенитных снарядов слева и справа от себя. «Могут подбить»,— мелькает тревожная мысль. Страх рождает злость, злость на тех внизу, кто упорно хочет достать его, и на тех, по чьей милости оказался он в этой проклятой стране, так далеко от родного дома, злость от сознания, что совершенно бессилен изменить собственную судьбу. Роберт резко идет вниз и с остервенением нажимает на гашетку пулемета. Его истребитель проносится совсем низко над землей, а затем свечой взмывает вверх. Секунда, вторая... Они растягиваются в целую вечность. «Проскочил? ...Нет!» Рука машинально нажимает кнопку, и тело Роберта катапультируется из горящего самолета, который камнем идет вниз, оставляя за собой черную полосу дыма. Парашют благополучно опускает американского летчика, старшего лейтенанта военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки Роберта Шомейкера на вьетнамскую землю.

...Одна, вторая, третья атака вражеских самолетов... Суан рядом с солдатами. Своим бесстрашием, своим презрением к сеющему смерть врагу он поднимает уверенность в молодых воинах. «По самолетам противника — огонь!.. Огонь!.. Огонь!..» Команда. Залп, второй, третий. Зенитчики все увереннее бьют по цели...

— Молодцы!— восклицает Суан, помогая подносчикам, поправляя вместе с солдатами укрытия...

Пулеметная очередь крупным градом бьет по воде и совсем рядом со свистом разрыхляет землю. Суан говорил по телефону с КП, когда пуля от двадцатимиллиметрового пулемета пробивает ему ногу. В первые секунды он даже не чувствует боли: лишь резкий толчок выше колена. Суан успевает еще увидеть, как зенитчики третьей батареи подбивают взмывающий вверх вражеский истребитель, который через секунду черной лентой идет вниз и падает где-то в море.

— Ура! Ура! — кричат молодые солдаты.

Суан падает. Молодой телефонист, лежащий рядом с ним, увидев, как алая кровь заливала полинявшие от стирки солдатские штаны комиссара, растерянно кричит:

— Убили товарища Суана!

Комиссар находит силы сказать:

— Возьмите винтовку и стреляйте...

Рана серьезная: пуля раздробила кость, нога держится лишь на лоскуте кожи. Переносить его в таком состоянии в медсанбат невозможно. Каждую минуту Суан все больше теряет крови: нужно срочно перевязать рану. Но как? Молоденькая медсестра в растерянности. Суан открывает глаза, видит над собой ее лицо и, превозмогая боль, говорит:

— Отрежь, я вытерплю.

Ножницами ничего не получается. Комиссар глазами показывает на лежащий в открытой медицинской сумке нож.

— Режьте!

Бой продолжался. Зенитчики успешно отбили еще одну атаку вражеских самолетов.

— Сбит! Сбит! Еще один!..

Но он не слышал этих радостных возгласов солдат третьей батареи, которые мстили врагу за политкомиссара Суана...

Героя вьетнамской Народной армии товарища Суана я больше не видел. Мне рассказывали, что ему сделали операцию, которую он мужественно перенес. Сейчас лежит в госпитале, и, как говорят, дело идет на поправку. Но другого участника событий того дня, американского пилота Роберта Шомейкера, взятого в плен 11 февраля, я видел, видел через несколько часов после варварского налета на город Донг-Хой. Во время пресс-конференции, на которой были советские корреспонденты и журналисты других стран, мы спросили Роберта Шомейкера, что он думает об этих пиратских налетах американской авиации на мирную землю Вьетнама. Роберт посмотрел на нас и тихо произнес, видимо, давно уже заученную фразу:

— Это ответный удар.

Но было видно по его глазам, растерянно смотревшим на сто с лишним человек, собравшихся в зале, где шла пресс-конференция, что он сам не верит этим словам.

В Донг-Хое, на берегу реки Нятле, воздвигнут памятник в честь героев войны Сопротивления против французов — белый каменный обелиск, на котором следы вражеских пуль и осколков. В тот день, 11 февраля, когда американские самолеты совершили очередной налет на Донг-Хой, вокруг грохотали зенитки, глухо сотрясая землю, ухали взрывы от 250-килограммовых бомб, дробно стучали крупнокалиберные пулеметы. А памятник стоял, стоял, гордо возвышаясь над самым устьем реки. На белом камне теперь много свежих следов от пуль и осколков, но простые и вечные слова не задеты: «Слава тем, кто отдал жизнь за свободу и независимость Родины!»

Недалеко от этого памятника и произошел тот эпизод, о котором я рассказал,— страничка из жизни Вьетнама.

Юрий ЮХАНАНОВ,
корреспондент советского радио в странах Индокитая

Донг-Хой — Ханой.
Февраль — март 1965 г.

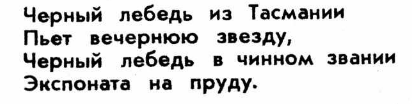

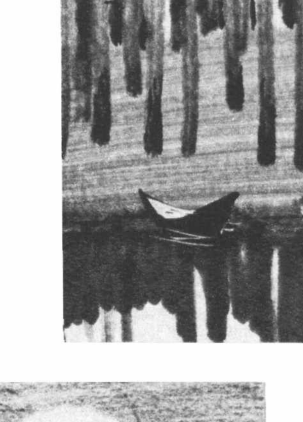
Петр СЕМЫНИН

Рисунки Ю. Черепанова

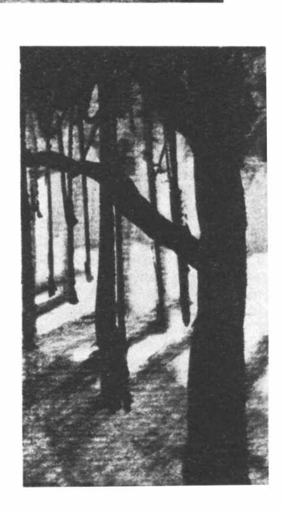
На весну поворот

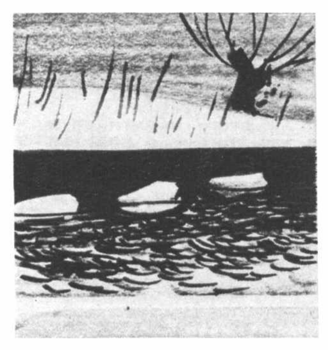

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

В. Субботину

Черный лебедь из Тасмании
Пьет вечернюю звезду,
Черный лебедь в чинном звании
Экспоната на пруду.

Между родичами белыми
Плыл он призраком ночным
И, дробя звезду несмелую,
Пил по каплям золотым.

Черный лебедь из Тасмании,
Ах, как в детстве грезил я
Островами, талисманами,
Свистом дикого копья!

Синий берег пел, разбуженный
Фосфорической волной,
Пряной ночью звезды южные
Разгорались надо мной.

Птицы розовые стаями
Опускались на песок...
Только грезы те истаяли,
Берег синих снов умолк.

И тоску мою заманивать,
Лебедь, нечем уж туда.
В дорогой твоей Тасмании
Я не буду никогда.

Не отправлюсь той дорогою,
Где волны жемчужный смех.
Там друзей моих с пирогами —
Черных — выморили всех.

Всех огнем и злобой начисто.
Королевский адмирал
Там мечте моей ребяческой
Пулей сердце разорвал.

Как звезду, воспоминания
Раскачал ты на беду,
Черный лебедь из Тасмании,
В зоопарке на пруду.

ВЕЧЕР

Весь берег в норах. И в тиши
Сквозь мошкару и зной,
Сверкая, носятся стрижи
Над самою водой.

И режут воду, как алмаз,
Черкнув по ней крылом,
И след, покуда не погас,
Играет, как излом.

Отяжелев от пышных риз,
В закат река течет,
И все пронзительнее свист,
И все острей полет.

Смотри, как облака горят,
Как лиловеет яр;
Стрижи на память нам гранят
Бесценный этот дар.

ОСИНА

На ней удавился Иуда,
Твердила от века молва.
Чтоб саду не сделала худа,
Под корень руби на дрова.

Увидишь, затронув железом,
Пробрызнется кровь под корой.
Не зря она шепчется с бесом,
Дрожа, как на пытке глухой.

А чтобы упырь синегубый
С кладбища домой не пришел,
Недаром осиновый, грубый
Вгоняли в хребет ему кол.

Молву переспоришь едва ли.
Но стих — это тоже молва.
За что тебя так оболгали,
Бездольная ты голова?

С твоей красотою осенней
Чей выстоит рядом успех?
Как звонкий листок воскресенья,
Ты ярче и праздничней всех.

Но я не за это сиянье
Твои прославляю дары,
Есть выше и чище даянье
И звание — солнца сестры.

Мы лезем в карман по привычке,
Берем коробок не спеша,
А в каждой уложенной спичке
И тело твое и душа.

ЛОШАДЯМ

Вы, верно, исчезнете,
Станете мифами,
Как грифы — грифонами,
Как пращуры — скифами.

Но теплое ржанье
И топот степной
Запишет на пленку
Лошадник седой.

И мальчики
В звездных скитаньях по свету
Расплачутся, слушая
Музыку эту.

ПРИМЕТА

А в розовом небе вечернем
Сумятица галочьих стай;
От шумного граянья черни
Зимы уже дрогнул припай.

Слабеет мороз и ночами.
Недаром толкует народ:
Коль галки тепло накричали,
Считай, на весну поворот.

СОЛОВЬИ

За кладбищем Павшинским в кустах,
Там, где склон забором огорожен,
Столько их разбушевалось — страх,
Будто кто их высыпал в овраг
Из мешка, раздольем огорошив.

Полдень. Мы стоим среди могил.
Грустно пахнет свежею землею,—
Это нашу бабушку зарыл
Некий примогильный старожил,
Смело потребляющий хмельное.

А в овраге бьется и звенит
Колдовское озеро, играя;
Вот уж соловьиный динамит
Разорвал заслон бетонных плит,
И оно расхлынулось без края.

Рядом, точно пули по воде,—
Дью-дью-дью... и щелканье, и трели
По крестам, березкам, по беде
(Чем бы нам песчаный холм одеть?),
По зеленой майской карусели.

Вон еще въезжает грузовик;
Красный гроб спускают из машины,
Точно лодку, в соловьиный клик.
Иль у смерти есть и жизни лик,
Или птицы всех нас оглушили?

Только нет прощанья навсегда,
Нет остановившегося часа...
На земле весенняя страда:
Травы низом тянут невода,
Облака громоздкие лучатся.

* * *

В далекой-далекой лучистой стране,
В смолистой и влажной лесной тишине,
Из самого детства послышится вдруг
Над синею просекой сдвоенный звук.
И все в тебе дрогнет, и страшно спросить:
— Кукушка, кукушка, сколько мне жить?

СТЕНА

На соседней улице
Ломали стену тюрьмы;
Рабочие
С отбойными молотками,
Кирпичной пылью
Марая подол зимы,
Дробили
Столетней скипелости камень.
В толпе зевак на углу
Топтался и я.
Отваленные
Пневматическими очередями,
Глыбы рушились так,
Что вздрагивала земля
До самого ада
Со всеми вампирами и чертями.
Кто-то плакал.
Кто-то смеялся, крича:— Круши, круши!
Лица рабочих
Горели от ветра и пота.
О, то была
Высокая человеческая работа,
Как будто стену
Сваливали с души.

Борис ЕГОРОВ

Веселый вечер

Рассказ

В субботний вечер, вернувшись с работы и пообедав, инженер Конусов сидел в кресле с книгой.

— Ну вот, так ты и будешь читать до самой ночи? — укоризненно спросила жена.— Может, пошли бы к кому, с людьми встретились?

— Зиночка, если тебе скучно, включи телевизор.

— Спасибо, уже включала. Я хочу видеть живых людей. Знаешь что? Пойдем к Беляшевичам. Они очень приглашали.

— Это кто такие — Беляшевичи?

— Беляшевичи? — удивилась Зина.— Разве не помнишь? Я же о них рассказывала...

— А-а! Это с которыми ты познакомилась в Мисхоре?

— Да-да! Интересные, культурные люди. Мне было с ними так весело! Танцевали, пели, Иннокентий Петрович взял с собой в Мисхор магнитофон и японский транзистор. Такой маленький-маленький, но все принимает, хоть саму Антарктиду!

— А кто он, этот Иннокентий Петрович?

— Как кто? Человек. Очень положительный. Где работает, не знаю. Жена его Тина — манекенщица или как их там называют? В общем, анкету заполнять я их не просила. Ну, сам увидишь: культурные люди, отлично одеваются.

— Что ж, с культурными людьми приятно побеседовать,— сказал Конусов, поднимаясь с кресла.— Пойдем, одевайся.

...Беляшевичи встретили гостей радостно.

— Аа-х, наконец-то! — воскликнул полноватый мужчина с маленькими черными усиками.— Зинаида Васильевна! Это ваш супруг? Рад видеть. Давайте знакомиться. Иннокентий Петрович, или просто Кеша. А это моя жена — Тина.

Хозяйка как можно шире улыбнулась, обнажив все тридцать два зуба, и сказала:

— Проходите в комнату. У нас тут кое-кто есть...

В полумраке комнаты буйствовал телевизор. Спортивный комментатор пояснял:

— Шайба в зоне! Сейчас ее пробрасывают... нет, вбрасывают.

За столом сидело несколько человек — три женщины и один мужчина. Все три женщины были светловолосы, одинаково причесаны — под копну сена — и одинаково одеты. И вообще они показались Конусову ужасно похожими друг на друга.

— Нина.

— Лина.

— Дина.

Мужчину отрекомендовали Степой, мужем Дины.

— Возьмите вилки! Вооружайтесь! — призвала новых гостей Тина.— Берите, что нравится. Это креветки, это фарш из мидии с рисом, это фрикадельки — как их?

— Фрикадельки в славянском соусе из частиковых рыб,— доложил Кеша, разливая по рюмкам «Старку».— Ну что ж? Поднимем? Будем!

— Будем! — поддержал Степа и немедленно опрокинул рюмку.

— Сейчас шайбу будут вбрасывать... Нет, ее пробрасывают...

— Слабаки твои торпедовцы,— сказал Кеше Степа.— Такое положение не использовать!

— Посмотрим, посмотрим! — с вызовом ответил Кеша.— Это их новая тактика...

— Вы, мужчины, все про спорт. Уделите внимание женщинам,— заметила Тина.

— За женщин! — оглушительно воскликнул Кеша, поднимая рюмку. Закусывать он не стал, потому что в игре обозначилась острая ситуация.

— Сейчас шайбу пробрасывают... Нет, вбрасывают... Гол!

— Ну что, Степа, убедился? Никуда не годен твой «Спартак».

Комментатор объявил, что второй период окончился.

— Теперь можем поговорить,— сказала Тина.

— На днях я простояла целых полтора часа. Хотела достать билет на «Миллионершу»,— сообщила Зина.— Но передо мной продали последний...

— Билет? Это так просто! У нашей модельерши администратор театра — родственник,— откликнулась то ли Нина, то ли Лина.

— А какие новые модели она подготовила? — спросила то ли Дина, то ли Нина.

— Умопомрачительно! Самый модерн! — с восторгом сказала то ли Лина, то ли Дина.— И, кажется, с выставки будут распродавать...

— Так мы с Игорем хотели достать билеты на «Миллионершу»...

— Билеты? — удивленно спросил Кеша.— Зачем билеты, когда по телевизору все показывают?

— Сейчас шайбу будут вбрасывать... Нет, пробрасывают...

— Нина, когда наконец ты выйдешь замуж?

— Нет подходящего человека, Лина.

— А Инна недавно вышла. Правда, он постарше ее, но хороший человек: сидел...

— За что?

— Вот, правда, не знаю...

— Ну вы, мужчины! — воскликнула Тина.— Хоть бы анекдот рассказали!

Кеша запротестовал:

— Тиночка, постой. Тут такой момент! Послушай!

— Шайба в зоне! Сейчас ее будут вбрасывать... Нет, пробрасывают...

— А мы на днях с Игорем видели один фильм,— сказала Зина.— По телевизору. Он нам так понравился!

— Это в прошлую субботу? — спросила то ли Нина, то ли Лина.— Кеша, мы вместе у вас смотрели, как называется? Вспомни.

Кеша в это время наливал рюмки, но за разговором он следил:

— Вспомнить? Ну как же? Ах ты, черт! Это про одного композитора, который сначала был бедным, и она его любила...

— Ну да, а потом он стал богатым, но его любила другая...

— Зиночка, мы очень любим музыку. В прошлое воскресенье Кеша объездил всю Москву, в магнитофоне что-то не ладилось... Пришлось танцевать под транзистор...

— Люблю таких веселых людей. И никто не скажет, что вы уже давно женаты.

— Давно — не то слово. Сын уже взрослый. Сам моет шею...

Диктор телевидения сообщил:

— А сейчас посмотрите передачу о сокровищах «Эрмитажа».

Поскольку «Старка» была уже выпита, все повернулись к телевизору. Минут десять — пятнадцать молчали, смотрели картины. Потом то ли Дина, то ли Лина сказала:

— Люблю сокровища! С детства!

— Э-э! — протянул Кеша.— Если бы их найти! Я на прошлом месяце видел по телевизору, как про одного рассказывали: нашел целый кувшин золотых монет.

— И что же он с ними сделал? Что купил?

— Отдал даром, в местный райисполком.

— Вот дурак!

— Может, потанцуем? — предложила Тина.— Кеша в позапрошлое воскресенье специально ездил в Малаховку к одному приятелю переписать чего-то необыкновенное — труба и барабан...

— Уже поздно,— сказал Конусов.— Нам, Зиночка, кажется, пора домой.

— И нам с Диной пора,— поддержал Степа.

— Так ты все-таки проспорил? — спросил Степу Кеша.— Твои-то продули? Не так вбрасывали?

Изрядно захмелевший Степа был возбужден:

— И все равно они будут впереди! Не то что твои мазилы! И вообще ты, Кешка, меня не задевай. Хватит издеваться!

...Когда вышли на улицу, Конусов сказал своей жене:

— Ну вот, мы побывали среди живых людей. Как ты хотела. И ни о чем путном эти Беляшевичи даже слова не сказали.

Шедший позади Степа услышал эти слова, попросил Конусовых остановиться.

— Как ты выразился? «Ничего путного»? А что от них путного узнаешь? Ничего! Им телевизор помогает и магнитофон — время тянут. А если все это электричество выключить,— пусто у них, как в барабане! И ни одной мысли в голове!

— А зачем же тогда, вы, Степа, к ним пришли? — удивился Конусов.

— Зачем? — переспросил Степа.— Он мне три дня назад пульку проиграл. Должен был поставить...

Ц. СОЛОДАРЬ

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Кузнец-комсомолец Степанов Степан
За месяц трехмесячный выполнил план.
И чтоб про рекорд подработать вопрос,
Степана немедля зовут в совнархоз.
— В рабочее время?
— А что, не впервой:
Степан — рекордсмен, наверстает с лихвой!

Хотел наверстать паренек, да не смог —
Последовал авторитетный звонок:
— Скорей в самолет да на экстренный слет!
— А кто же оплатит?
— Конечно, завод!

Вернулся со слета — и новый удар:
— О слете, Степан, проведи семинар.
Готовиться надо? Неважно, сойдет —
По средним расценкам оплатит завод!

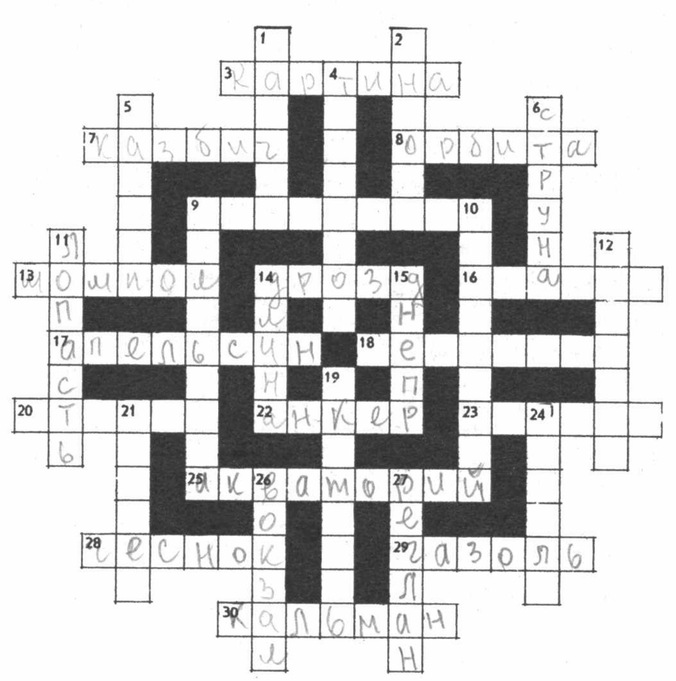
Прошел семинар без препон, без помех.
Такой семинар подытожить не грех:
— Ты сделай, Степан, об итогах доклад!
Доклад обсуждали день целый подряд.

Скорее бы в цех! Но звенят рупора:
— Готовиться к празднику песни пора!
Какой же, мол, праздник без знатных людей:
— Вот ноты, Степан, и на спевку скорей!

Кузнец не кует, а тоскливо поет
(Бригада продукции недодает!),
Поет он с душою, что Волга течет...
И деньги текут. Только это не в счет,
Поскольку решают:
— Прочти-на, Степан,
Публичную лекцию «Песня и план».
А чтобы дебютик твой не был с брачком,
Три дня консультируйся с хоровиком,
Затем с нормировщиком все утряси —
Ты за день управишься, два не проси!

Был встречен дебют, говорят, на ура.
Степанову в цех возвращаться пора.
Встречают Степана ребята, глядят —
Над прессом кузнечным цветастый плакат:
«Вниманье! Тревога! Срывается план!
И в этом повинен Степанов Степан!»

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Произведение живописи. 7. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 8. Путь движения небесного тела. 9. Порт на побережье Танганьики. 13. Стержень для чистки канала ствола огнестрельного оружия. 14. Лесная певчая птица. 16. Литературный жанр. 17. Цитрус. 18. Мех. 20. Рыба семейства карповых. 22. Часть часового механизма. 23. Поэма А. С. Пушкина. 25. Участок водной поверхности. 28. Огородное растение. 29. Остаток при перегонке нефти. 30. Венгерский композитор, автор оперетт.

По вертикали:

1. Хлопчатобумажная ткань. 2. Страна в Африке. 4. Город в Ростовской области. 5. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 6. Стальная нить в некоторых музыкальных инструментах. 9. Грязевой курорт в Туркмении. 10. Освещение солнечными лучами. 11. Руль. 12. Союзная республика. 14. Протяженность. 15. Река в СССР. 19. Изделие из ткани. 21. Вокальный ансамбль. 24. Английский мореплаватель. 26. Станционное здание. 27. Фасон пальто.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

5. Пунктуация. 7. Гипотенуза. 8. Турчанинова. 11. Глетчер. 12. Ариосто. 13. Канва. 17. Одарка. 18. Карета. 19. Реферат. 20. Плашка. 21. Очиток. 24. Океан. 28. Окарина. 29. Великая. 30. Транспортир. 31. Диапозитив. 32. «Арлезианка».

По вертикали:

1. Контральто. 2. Скульптура. 3. Бакулев. 4. Конверт. 6. Ямайка. 7. Гринев. 9. Степанакерт. 10. Комментарий. 14. Наречие. 15. Варан. 16. Октод. 20. Подкарпаты. 22. Касабланка. 23. «Энергия». 25. Курсив. 26. «Аврора». 27. Перигей.

На первой странице обложки: Молодые избирательницы Людмила Позднякова и Светлана Бирюкова. Они работают на фабрике имени 10-летия РККА в Павловском Посаде, Московской области.

Фото А. Невежина.

На последней странице обложки: Играют сильнейшие хоккеисты мира — команды СССР и Канады.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01944 Подписано к печати 10/III 1965 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 000 000. Изд. № 219. Заказ № 527.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

СЕМЬСОТ ЛЕТ В ЗЕМЛЕ

Возле села Новая Романовка, Житомирской области, на вспаханной почве был найден раздавленный горшок с множеством монет.

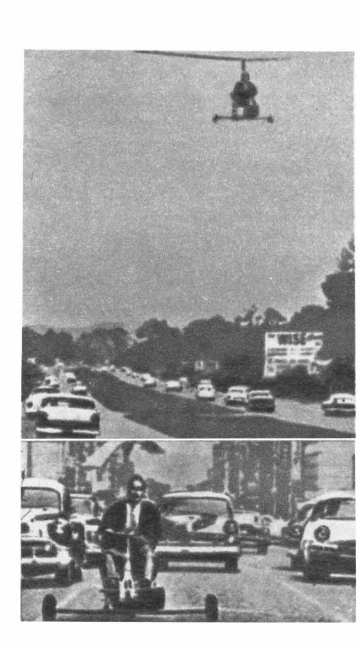
Установлено, что это монеты чеканки времен Римской империи. Клад зарыт в конце II столетия нашей эры.

В. МЕСЯЦ,
директор Житомирского областного краеведческого музея

ВЕРТОЛЕТ-ВЕЗДЕХОД

По улице одного из американских городов мчался необычный экипаж. Это миниатюрный вертолет-вездеход. Ему не страшны никакие преграды. Стоит включить винт — и он перелетит через озеро или реку.

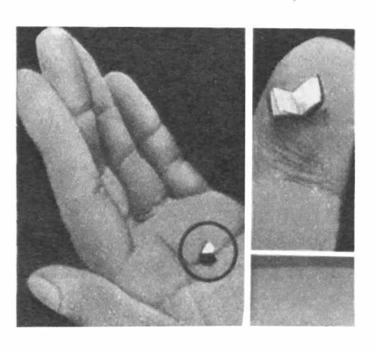

— Дайте жалобную книгу!
— Вам какой том?
Рисунок Г. и В. Караваевых.

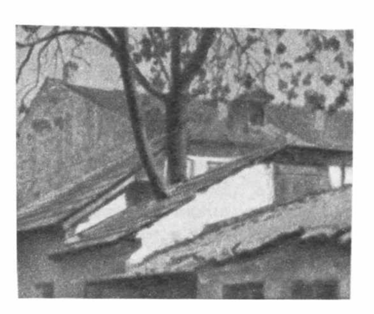
КНИЖКА-МАЛЮТКА

До сих пор считалась самой маленькой книжкой в мире библия — экспонат музея в Майнце (ФРГ). Ее размер — 5×5 миллиметров. Недавно в Японии сделана книжка меньшего размера — 2,8 × 4 миллиметра. В ней собраны сто стихотворений японских авторов.

ДЕРЕВО В КОМНАТЕ

В Крагуевце (Югославия) в доме Невены Стефанович посреди одной комнаты растет большое дерево, которому сейчас 60 лет. Хозяин квартиры использует ствол дерева как вешалку.

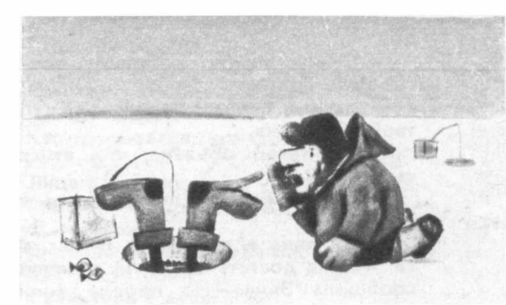

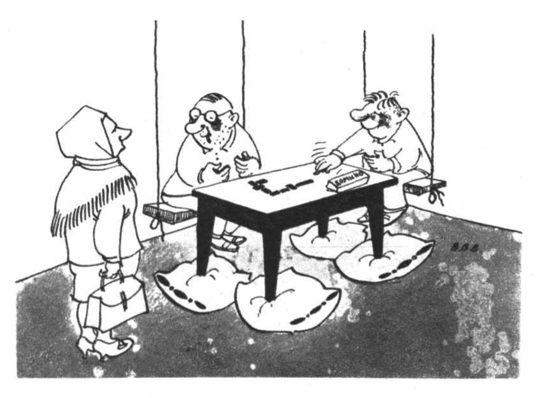
КРОКОДИЛЬИ ГОНКИ

Крокодильи слезы, крокодилья кожа, наконец, крокодилья алчность — эти понятия общеизвестны и не вызывают ни у кого удивления. Но крокодильи гонки?! Тем не менее эти необычные гонки проводились. Место соревнований — город Кэрнс (Австралия). Дистанция — 25 метров.

Очень большой окунь попался.
Рисунок О. Кандаурова.

— Теперь снизу нас не услышат — можем до утра стучать.

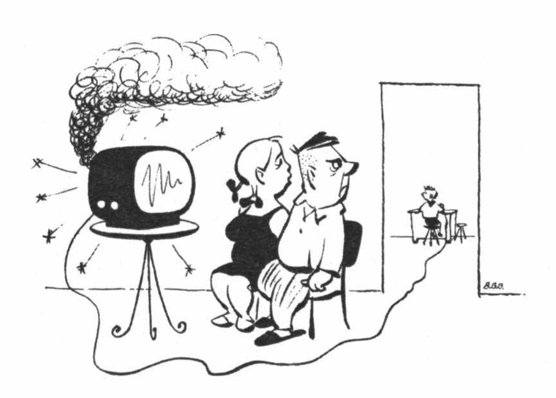
— А как мусоропровод?
— Ничего не пропускает, кроме акта о приемке дома.

— Вам-то легче. Вот мне двадцать девять, а я уже весь уцененный.

Рисунки В. Воеводина.

— Опять Вовка телевизором дистанционно управляет...

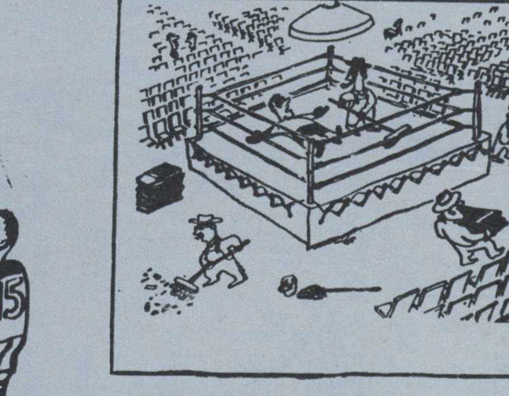

Вблизи появился лыжник-мужчина. (ГДР).

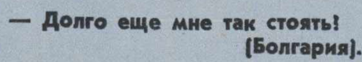
— Я совершенно точно видела, что этот господин ударил моего мужа. (ГДР).

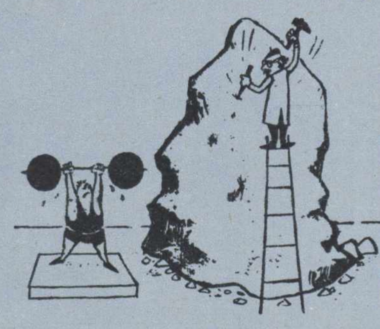
Куда девалась шайба? (Чехословакия).

— Что же он ушел? (Франция).

— Долго еще мне так стоять? (Болгария).

Без подписи. (ГДР).

Кочующий смех

Каждому художнику всегда хочется заранее знать, кто именно будет ценителем его рисунков. Однако, когда художник рисует карикатуру на спортивную тему, он уверен в большой аудитории, хотя никакая статистика не может учесть точного количества болельщиков. Пожалуй, никакие другие карикатуры не обладают столь интернациональным языком, как спортивные. Немыслимая свалка у хоккейных ворот одинаково смешна и для чешских и для советских болельщиков. Уехавшая от спортсмена лыжа вызывает улыбку и в финском городке и в уральской деревне.

Должно быть, именно поэтому карикатуры на спортивные темы, разумеется, если они смешны, совершают своеобразный круг почета по страницам мировой прессы, кочуя из газеты в газету, из журнала в журнал. Сегодня публикуется подборка рисунков, взятых из различных зарубежных журналов и газет.

Н. ЕЛИНСОН

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663